

М. Зимна

ВЫСОЦКИЙ -

*2 или 3 вещи,
которые
я о нем
знаю*

Портрета без ретуши

«Ясно, что Высоцкий — выдающийся художник, независимо от того, осознают это русские или нет, но все равно им выпало счастье иметь поэта с таким талантом».

Джон Роквэлл.

«Нью-Йорк Таймс». 22.01.1979 г.

«Был ли он по своим убеждениям советский или антисоветский? Я не разговаривал с ним об этом. Думаю, скорее всего, был и не тем, и не другим. Высоцкий просто не переносил зла и несправедливости в любом их проявлении».

Михаил Шемякин.

Париж. 29.07.1980 г.

Серия
«Портреты без ретуши»

W MARLENA ZIMNA
YSOCKI

— dwie lub trzy rzeczy,
które o nim wiem

MARLENA ZIMNA
ВЫСОЦКИЙ

— две или три вещи,
которые я о нем знаю

Перевод с польского
Геннадия Осадчего

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2007

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
КТК 683
З-62

*Светлой памяти
Тересы Кшевской-Рихтер —
первой учительницы польского
языка посвящаю перевод
этой книги*

ОТ АВТОРА

Зимна М.

З-62 Высоцкий — две или три вещи, которые я о нем знаю / М. Зимна; пер. с польского Г.И. Осадчий. — Ростов н/Д : Феникс, 2007. — 250, [1] с. — (Портреты без ретуши).

ISBN 978-5-222-10680-8

Издание представляет собой первый перевод на русский язык выпущенной в 1998 году и сразу ставшей бестселлером в Польше книги Марлены Зимны «Высоцкий — две или три вещи, которые я о нем знаю». Повествование отличается искренностью, правдивостью и независимостью суждений в изложении многих еще неизвестных читателю фактов из жизни Высоцкого.

ISBN 978-5-222-10680-8

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Зимна М., 2007
© Осадчий Г.И., 2007
© Оформление: изд-во «Феникс», 2007

Творчество Владимира Высоцкого — выдающегося русского поэта, актера и композитора до сих пор привлекает к себе внимание. Огромное число почитателей его таланта живут почти на всех континентах нашей планеты.

Поэтические тома, работы литературоведов, критиков музыки, театра, кино, даже философов и социологов, растиражированные в огромных количествах виниловые грампластинки, а сейчас компакт-диски, плакаты, открытки, марки и иного вида иконография — все это дает представление о размерах явления, которым было и остается творчество Владимира Высоцкого.

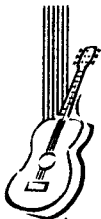
Его имя наконец-то заняло подобающее место во всякого рода энциклопедиях, словарях, в которых еще несколько лет назад искать его было бы тщетно. Сегодня оно неизменно фигурирует во всех такого рода публикациях, имеем ли мы дело с польским «Словарем писателей мира», лексиконом литературы XX века, обработанным немецким автором, или же с австралийским изданием «Кембриджского путеводителя по театрам мира». В Польше Высоцкий так и не дождался публикации, которая могла бы удовлетворить его поклонников. Правда, ему посвящено несколько книг и сотни статей в периодике, но их авторы, как правило, довольно часто грешили добросовестностью или же компетентностью.

Данная книга должна в определенной степени заполнить пробел наших знаний о Высоцком. Поэтому она содержит описания множества эпизодов короткой, но переполненной событиями жизни актера. Вы встретитесь с десятками фамилий, дат, названий городов, районов и различных организаций, а также фрагментами стихов и песен Высоцкого. Читатели этой книги, несомненно, найдут в ней темы, навеянные пребыванием поэта в Польше, и отголоски польских впечатлений.

Большое число фактов и событий, рассказов, исповедей, оценок и воспоминаний — все это собрано в данной книге, которая была задумана как своего рода мозаика, уложенная в необычайно красочный портрет поэта, жизнь и творчество которого я изучаю уже более 15 лет.

И с этой точки зрения, название книги «Высоцкий — две или три вещи, которые я о нем знаю» может кому-нибудь показаться чересчур лукавым или даже с претензией на кокетство. Однако для меня личность Владимира Высоцкого является такой сложной, такой восхитительной, такой щедро наделенной талантами, такой незаурядной и

необычайной, что, несмотря на то, сколько информации на эту тему я нашла, какое множество связанных с его личностью вымыслов и мифов я смогла изучить, много лет занимаясь поисками правды о нем, сколько подробностей я буду еще в состоянии узнать, это всегда будут только эти ДВЕ ИЛИ ТРИ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ Я О НЕМ ЗНАЮ.

В НАЧАЛЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ...

В самом начале 1960 года, когда четверка из Ливерпуля еще не затмила славы Брижит Бардо, а во время демонстрации фильма «Бабетта идет на войну» перед кассами кинотеатров выстраивались огромные очереди, в России неожиданно появился молодой человек с гитарой, худой, невысокий, скромный. Появился, но еще не был замечен, никто тогда его не знал, не поддерживал, не помог», — вспоминает начало творческого пути Высоцкого его многолетняя партнерша по сцене актриса Театра на Таганке Алла Демидова.

Она познакомилась с Высоцким в 1964 и поняла, что этот человек очень талантлив.

Однако первые песни поэта появились несколькими годами раньше, а настоящая слава (хоть и не такая легендарная, как в 70-е годы) пришла к нему во второй половине 60-х.

Ранние записи Высоцкого полны своеобразного очарования, присущего первым

творческим открытиям всех выдающихся поэтов, певцов или актеров. Великих, но еще никому не известных, презентующих свои достижения узкому кругу почитателей, будь то семья, друзья или коллеги. Уже без стеснения, с полным убеждением, с верой в светлое будущее или хотя бы в лучшее завтра. Таковы первые записи Высоцкого, поющего охрипшим, но еще не таким, как позднее, голосом. Слушая их, представляем себе парня с московского дворика, в невзрачном пиджачке — молодого, способного, никому не известного, безработного и бедного. Его пение вызывало время от времени приступы смеха (от юморных текстов) у слушателей, которые пока что не только слушают, но и вслух комментируют: «Молодец!», — дискутируют, подпевают ему.

Позже никто не осмелится подпевать Высоцкому. Только один единственный раз вторит Высоцкому актер Таганки Валерий Золотухин, подпевая в песне «Банька по-белому» в документальном фильме о кинематографической деятельности Высоцкого. Зал отреагирует на эти усилия дружным смехом и шепотком: «Какое жалкое зрелище». От себя добавлю, что это еще мягко сказано.

В начале шестидесятых Высоцкого еще никто не критиковал. Он был одним из многих — коллега, партнер, но не идол. Несколько лет спустя его уже знала вся страна, но не все давние друзья узнавали в нем того парня.

Лионелла Пырьева — актриса, которая играла с Высоцким в фильмах «Хозяин тайги» и «Опасные гастроли», знала Володю Высоцкого, когда ему было 19 лет. «Первый раз я встретила Володю Высоцкого в 1957 году, — вспоминает она. — Я училась тогда в Театральном институте и жила в общежитии на Трифоновке. Володя жил напротив, около Рижского вокзала. Виделись мы часто. Был он энергичный, полный экспрессии парень. Всегда

чистый, опрятный, всегда в одном и том же пиджаке из твида, как будто он в нем родился. Никто не думал тогда, что он станет звездой эстрады и кино, ведь мы только вступали во взрослую жизнь. Часто собирались вместе, Володя приходил в нашу компанию, был своим. Пел, играл на гитаре».

Несмотря на то что Лионелла Пырьева несколько лет почти каждый день общалась с Высоцким, достаточно было перерыва в несколько лет, чтобы очередная (на сей раз заочная) встреча с ним застала ее врасплох.

Осенью 1967 года на гастроли в Москву приехал известный театр Товстоногова. Лионелла Ивановна пришла на спектакль вместе с мужем Иваном Александровичем Пырьевым, известным режиссером и большим знатоком искусства. Этот осенний вечер подарил ей не только переживания от спектакля, но и большое открытие, после театра, на квартире у друзей. «По окончании спектакля, — вспоминает она, — мы пошли с Иваном к друзьям. А там как раз слушали пластинки. И вдруг я услышала: «Ну и дела же с этой Нинкою...» («она ж жила со всей Ордынкою...»). Голос показался знакомым, а текст очень оригинальным, пробуждающим много эмоций и довольно смелым на то время. Я спросила: «Кто это поет?». Друзья были просто в шоке от моей «темноты»: «Как? Не знаешь, кто поет?! Это же Владимир Высоцкий, талант номер один, знаменитость!»».

Нечто подобное переживала и любовь молодого Высоцкого, а затем его первая жена — Иза Высоцкая (Изольда Жукова). Она привыкла слушать дворовые песни своего мужа, почерпнутые из традиций городского романса, но через несколько лет после их окончательного расставания услышала как-то запись песни «Кони привередливые» и — как она вспоминает сейчас — впечатление, которое произвела на нее песня, было шокирующим.

Неожиданно растущая слава Высоцкого и его успех приобрели еще большую силу, когда он в полной мере продемонстрировал и свой большой талант. В 1967 году он успешно воплотил образы Хлопуши (спектакль «Пугачев» по С. Есенину) и Галилея («Жизнь Галилея» по Б. Брехту). Поэтому неудивительно, что он стремительно становился звездой первой величины в труппе Юрия Любимова и ведущим актером Театра на Таганке, театра, популярность которого далеко перешагнула границы Советского Союза. Однако настоящую известность принесли Высоцкому собственные песни, исполненные под аккомпанемент гитары хрипловатым голосом, который невозможно было перепутать ни с каким другим.

Переломным для артиста как в творческой деятельности, так и в личной жизни был 1967 год. Он познакомился с Мариной Влади, известной французской актрисой, которая через три года становится его женой. А если говорить о концертах, то в том же 1967 году они собирали толпы поклонников Высоцкого. Жители Самары (бывший Куйбышев) считают, что именно его выступления в их городе окончательно проторили Высоцкому дорогу на вершину славы.

Да, подумать только, всего лишь несколькими годами раньше приятели артиста были глубоко убеждены в том, что со своим хриплым голосом он не сможет и мечтать о карьере певца. Они даже не допускали мысли о том, что Высоцкий сделает из своего голоса оружие.

«БОЛЬШОМУ ПОЭТУ...»

С первыми успехами у Владимира Высоцкого появились не только новые друзья и почитатели, но и враги. Последние нередко были среди его коллег, партнеров по сцене или литераторов, признанных официальными властями.

Широко известен факт, когда во время демонстрации документального фильма, посвященного юбилею Театра на Таганке, неприязнь коллег к Высоцкому проявилась в горькой и болезненной для него форме. Собравшиеся актеры восхищались фильмом.

Вся труппа реагировала на его презентацию необычайно живо. На экране появлялись очередные лица — и раздавались аплодисменты. Если громко комментировались какие-то сцены, слышались остроты. Но когда в кадре показали Высоцкого, в зале воцарилась гробовая тишина. Не раздалось ни одного голоса, ни на одном лице не появилось улыбки.

Высоцкий рассказал об этом несколькими своим друзьям, что еще раз подтверждает то,

что он чувствовал себя задетым за живое. Вадим Туманов вспоминает, что у Высоцкого были на глазах слезы. Другой друг артиста — Эдуард Володарский добавляет, что поэт спрашивал его печально: «Скажи, ну что я им такого сделал?», на что Володарский со свойственной ему прямо-той ответил: «Ничего. Пишешь замечательные песни». Более того, Володарский не скрывает, что отношение актеров Таганки к Высоцкому было очень плохим. Это подтверждают знакомые и близкие поэта. Инна Ульянова вспоминает, например, как в одной из сцен спектакля «Добрый человек из Сезуана» Высоцкий, согласно сценарию, жмет ей руку. «Внезапно я почувствовала, — говорит она, — что ладонь Володи, как ледышка, а сам он выглядит как-то нехорошо. «Володя, что с тобой? Что случилось?» — прошептала я. А он: «Плохо себя чувствую, Инна, очень плохо. Но никто мне не верит, что на самом деле мне плохо».

Старший сын поэта Аркадий Высоцкий недавно мне признался, что когда он проводил отца в июле 1980 года, то застал его в плачевном состоянии. «Отец открыл мне дверь, очень удивился, что я пришел. Он сказал, что ляжет. С трудом говорил и с трудом держался на ногах. Я понял, что с ним плохи дела, впал в панику и начал лихорадочно звонить всем, кто его знал. Позвонил Золотухину и Смехову (Валерий Золотухин и Вениамин Смехов — актеры Театра на Таганке. — *Примеч. автора*), я умолял их, чтобы они приехали, говорил им, что отцу нужна неотложная помощь. Они не согласились приехать. В общем, никто так и не приехал. Это было действительно страшно. Намного позже я дозвонился до Янкловича и Абдулова. Они приехали».

Администратор Таганки Валерий Янклович и актер Всеволод Абдулов были немногими в окружении Высоцкого,

кто, понимая его состояние, помогал и поддерживал его. Остальные же пренебрегали мнением врачей о тяжелой смертельной болезни Высоцкого. А ведь когда восемнадцатилетний Аркадий отчаянно просил о помощи отцу, Высоцкому оставалось жить всего несколько дней!

Справедливости ради следует, однако, заметить, что в труппе Таганки был доброжелательный к поэту человек. Речь идет об актрисе Зинаиде Славиной, которая, в очередной раз придя в восторг от игры Высоцкого, подошла к нему после занавеса и попросила автограф. Сидя в зале во время спектакля «Жизнь Галилея», она плакала, потрясенная игрой Высоцкого. Володя подбежал к ней после поклонов перед публикой, говоря: «Зина, если бы ты знала, как сильно мне помогла! Нравится пьеса?». Славина, украдкой вытирая слезы, ответила: «Нравится, Володя, очень нравится».

Такое отношение к нему со стороны партнерши по сцене было для Высоцкого как целебный бальзам, заживляющий раны после неприятных эпизодов закулисной грызни в таганковском театре.

Валерий Золотухин довольно часто вспоминает, как на одном собрании труппы Высоцкий хотел высказаться по поводу французских гастролей Таганки. Не успел он произнести и нескольких слов, как услышал полный сарказма голос одной из актрис: «Вы бы лучше вообще ничего не говорили! Вы даже с нами не здороваетесь!». Высоцкий, растерянный и застигнутый врасплох таким обвинением, сел на место и более в диспуте не участвовал.

Валерий Золотухин, комментируя эту ситуацию, признался, что Высоцкий время от времени не здоровался с коллегами и иногда не замечал их, но происходило это не умышленно, без всяких задних мыслей. «Володя и меня

иногда не видел, — утверждает он. — Я шел, например, по коридору, а Володя мне навстречу. Шел и не видел меня. Он поравнялся со мной и не заметил, что я иду рядом, он ничего не видел! Его мысли и взгляд были где-то очень далеко. Я окликнул его: «Володя!». Он посмотрел на меня, как бы пришел в себя и поздоровался».

Для большинства актеров Таганки отсутствующий взгляд Высоцкого был свидетельством не задумчивости, а скорее высокомерия. Они полагали, что он делает это специально, демонстрируя тем самым якобы свое превосходство над ними.

Несколько лет назад я спросила Людмилу Абрамову — вторую жену Высоцкого — об атмосфере вокруг Высоцкого в Театре на Таганке, но она ответила уклончиво и не захотела рассказывать о закулисных интригах. Однако признала, что отношение Высоцкого к Юрию Любимову — главному режиссеру Таганки — было неоднозначным, несмотря на явное восхищение поэта творческими достижениями своего, как он его называл, шефа. Людмила Абрамова призналась мне в том, что это восхищение сменялось, и не раз, ярко выраженным недовольством: «Думаю, в какие-то периоды жизни, в какие-то минуты Володя ненавидел Любимова. Хотя он очень его любил, собственно, как отца, восхищался им и ценил его. Но временами он его ненавидел. И наоборот. Любимов давал Володе отцовскую любовь. Трактовал его как чудесное, но непослушное дитя. Многое ему прощал. Разные выходки. А был ведь он весьма суров и даже деспотичен. Временами Любимов ненавидел Володю. Это было совершенно ясно. Ежедневные контакты двух великих индивидуальностей приводили не только к согласию и сотрудничеству, но и к конфликтам и ссорам».

Любимов, чего нельзя не признавать, вынужден был выслушивать язвительные замечания некоторых актеров

труппы. Часто он слышал: «Почему Высоцкому все прощается, а нам нет? Почему ему все можно? Он не считается с коллективом. Ведет себя просто по-хамски!».

В мае 1980 года, за два месяца до смерти Высоцкого, перед выездом Театра на Таганке в Варшаву на Международные театральные встречи, Марина Влади позвонила из Парижа в Москву, поставив в известность Любимова о том, что Володя не сможет приехать в Польшу. Его состояние было довольно тяжелое. Он находился в парижской клинике. Коллеги по театру тогда устроили невообразимый шум: «Это черт знает что! Из-за Высоцкого мы не поедем в Польшу!». Валерий Янклович бросил тогда им нелестные слова: «Запомните, что если где-то вас еще и приглашают, то только лишь потому, что в вашем театре играет Высоцкий! Если бы не его имя, никуда бы вы не поехали!».

Однако, практически убежав из клиники, Высоцкий все же прилетел в Польшу. Он сделал это, взяв всю ответственность на себя и убедив Марину Влади подписать соответствующее заявление. Сумел ее убедить, и она уступила его уговорам. Актер рвался в Польшу. Не хотел подводить зрителей. А, может быть, он знал, как отреагируют партнеры по сцене на его отсутствие?

Но не только они проявляли поразительную недоброжелательность по отношению к Высоцкому. Коллеги по перу также его не жаловали. Большинство из них начало громко петь дифирамбы поэту лишь тогда, когда его не стало. И не только дарить комплименты! Они дружно стали приписывать себе действия и старания по опубликованию произведений Высоцкого. До сегодняшнего дня никто не подтвердил этих фактов. Неизвестно также, были ли это официально признанные литераторы, довольствующиеся личными привилегиями, льготами, продуктовы-

ми пайками, пригретые властями и в действительности носившие в редакции литературных журналов стихотворения Высоцкого. Известно зато, что поэт написал о них:

И мне давали добрые советы,
Чуть свысока похлопав по плечу,
Друзья мои — известные поэты:
«Не стоит рифмовать «кричу-торчу»».

Он имел веские основания, чтобы «оценить» их таким образом.

Будучи уже в славе и имея такие знаменитые песни, как «Кони привередливые», «Охота на волков» или «Банька по-белому», как-то в один из вечеров в московском аэропорту поэт встретил Евгения Евтушенко, который, увидев его, задержался и с высоты своего роста бросил на Высоцкого взгляд, лишенный всякого тепла, и после этого он с заумной миной на лице похлопал его по... животу и изрек: «Растешь, брат, растешь», — подводя таким идиотским способом итог творческих успехов Высоцкого.

Вспоминает свидетель этой сцены, приятель артиста: «Все произошло довольно быстро, но Володя приостановился на какое-то время, удивленный такого рода поведением. Громко выругался, а потом сказал: «Не люблю, когда кто-то похлопывает меня так». Эта встреча явно испортила ему настроение».

А Евтушенко, демонстративно накрутив вокруг шеи невероятно длинный шарф с заграничной «лейблой», «маршировал» дальше. Заграничный шарф Евтушенко, кстати говоря, стал предметом множества насмешек. И, может, даже не столько шарф, сколько способ его ношения владельцем. Наиболее метко и в то же время остро высмеяла слабость Евтушенко к заграничным вещам великая Анна Ахматова. Когда Евтушенко пришел к ней в элегантном костюме при галстукке, а из верхнего кармана его

пиджака торчала новенькая заграничная авторучка, поэтесса спросила у него: «А где же вы держите свою зубную щетку?». И надо признать, что было это замечание коротким, но необычайно колким.

Справедливости ради следует добавить, что когда Высоцкий написал свою знаменитую «Охоту на волков», Евтушенко, будучи тогда на Севере, получив запись этой необычной песни или, скорее всего, услышав ее случайно у друзей, прислал Высоцкому телеграмму следующего содержания: «Мы слушали твою песню двадцать пять раз подряд. Я становлюсь перед тобой на колени!». Однако это признание не помешало ему позже назвать Высоцкого средним поэтом, средним певцом и средним актером.

В кругах российских литераторов отсутствием зависти в отношении к Высоцкому отличалась, пожалуй, только поэтесса Белла Ахмадулина. На Западе литераторов, высоко ценивших его творчество, было значительно больше. Нобелевский лауреат Иосиф Бродский в фильме о Высоцком, снятом в США в 1981 году, сказал о нем: «Думаю, он был необычайно талантливым человеком, наделенным страшными способностями. Его рифмы были просто феноменальными. Он был очень способный. Имел также феноменальный лингвистический слух. А рифмы — по просту великолепны».

Во время встречи в Соединенных Штатах Бродский подарил Высоцкому свой томик с дарственной надписью. Марина Влади написала в книге «Владимир, или Прерванный полет» (в польском переводе название звучало «Высоцкий, или Прерванный полет»), что Высоцкий поставил подаренный Бродским томик на наиболее почетное место в своей квартире. Канадский ученый и исследователь творчества Высоцкого Марк Цыбульский, однако, быстро опроверг это утверждение, сказав, что не только

в «наиболее почетном месте», но и в других «закутках» квартиры Высоцкого никто книги Бродского не видел. Марк Цыбульский склоняется к тому, что Высоцкий вообще не привез книгу с Запада, опасаясь, что ее отберут советские таможенники. Предположения о таможенном контроле, конечно же, справедливы. Не исключено, что Высоцкий все же привез книгу в Россию, но она была конфискована на той же таможне. Лишь недавно стало известно, что после смерти Высоцкого этот томик нашли в архивах КГБ.

Когда Бродского в одном из интервью спросили, помнит ли он, что написал в дарственной надписи на книге своих стихов для Высоцкого, тот ответил: «Помню очень хорошо. Написал: «Большому поэту — Владимиру Высоцкому. Иосиф Бродский».

«В МЕНЯ ВЛЮБЛЯЛАСЯ ВСЯ УЛИЦА...»

В воспоминаниях о Высоцком, написанных его друзьями и родными, на первый план выступают такие черты его характера, как скромность, доброта, нежность и доброжелательность.

О щедрой раздаче им подарков ходят даже легенды. Может быть, поэтому, по причине своей исключительной щедрости, Высоцкий, который зарабатывал в последние годы жизни действительно огромные деньги, оставил после себя немалые долги.

Друг поэта Аркадий Свидерский вспоминал: «Володя очень любил одаривать своих родных, друзей и знакомых. Когда он выезжал на Запад, то по возвращении регулярно привозил всем подарки. Это по собственной инициативе. Но ведь еще дополнительно каждый о чем-то просил. У всех нас остались вещи, напоминающие об этом. Вещи, которые когда-то привез Володя». Даже в последние месяцы жизни Высоцкий не мог освободиться от этих заказов и просьб. Как-то раз Марина Влади сказала своей подруге: «Эти просьбы — как колодец без дна».

Знаменитый русский художник, живший в Париже, а потом в Нью-Йорке, пожалуй, самый близкий и лучший друг Высоцкого Михаил Шемякин вспоминает, как он продал его (за месяц до смерти) в парижской клинике для пациентов, страдающих от наркотической зависимости: «Володя лежал тогда в такой закрытой клинике в Париже. И конечно, я пошел к нему, пробираясь через какие-то кусты, склады, тылы (клиника ведь была закрытая!), в конце концов, сам не знаю, как это было, какое-то седьмое чувство — я уперся в тяжелую железную дверь. У меня вообще жуткое отвращение к психушкам, коммунисты ведь «лечили» в них (ясное дело, полностью здоровых) людей науки, искусства, диссидентов. Меня также. Ну и увидев железную дверь (надо сказать, везде вокруг тоже было железо — решетки на окнах), я отворил ее, а за ней в коридоре стоял... Володя. Он так обрадовался, увидев меня! Поздоровались. А потом мы пошли в его палату. Володя грустно усмехнулся и сказал: «Ой, Миша, Миша, может, лучше не иди. Это же психушка. Поважут тебя, повяжут, вот увидишь!»».

Но ему тогда было не до смеха. Он подошел к окну. Стоял так с минуту. Накануне ему покрасили волосы для какого-то фильма, и сейчас они отсвечивали рыжим, как будто бы он был ирландцем. Это настроение и колорит напоминали времена Ван Гога. Потом Володя приложил лоб к стеклу и все смотрел (сквозь решетку!) на то, что было за окном. А там были какие-то деревца, какие-то кусты, тучки на небе — и все это как будто его вообще не касалось. Это было страшно! Невозможно описать! Та неземная тоска, которая в последнее время его сжигала. А потом Володя неожиданно начал заводить: «Миша, я не помог людям, не сдержал слова». «Каким людям?» — спросил я. Оказалось, что он должен был кому-то при-

везти какие-то подшивники: «Попал в клинику и не смог их купить». Он считал, что подвел тех, кому это обещал».

В этом месте, надо признать, большинство поклонников таланта Высоцкого, слушая рассказ Шемякина (а он возвращался к нему не раз во многих интервью) с возмущением крутят головой. Все это почему-то кажется им достойным сожаления фактом, хоть и по-своему трогательным, вот, мол, сам Высоцкий сидит и чуть не плачет, что вовремя не привез знакомым подшивники. Они свято убеждены в том, что за такую ничтожную вещь никто бы его не стал осуждать, так как, во-первых, это был сам (!) Высоцкий, а во-вторых, все знали, что состояние его здоровья почти безнадежно. Как же, однако, поклонники поэта ошибаются! Ведь его знакомые, увы, не были столь великодушны, как он.

В июне 1980 года Высоцкий, возвращаясь из Парижа, задержался на один день в Германии, пообещал своему знакомому Роману (жившему несколько лет в ФРГ), что поможет уладить какие-то его дела в Москве, но потом, когда у Высоцкого не нашлось ни времени, ни сил, чтобы этим заняться, этот тип названивал в Москву с претензиями к дежурившим около больного поэта друзьям: «За кого он меня принимает? За малое дитя?». Высоцкий находился тогда в плачевном состоянии, дни его были сочтены, но для знакомого важнее всего было «дело» (скорее всего связанное с его собственными интересами), чем болезнь поэта.

Щедрость Высоцкого берет свое начало из его детства и ранней молодости. В то время поэт делился с друзьями единственными пальто, ботинками, последним куском хлеба.

Актриса Лионелла Пырьева характеризует его так: «Володя был человеком, быстро завязывающим знакомства,

очень добрым, впечатлительным, умеющим быстро оценить не только состояние души, но и характер каждого, с кем встречался. Я глубоко убеждена, что Володе достаточно было перекинуться с кем-нибудь парой слов, чтобы знать о нем все. Он был как рентген!». «Когда-то произошла между нами сцена, которую я не забуду, и буду ему благодарна до конца моих дней, — рассказывает далее Пырьева. — Однажды я шла по московской улице. Шла в прямом смысле с пустыми карманами. Не было денег. Ни копейки. Даже на хлеб. Будучи актрисой театра имени Станиславского я зарабатывала 69 рублей в месяц. Издалека я увидела Володю. Было видно, что он куда-то спешил, но, заметив меня, приостановился. Спросил, как дела, как живу. «Ничего, все в порядке», — ответила я. «До свидания, Лина», — сказал тогда Володя. «До свидания, Володя», — сказала я. И мы разошлись каждый в свою сторону. Но неожиданно Володя вернулся, догнал меня, сунул мне в руку трешку: «У меня тоже дела идут не лучшим образом, больше нет. А ты, наверное, сегодня даже не завтракала». Как он об этом узнал? По моим глазам? Я зажала трехрублевку в ладонь, слезы подступили к горлу, и я едва прошептала: «Спасибо». И через мгновение только опомнилась, чтобы посмотреть, как он уходит. Хорошо знала, что Володя как актер театра имени Пушкина тоже зарабатывает немного. Три рубля в то время! Я могла на них прожить целых два дня! Именно те два дня, которые оставались до полочки».

Высоцкому было тогда 23 года. Был очень беден. Хорошо знал, что такое голод, и, может, именно поэтому сразу понял, что требовалось его коллеге. Впрочем, своей проницательности и щедрости он не терял никогда, причем размеры последней возрастали прямо пропорционально его финансовым возможностям.

В 1979 году Высоцкий находился на гастролях в Соединенных Штатах. Встретился там со своим давним другом, с которым связывали его родственные узы. Это был Павел Леонидов — известный российский импресарио, организатор его персональных концертов и многих звезд российской эстрады. В США ему не слишком везло, у него не хватало денег, он заболел, подумывал даже о том, чтобы вернуться в Советский Союз. Уезжая после гастролей, Высоцкий оставил Леонидову тысячу долларов, чтобы помочь пережить трудный период. После смерти Высоцкого Павел Леонидов написал о нем довольно противоречивую книгу «Высоцкий и другие», которую напечатали в США, а позже (после смерти Леонидова) и в России, где она выдержала несколько изданий.

Щедрое одаривание близких и знакомых всевозможными вещами и деньгами не было единственной «слабостью» Высоцкого. Его доброта проявлялась и во многом другом. Наталия Белохвостикова, сыгравшая вместе с Высоцким в замечательном фильме «Маленькие трагедии» (это была последняя кинороль Высоцкого), призналась недавно, что во время съемок она очень сильно заболела: «У меня был грипп: сначала высокая температура, а потом резко упала — 35 градусов. Чувствовала себя совсем плохо. Давление понизилось до ста на девяносто. Привозили меня на киностудию и отвозили домой. Делали уколы, давали какие-то отвары из трав. Володя мне очень сочувствовал. Может, потому, что и сам он был серьезно болен, а может, еще потому, что имел совершенно уникальный дар понимать каждого человека, с которым встречался. Все время поддерживал меня. Даже транспортировал с места на место, буквально носил по всей студии, когда у меня не было сил ходить. А случилось такое часто». Наталия Белохвостикова наблюдала,

как действовал магнетизм Высоцкого на совершенно чужих для него людей, которые сталкивались с ним случайно хотя бы единственный раз. Актриса утверждает, что их любовь шла от сердца и была гораздо большей, чем любовь тех, кто работал и жил с ним рядом... Она рассказывает: «Временами съемки кончались поздно, нередко около полуночи. И только тогда мы все вспоминали, что у нас не осталось бензина. А Володя был так измотан и тоже забывал, что бак пуст. На заправке, расположенной недалеко от студии, ни капли бензина. Ночь. Все закрыто. Но когда он подъезжал на своем «Мерседесе», его машину всегда заправляли. Он не успевал еще открыть рот, не успевал произнести ни слова, а они уже бежали к нему со всех ног — со шлангом в руке, — счастливые от того, что могли хоть чем-нибудь помочь Высоцкому. Только завидев его кепку, услышав его хриплый голос, они торопились его обслужить».

Кстати сказать, свидетелями этих сцен, демонстрирующих, с каким обожанием и почтением относились к поэту его поклонники, были также и члены съемочной группы, работавшие на площадке картины «Плохой хороший человек» — одной из лучших кинолент с участием Высоцкого. Часть сцен нужно было снимать на пляже, необходимо было позаботиться о том, чтобы в кадр не попали посторонние люди. Поэтому несколько раз приходилось прекращать работу. И тут к берегу подплыла моторка, съемка опять остановилась. Из лодки вышли несколько мужчин. Они хотели видеть своего кумира, поговорить с ним и пригласить на дегустацию замечательного пива. Высоцкий долго и неоднократно объяснял им, что занят, но те все равно твердо стояли на своем. Не хотели идти ни на какой компромисс. В конце концов в довольно резкой форме поэт сказал, что было бы лучше, если бы они

уплыли, ведь рев мотора лодки не дает группе нормально работать. Все-таки его доводы как-то их убедили — мужчины оставили на пляже ящик пива и вернулись в лодку, но продолжали пристально следить за каждым шагом своего кумира. Отплыв, они включили «на всю катушку» свой «палубный» магнитофон с записью песни Высоцкого:

В меня влюблялася вся улица
И весь Савёловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Когда на Одесской киностудии проходили съемки многосерийного фильма «Место встречи изменить нельзя», Высоцкий пригласил к участию в них (в небольших эпизодах) многих своих друзей. Он хотел таким образом доставить им удовольствие и в очередной раз оказался провидцем, ибо этот фильм стал необыкновенно популярным в стране, можно сказать, культовым, а его герои и актеры, исполнявшие их роли, выросли в глазах зрителей до титула живых легенд. Каждый, сыгравший в фильме (пусть хоть и в маленьком эпизоде), навсегда остался в памяти благодарных зрителей и поклонников Высоцкого.

В фильме снимались друг поэта Аркадий Свидерский, сын Вадима Туманова, сын Марины Влади от ее брака с известным французским актером Робером Оссейном — Пьер Оссеин, а также жена Бабек Серуша и Валерий Ян-Клович.

Бабек Серуш вспоминал в одном из своих интервью, что как-то вечером Высоцкий позвонил его жене и попросил, чтобы та приехала на киностудию, потому что заболела одна из актрис и необходимо заменить ее в небольшой роли. «Моя жена не хотела никуда ехать, было уже поздно, и она соврала, что это я не разрешаю ей

сниматься в кино, — признался Бабек Серуш. — Володя позвонил еще раз и пригласил меня к телефону.

«Что ты вытворяешь? — спросил он. — Что за бессмысленные запреты?» Я объяснил ему, что ничего жене не запрещал. Тогда Володя уговорил ее на эту роль. Она согласилась при условии, что я поеду с ней на студию. Мы поехали. Жена пошла на съемку, а я ждал ее в коридоре. И как бывает в кино, ту небольшую сцену снимали всю ночь и закончили лишь к утру. Я сидел и ждал, когда же там с этим управятся. А Володя все время выбегал и дергал меня за рукав: «Ну, пошли, Бабек, тебя тоже снимем».

Доброжелательность Высоцкого к друзьям и знакомым все-таки не уберегла его от множества инсинуаций, подло распространяемых людьми, его окружавшими. Он неоднократно ощущал это. Его легендарный «Мерседес» часто, даже слишком часто стоял с пробитыми покрышками. Кто-то в ярости мог проколоть все четыре колеса. Как утверждает фотограф Театра на Таганке Александр Стернин, перед началом спектакля «Вишневый сад» кто-то из актеров специально расстроил Высоцкому гитару. Поэт только удивлялся: «Кому это нужно?».

Актриса Лариса Блинова кратко подытоживала: «Володе завидовали по любому поводу. Никто не замечал отсутствия у него официального признания, званий, привилегий. Но завидовали его огромной славе. Как же пожирала зависть его коллег-артистов! Завидовали его успеху у женщин, его «Мерседесу». Никто не хотел понимать, каким трудом, какими усилиями он заработал деньги на приобретение этой машины. Выгодней им было думать, что его ему подарила Марина. Но это неправда. Это результат его сольных концертов, на которые спешили поклонники его таланта, готовые слушать его даже стоя. Впрочем, Володя дарил Марине ничуть не меньше, чем

она ему. Володя ведь в последние годы очень много зарабатывал. Одно только итальянское телевидение за один день съемок платило ему тысячу долларов».

Справедливости ради следует заметить, что Высоцкий не принадлежал к монолитам, которым все сверху видно, ясно и просто. Он был очень сложной личностью и мог быть не только доброжелательным и ласковым. Михаил Шемякин как-то признался: «Володя мог, как говорят в России, «вырубить» человека, если знал, что он того заслуживает. Когда общение с кем-то было ему неприятно, это моментально читалось на его лице. И такому человеку он мог ответить так, что даже я (хоть считаю себя человеком плохо воспитанным) чувствовал себя неловко». Наталия Белохвостикова подтвердила это мнение: «Некоторые его боялись, он мог сказать что-то неприятное, острое! Потом извинялся. Но окружающие об этом помнили».

Инна Ульянова — партнерша по сцене — также кратко свидетельствует: «Для меня Володя был очень добрым и скромным человеком. Очень элегантным. Может быть, только в последние годы становился каким-то неприступным». Лариса Блинова еще более категорична: «Володя умел себя держать, был уравновешенным. Поэтому если его кто и не любил, не было в том его вины. Это была обыкновенная людская зависть!».

Лионелла Пырьева призналась: «Умер Володя. Мы с мужем пошли на Таганку в театр. Слушали воспоминания тех, кто его любил, и они говорили вслух то, на что они имели право в знак своей любви к нему, но доносились и высказывания тех, кто не любил его, завидовал ему при жизни. Они не имели права ничего говорить о нем, но они уверяли всех в своей любви... Мы с мужем относились к третьим. К тем, которые его любили и молчали. Также молча мы положили цветы к его ногам... Для нас мир наполовину опустел».

«...ВСЕ ЖЕНЩИНЫ БЫЛИ ЕГО!»

Женщины в жизни Высоцкого. Как никакая другая эта сторона личной жизни артиста пробуждает интерес и привлекает внимание. Успех у женщин Высоцкий имел исключительный, а о его любовных похождениях ходили целые легенды, и, может быть, скоро придет время памятной книги об этом, которая станет настоящим издательским бестселлером, каким стал «Дон-Жуанский список Пушкина».

Судьба этой книги оказалась очень сложной: в эпоху сталинизма она была запрещена и переиздания дождалась только на рубеже восьмидесятых. Книга собрала сколько похвал, столько и критики, так как в России долгое время частная жизнь писателей считалась запретной темой, а любое отступление от данного правила сопровождалось скандалом.

Однако читателям всегда была любопытна интимная жизнь выдающихся личностей, и сейчас так же, как много лет назад, книги о любви и любовницах Пушкина и других великих

людей читаются с интересом. При славе соблазнителя, какой пользовался Владимир Высоцкий при жизни, его Дон-Жуанский список снискал бы несомненный успехом у читателей. Впрочем, его обаяние обольстителя несло в себе нечто загадочное, и трудно было бы сразу в нем предполагать любовника. Между тем женщины легко поддавались его очарованию, и неизменная симпатия со стороны слабого пола сопутствовала ему с ранней молодости и до конца жизни.

В фильме «Четвертый», снятом по роману Константина Симонова, рядом с Высоцким играла молоденькая и очень красивая актриса Таня Васильева. Костюмы для актеров смоделировала Ганна Ганевская, которая наблюдала сцены с участием Высоцкого и сделала интересные заметки: «Это было как-то удивительно. Рядом стояла красивая, очень молодая женщина, высокая, стройная, чарующая, и мужчина, уставший от жизни, больной, не привлекавший к себе внимания ни ростом, ни внешностью в традиционном ее смысле. Если бы не понимание того, что имеешь дело с Высоцким, то не было бы на чем задержать взгляд. Но это только казалось! Чем дольше я на них смотрела, тем больше думала о том, что он мог бы ее совсем не любить, а она не могла не чувствовать к нему симпатии. Высоцкий был как шаман! Пришел в этот мир с огромной энергией и все притягивал к себе — вещи, стихи, зрителей, женщин — вот это загадка!».

Наблюдения Ганны Ганевской подтверждает сама Татьяна Васильева: «Высоцкий всегда был мужчиной из крови и плоти — и на сцене, и в реальной жизни. Сейчас актеры чем-то напоминают женщин и ведут себя соответственно. Помню, как в 1967 году у Высоцкого был жуткий роман с одной из моих студенческих подружек из театральной школы-студии МХАТа. Красавица! По водосточной трубе и карнизам он влезал к ней на третий этаж в окно, как

рыцарь, с гитарой. Подъезжал к ее воротам на каком-нибудь огромном грузовике, занимая им тротуар, — и в окно! На третий этаж. В общежитие, где жили девушки и куда после определенного времени не впускали. А он приезжал поздно — после спектакля! И все время играл, играл! В каждом его движении было столько романтики! Позже эта наша красивая подруга так и не стала актрисой. В то время каждая из нас мечтала оказаться на ее месте. Быть любимой женщиной Володи Высоцкого!».

В 1966 году (во время съемок кинофильма «Вертикаль») у Высоцкого был необычайно бурный и громкий роман с Татьяной Иваненко, актрисой Театра на Таганке. Лариса Лужина, игравшая в «Вертикали» одну из главных ролей, спустя годы призналась, что сильно переживала и продолжает переживать (!), что ее отношения с Высоцким были всегда чисто дружескими и что их дружба не переросла в нечто большее.

В 1978 году Высоцкий сыграл главную роль в фильме «Место встречи изменить нельзя», в котором также снялась очаровательная актриса Наталья Фатеева. Несколько лет тому назад, вспоминая атмосферу, которая была во время съемок, она призналась: «Мы играли с Володей Высоцким в одном фильме, но по сценарию у нас не было в кадре ни одного эпизода, где бы мы были вместе. Зато как-то вечером Слава Говорухин (режиссер фильма) и Володя зашли в гости ко мне домой. Мы пили чай, спорили. Честно говоря, я беседовала в основном со Славой, а с Володей очень мало, стараясь не поднимать на него глаз. Дело в том, что я была в него влюблена, но он не догадывался о моих чувствах. Я боялась, что если он заметит мой взгляд, то со свойственной ему пронзительностью сразу же обо всем догадается».

Как видно, Высоцкий не мог пожаловаться на отсутствие внимания со стороны женщин, более того — редкая из них была в состоянии устоять перед его чарами. Он в свою очередь тоже был небезразличен к женскому обаянию. Марина Влади в книге о Высоцком подтверждает это. Она описала сцену неудачной встречи с Высоцким на вокзале в Будапеште, когда он, выйдя из вагона, шел рядом с чернокожей красавицей, с которой, как позже выяснилось, проговорил всю ночь.

Высоцкий не только умел, но и любил ухаживать за женщинами, что подтвердила одна из его подруг — Нина Марковна Пате: «Володя в отношении ко мне был всегда чрезвычайно галантным — то руку поцелует, то поможет надеть пальто или, когда садилась, подставит стул. А уж когда видел, что другой мужчина держится по отношению ко мне как ухажер, буквально выходил из себя! Тогда он старался еще больше! Он не переносил конкуренции!».

А еще Высоцкий умел понимать взгляды женщин. Это помогало ему заводить знакомства. Женщинам также импонировало его общество. Вспоминает Инна Ульянова: «Володя был красноречивый, изящный и очень симпатичный». Поэт мог быть чрезвычайно остроумным и обходительным. Он также тщательно следил за своим внешним видом, чтобы производить впечатление на женщин.

Валерий Янкович запомнил случай, произошедший с ним и Высоцким около отделения Госавтоинспекции Главного Управления московской милиции: «Переходя площадь, Володя неожиданно увидел мотоцикл «БМВ», предназначенный для эскорта важных зарубежных делегаций. Володя даже присвистнул. — «Ну, класс! Смотри — «БМВ-600»! всю жизнь мечтал о таком мотоцикле!». И тут же

рассказал, как однажды летом они поехали с Мариной на юг Франции. Съехалось там множество французов на супербыстрых и суперизящных автомобилях. А один немец приехал на мотоцикле «БМВ-600». И все женщины были его — подытожил Володя».

Высоцкому не нужно было прилагать каких-либо усилий, чтобы вызвать симпатии прекрасного пола. Достаточно было взять в руки гитару, и он завоевывал всеобщее восхищение. Его нельзя было назвать красивым. Просто сила личности, настоящий твердый мужской характер, магнетизм взгляда — все это делало его в глазах женщин красавцем.

Одна из польских слушательниц Высоцкого, Веслава Доманьска, будучи одно время свидетельницей его частного выступления, в разговоре со мной призналась: «Я гостила у своей подруги в Москве. Работает она актрисой. Приходили к ней разные артисты. В один из вечеров пришел Высоцкий. Был слегка навеселе — очень раскованный, очень симпатичный. Принес с собой гитару. Пел. Помню, как он исполнял «Кони привередливые». Это было необыкновенно! Тогда я поняла, что он некрасив и прекрасен одновременно».

«...ЧТОБЫ ЗНАЛА, ЧТО ЭТО СЕРЬЕЗНО»

Большинство исследователей биографии Высоцкого, говоря о его романах и увлечениях, признают, что они не сыграли в жизни артиста значительной роли. Действительно серьезными можно считать его взаимоотношения с Изой Высоцкой, Людмилой Абрамовой и Мариной Влади, и то следует отметить, что все-таки самым важным был союз Высоцкого с французской звездой кино- и телеэкранов. Эти три женщины были женами Высоцкого. Каждая имела возможность наблюдать разные этапы его жизни.

С первой женой Изой поэт познакомился в восемнадцать, расстался в двадцать три. Слава и успех еще только маячили впереди. Он был беден, талантлив и скромнен. Был очень впечатлительным, уже испытывал влияние алкоголя. С Людмилой Абрамовой Высоцкий начал совместную жизнь в 1961 году, ему тогда было 23 года. Без работы, без денег, без квартиры. Пил. Когда разошлись (через семь лет), он уже стал живой легендой. Именно с таким Высоцким вступила в брак Марина Влади. Они про-

жили вместе двенадцать лет: из них десять в официальном гражданском браке. Ей выпала доля стать вдовой Высоцкого.

Мало кто до сегодняшнего дня знал, что значительную роль в жизни Высоцкого сыграла еще одна женщина. История их знакомства даже спустя много лет после смерти поэта являлась тайной за семью печатями. Скорее всего, заграничные исследователи не имели доступа к информации на эту тему, а русские со свойственной им мягкосердечностью посчитали, что всякая огласка этой тайны будет нетактичной по отношению к Марине Влади.

Но, правда, вдова поэта по этому поводу написала в своей книге: «Я узнаю, ведь все когда-то становится явным, что он изменял мне много раз» — и дальше признается, что, узнав об изменах мужа, заболела от ревности. Но она понимает, что это были для него только приключения или, скорее, «отчаянные попытки доказать самому себе, что еще существуешь». Может быть, в самом деле так и было. Но в последние два года жизни Высоцкий поддерживал неформальный союз с женщиной, которая значила для него очень много.

Первое короткое упоминание по этому поводу появилось в дневниках Валерия Золотухина. После смерти Высоцкого он записал: «К. Что это за девушка? Кем она была для Володи? Оказалось, что он ее любил, отдал ей два года жизни. Я ничего об этом не знал! Как же сильно разошлись в последнее время наши дороги!».

Во второй раз информация об этом увлечении Высоцкого появилась в прессе тогда, когда Валерий Перевозчиков — автор нескольких книг о поэте — опубликовал свое интервью с Валерием Янкловичем. В нем Янклович вспоминал последний Новый год Высоцкого: «Марина прилетела к Володе в Москву, они хотели встретить Но-

вый год на их даче под Москвой вместе с друзьями. 31 декабря Марина поехала на дачу, ждала там Володю; а Володя поехал за телевизором для одной девушки... Я хочу сказать, что в последние годы он очень серьезно к ней относился, интересовался тем, как у нее идет учеба. Понятно, что она сыграла в его жизни исключительную роль... Хотя лично меня она тогда несколько раздражала».

Поклонники Высоцкого ломали голову над тем, кто эта таинственная избранница их кумира. И буквально год назад (в 1997 году. — *Прим. переводчика*) российская «Экспресс-газета» провела свое собственное расследование, имеющее целью раскрыть данную загадку.

Если Валерий Перевозчиков установил, кем была эта женщина, и рассекретил лишь ее имя, то «Экспресс-газета» не только опубликовала фамилию последней дамы сердца Высоцкого, но и напечатала ее фотографию и короткое интервью. Она была немногословна и сказала, что ее встречи с Высоцким — исключительно личное дело и публичное обсуждение этой темы является огромной бестактностью по отношению к Марине Влади, а также к ее мужу. В настоящее время Оксана Ярмольник¹ — весьма уважаемый художник театральных костюмов, жена популярного российского шоумена Леонида Ярмольника.

В разговоре с Валерием Перевозчиковым Оксана Ярмольник рассказала гораздо больше. Может, потому, что он настоящий знаток жизни и творчества Высоцкого, а может, еще и потому, что в его интервью последняя избранница Высоцкого фигурировала просто как Оксана. Перевозчиков уважал ее частную жизнь и оставил ее фамилию в тайне. В свете публикации «Экспресс-газеты» это уже не имеет большого значения.

¹ Оксана Ярмольник — девичья фамилия Афанасьева (примеч. переводчика).

О том, что у Высоцкого роман со светловолосой девушкой по имени Оксана, говорили очень давно. Но только немногие знали, как важен был этот союз. Ахмет Сатгаров — давний друг поэта признается: «Меня связывала с Высоцким нормальная мужская дружба: вместе выпивали, вместе ходили по девочкам, одалживали друг другу деньги — преимущественно он у меня. (...)

Если говорить об Оксане, то имени ее я не знал, но видел ее. Я видел ее тогда, когда видел в последний раз Володю. В марте или апреле 1980 года. Мы встретились после спектакля. Собрались в однокомнатной квартире в центре Москвы с какими-то студентами, а может, молодыми актрисами. Я не помню подробностей. Но об одной из них было сказано, что это его страсть».

Действительно, Ахмет Сатгаров не помнит всех подробностей. Оксана не была тогда актрисой, а говоря точнее, никогда ею не была. В период знакомства с Высоцким она была студенткой текстильного института. Они познакомились в 1977 году. Высоцкому тогда было тридцать девять. Он был старше своей избранницы на двадцать два года. Оксана окончила среднюю школу, и ей было всего 17 лет. В отношении к ней со стороны Высоцкого было что-то от отцовских чувств. Может, до этого находящийся под чей-то опекой — родителей, мачехи, затем очередных жен, дирекции театра, врачей, будучи неустанно у всех под наблюдением, чтобы вновь не попасть в нелепую зависимость от губительных привычек, около Оксаны он в первый раз почувствовал себя действительно свободным. И в первый раз он вырвался из заботливых объятий семьи и товарищей. Их же навязчивую опеку он неоднократно воспринимал как попытки удержать его в клетке. По этому поводу Валерий Янклович сказал: «Проблема была в том, что ОН, Высоцкий,

должен был вечно перед кем-то объясняться, чуть ли не писать отчеты — перед Любимовым, Дупаком (административным директором Театра на Таганке), перед Мариной...». Оксана давала ему какое-то укрытие от чрезмерного внимания друзей, оставаясь в стороне, независимой, не втянутой в эту каждодневность, после которой Высоцкий чувствовал себя издерганным и уставшим.

Оксана в первый раз пришла в Театр на Таганке в 1974 году. Было ей 14 лет. Ее тетя работала дантистом, лечила множество актеров Таганки, но Высоцкого среди ее пациентов не было. Оксана часто бывала в театре, и Володя обратил на нее внимание. Он заметил в ней что-то такое, чем выделялась она среди остальных. Девушек — красивых и вызывающих, утонченных и скромных, смелых и робких — приходило на спектакли Таганки очень много. Приходили на Высоцкого. Фотографировали его. Писали о нем в своих дневниках. Стоило им только услышать в каком-нибудь затеянном им разговоре, что ему нравятся стихи Маяковского, они бежали в библиотеку и читали все томики этого поэта, какие удавалось там найти. Они благодаря Высоцкому и как бы для него читали Шекспира и Брехта, Есенина и Достоевского, Джека Лондона и Антона Чехова. Самые смелые признавались ему в своих чувствах, другие писали пальцем на покрытом пылью кузове его «Мерседеса» слова любви, третьи не смели сказать ему ни слова.

Одна из таких влюбленных в него девушек (сегодня очень важная дама) около десяти лет назад опубликовала фрагменты своего дневника. Переживала на его страницах каждое мгновение, в котором ей было дано увидеть Высоцкого: «Я встретила на улице Володю. Он так радостно улыбнулся, увидев меня, что я подумала о том, что за мной идет кто-нибудь из его друзей. Протянула

ему фотографию, которую сделала во время спектакля, и он задержал меня: «Хорошо, подожди с этим. Лучше ответить, как успехи в школе». Как же я сильно хотела бы когда-нибудь подойти к нему и сказать, сказать, как я ему безгранично верю!».

Ольга Ширяева (а именно так зовут автора дневника) — одна из многих, очень многих поклонниц Высоцкого. Принадлежала к кругу тех наиболее скромных, наиболее скрытных и несмелых, проливающих на бумагу радостные воспоминания о встречах с ним и плачущих потом в подушку, когда у него случалась какая-нибудь неприятность. Ольга Ширяева — из интеллектуалов — была скромной, всегда в очках и неизменно с книгой. Высоцкий, зная о ее впечатлительности и невинности, никогда не шел в их знакомстве далее дружеских разговоров. С другими поклонницами, не отличающимися ни невинностью, ни девичьей скромностью, он позволял себе значительно больше.

Эдуард Володарский оценивает: «У Володи было много женщин — невероятное количество. Некоторых из них он любил, остальные были для него только мимолетными знакомыми. Сказать, что он имел успех у женщин? О, нет, этого категорически мало!!! С ним вообще не стоило ходить к каким-нибудь девочкам, достаточно было того, что он брал в руки гитару, и все девушки принадлежали ему, а тот, кто с ним тогда пришел, мог спокойно идти домой, так как никто уже не замечал, в каких бы ты ни был с ним отношениях. Каждый, кто приходил с ним, оказывался статистом. Он был невероятно чарующий».

Татьяна Соколова, гардеробщица Театра на Таганке, вспоминает: «Высоцкий часто выпивал после спектакля и обхаживал всех девушек. Он очень любил женщин! Самыми продолжительными были его отношения со светловолосой девушкой Оксаной. Они часто встречались,

прогуливались. Володя обычно был с гитарой, а она пела его песни. Кстати говоря, именно ей первой он давал читать свои новые стихи, а ведь многие его коллеги мечтали о том, чтобы оказаться на ее месте. Сами хотели стать его первыми читателями».

Оксана Ярмольник никогда, однако, не была в толпе поклонниц Высоцкого, с которыми ему можно было позволить многое, ухаживая за каждой и за всеми вместе. Не была ни мимолетной страстью, ни временным увлечением, ни приключением, ни коротким романом. Эта девушка занимала важное место в жизни Высоцкого.

Может быть, это их единство было следствием все более очевидного раскола в его браке с Мариной Влади. Одна из подруг Высоцкого, американка Барбара Немчик, определяет отношения между ним и Мариной как довольно напряженные: «В последние годы жизни Володи его семейные отношения переживали очень серьезный кризис. Володя и Марина страшно ссорились. Марина пугала его разводом. Говорила, что пойдет в посольство и сама с ним разведется. Володя сильно этого не хотел. Помню, как он сказал мне когда-то: «С ней жить не могу, без нее — тоже не могу». Марина много для него значила».

Это своеобразное раздвоение чувств Высоцкого подтверждают и воспоминания Павла Леонидова: «Володя размышлял о своей жизни. Он сказал, что ему сейчас никто не в состоянии помочь. С грустью он заявил: «Марину люблю и не люблю. Это значит, что люблю не в том смысле, в каком говорят о ком-то, кому не дарят своих чувств. Только просто Марина сейчас не является для меня спасением, а ведь когда-то была...».

О Марине Влади и о своем отношении к ней Высоцкий мог бы сказать словами Александра Блока: «Опять любить ее на небе и изменить ей на земле». Марина Влади была

для него идеалом. Несмотря на его измены, ссоры и расставания. Хотя, по существу, в последние годы жизни Высоцкого их отношения были очень натянуты, постоянно находились на грани окончательного разрыва. За месяц до смерти поэт сказал: «Марина не простит мне двух вещей: того, что я не был на похоронах Тани, и того, что у меня есть Оксана».

Таня, любимая сестра Марины, умерла от рака в июне 1980 года. В отчаянии Марина Влади позвонила Высоцкому. Как она написала в своей книге, Высоцкий хотел прилететь в Париж, чтобы быть с ней в этот трудный период, чтобы утешить ее, чтобы ответить на крик ее души о помощи, но ему не выдали визы.

Марина Влади не раскрыла всей правды тех дней. Если Высоцкому действительно отказали в выдаче визы, неужели она тогда была бы на него обижена за то, что он не приехал на похороны Тани? Марина Влади чересчур интеллигентна, чтобы вменять Высоцкому в вину то, в чем он не виноват.

Высоцкий получил визу, купил даже билет до Парижа, но остался в Москве. Во-первых, у него не было необходимой дозы (зависимость от наркотиков именно тогда стала приобретать все более угрожающий характер). Во-вторых, в таком состоянии он просто боялся показаться на глаза Марине Влади, тем более, что обещал ей покончить с этой пагубной привычкой. Впрочем, она решила это дело так: или Высоцкий прекращает употреблять наркотики, или они расстаются по-хорошему. Однако Высоцкий не смог отказаться от наркотиков, поэтому не стал испытывать терпение своей жены еще раз. В Париж он не поехал. Остался дома. Здесь ему легче было добывать нужные дозы.

Марина чувствовала себя задетой и оскорбленной. И до такой степени, что когда в июне и июле 1980 года

друзья по телефону просили ее прилететь в Москву, потому что Высоцкий находится в тяжелом состоянии, она не отреагировала на их просьбы. До этого всегда приезжала, как пишет она же в своей книге, дословно — «по первому сигналу».

В июне, правда, она прилететь не могла в Москву (ее сестра умирала практически на ее глазах), в июле, наверное, не хотела, так как не могла забыть о нанесенной обиде.

Однако по отношению к Оксане Высоцкий оставался настоящим рыцарем. Как вспоминает Валерий Янкович, 17 мая 1980 года поэт, находясь в закрытой клинике в Париже, позвонил ему оттуда в Москву и своим звонком привел его в шок: «Володя позвонил мне и тут же спросил: «Что случилось у Оксаны?». Я ему на это: «Что тебе пришло в голову? Ну что могло случиться?». Володя снова свое: «Валера, ответь мне, что там случилось?». Я повторил: «Ничего не произошло». Но это не успокоило его. Он сказал: «Я знаю, я чувствую, что у Оксаны случилось что-то плохое». Этим он буквально потряс меня. Не знаю, как он тогда догадался».

Проницательность Высоцкого была просто потрясающей. Предчувствие его не подвело. Оксана потеряла отца. Высоцкий звонил ей много раз, но ее поглотили заботы, связанные с похоронами. «После похорон я вернулась домой и еще в дверях услышала телефон, — вспоминает она. — Я подняла трубку. Это был Володя. «Застал тебя наконец-то! Что произошло?» Я слышала по его голосу, что он чувствует себя не лучшим образом, но не могла сдержать слез: «Володя, умер мой отец. Сегодня его похоронили». Володя сказал: «Завтра буду в Москве». И он действительно прилетел».

Этот факт подтверждает и Валерий Янкович: «Володя не попал из Парижа в Варшаву (на Международные теат-

ральные встречи. — *Примеч. автора*). 22 мая он прилетел на один день в Москву. В Варшаву он вылетел не из Парижа, а из Москвы 23 мая».

На упоминаемый в этой главе Новый год — последний в жизни поэта — Высоцкий подарил Оксане телевизор. Он привез его в ее квартиру. Оксана об этом: «Володя приехал ко мне с телевизором. Мы поставили его и включили. Володя выглядел очень несчастным. На его рубашке была оторвана пуговица. Я сказала: «Володя, разреши мне хотя бы пришить тебе пуговицу». Потом подала ему пельмени с мясом. Он сидел такой грустный, ел эти пельмени и смотрел телевизор. Сидел так какое-то время, а затем спросил: «А телевизор ты где поставила?» Я ответила: «Володя! Ты ведь все время его смотришь!» Позже он встал. Предложил: «Может, поедешь со мной?» Я pokrutila головой: «Нет, Володя, у тебя своя компания, у меня своя». На этот Новый год я подарила ему очень смешную куклу-бабу на чайник. Сама ее сшила». Кстати говоря, кукла эта имела очень интересную историю. Высоцкий не забрал ее домой, а завез Эдуарду Володарскому, который так вспоминает данный случай: «Володя принес мне эту куклу и сказал: «Эдик, возьми ее, а то Марина начнет спрашивать меня... Она меня просто убьет!» И так кукла осталась у меня. А потом Марина ее забрала и увезла в Париж, и сейчас она у нее».

В одном из интервью Эдуарду Володарскому был задан вопрос, знала ли Влади об Оксане. Он ответил: «Она предчувствовала что-то недоброе. Интуиция у нее была страшная. Мою жену она не оставляла в покое и держала, буквально, как под судебной присягой. Но узнала обо всем только после смерти Володи. И тогда она впала в состояние страшного гнева. Бушевала так, что я даже не мог себе такого представить: она была готова поехать на

кладбище и выкопать гроб... Марина вообще была по отношению к нему жутко ревнивой. Хотя сама тоже часто влюблялась. После Володиной смерти сидели мы как-то на даче, порядочно выпившие, и неожиданно Марина говорит: «Он женился на мне, чтобы ездить за границу». На что я ответил: «Марина, перестань, неужели кроме тебя не было ему на ком жениться, чтобы ездить за границу? Если бы он развелся с тобой, то женился бы на другой». И тогда Марина с невероятной экспрессией ответила: «Что?! Думаешь, если бы он со мной развелся, то вообще мог бы ездить куда-нибудь? Ни за что на свете!!!». Так и сказала. А было это уже после его смерти. В последние годы жизни Володи отношения с Мариной складывались у него тяжело. Он просто ее боялся и хотел от нее уйти».

Однако я не была бы объективной, не упомянув о том, что рассказ Володарского, может быть, чересчур эмоциональный, но и довольно справедливый. Через несколько лет после смерти Высоцкого произошел спор между Володарским и Влади. Касался он дачи Высоцкого, построенной на участке, принадлежащем Володарскому. Нельзя исключить, что конфликт с вдовой Высоцкого способствовал тому, что Володарский охарактеризовал ее именно таким образом. Тем более, что большого желания Высоцкого развестись с Мариной Влади не подтверждает и Оксана: «Знаю, что Марина — человек, который был очень нужен Володе. Он ее очень любил. Были мужем и женой. Создали семью. Для некоторых это была странная семья, для них — нормальная. У них были свои проблемы, радости, обиды».

Однако, с другой стороны, на желание своего рода «побега» Высоцкого могли указывать планы, касающиеся его переезда в США. Высоцкий не только планировал этот выезд, он занялся открытием визы (наверное, пер-

вый раз не только не пользуясь помощью Марины, но даже не посвящая ее в свою тайну), рассчитывая на поддержку американки Барбары Немчик.

Высоцкий хотел выехать в Соединенные Штаты по многим причинам. Во-первых, после удачного турне по США в 1979 году (повсюду аншлаги, весьма похвальные рецензии в прессе, участие в популярной программе телевидения Си-Би-Эс) он собирался вновь дать несколько концертов в Америке. Во-вторых, некоторые друзья артиста утверждают, что он рассчитывал на помощь американских врачей. И наконец, в-третьих, по сравнению с двумя вышеназванными кажущимися отговорками основная причина — Высоцкий собирался выехать в США с Оксаной. Хотел полгода побыть с ней в Штатах. Не случайно выбрал для их совместного проживания место, где они могли бы освободиться от «опеки» друзей, родных и знакомых. Рано или поздно в Москве Влади все узнала бы. Знала там все его адреса. Об американских контактах Высоцкого она знала немного.

Эдуард Володарский недавно рассказал: «Когда-то во время разговора Володя открылся мне: «Если что-то со мной случится, и я умру, то больше всего мне жалко Ксюшу (Оксану. — *Прим. автора*) — Я ведь для нее и отец, и любовник, и опекун». Он напрасно боялся за нее. Сейчас это богатая дама и живет в достатке»

Действительно, Оксана Ярмольник живет сегодня небедно. У нее престижная профессия, муж — актер, шоумен, у нее изысканные наряды, шикарное жилье, «Мерседес» с кожаными сидениями и охранник, который не отступает от нее ни на шаг.

Когда она познакомилась с Высоцким, была скромной и бедной выпускницей средней школы. Став студенткой, благодаря Высоцкому она смогла поменять совместную с

подругами тесную комнатку в общежитии на собственную квартиру.

Высоцкий трактовал их союз очень серьезно. Он был намерен венчаться с Оксаной в церкви. Правда, она отговаривала: «Володя, нас никогда не повенчают. Ты ведь женат». Но Володя настаивал. Они купили даже обручальные кольца.

Высоцкий был женат на Марине Влади. Хоть и был женат третий раз, однако фактом остается то, что только с Оксаной он хотел повенчаться. Купил кольца. Выбрали их вместе. Валерий Янклович вспоминает: «Не хотел в этом участвовать. Поехали за обручальными кольцами без меня. Я сказал тогда Володе: «Что ты делаешь?!». А он мне на это: «Я хочу жениться на ней. Если со мной что-то случится, хочу, чтобы она знала, что между нами не просто так. Это очень серьезно».». До женитьбы, однако, не дошло. Все планы перечеркнула смерть поэта.

Сейчас кроме Оксаны Ярмольник и нескольких друзей поэта немногие вспоминают о последней большой любви Высоцкого. Правда, сохранились фотографии. На одном из последних снимков Высоцкий лежит на диване, а рядом на стуле сидит Оксана. Известно, что этот снимок существует. Его автор Валерий Нисанов (когда-то сосед поэта) не спешит с его публикацией. Может, набивает цену? Хотя и так понятно, что сегодня этот снимок бесценен.

**«НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО,
ЧТО ЗАМЕТИЛА ВОЛОДЮ...»**

Среди женщин, которые сыграли в жизни Высоцкого большую роль, особого внимания заслуживает, несомненно, Людмила Владимировна Абрамова — вторая жена поэта, мать двоих его сыновей, в этой книге я не раз буду возвращаться к ее личности.

Ее образ очень долго, пожалуй, слишком долго оставался в тени Марины Влади. Помню, как в конце восьмидесятых в тесной московской квартире я и мои друзья, затаив дыхание, слушали песни известной поэтессы, автора и исполнительницы собственных песен Вероники Долиной. Одна из них посвящалась Людмиле Абрамовой, которую Долина назвала второй вдовой Высоцкого. Мало кто из поклонников Высоцкого знал тогда историю их совместной жизни. Громогласно, с изумлением, восхищением и энтузиазмом говорилось только лишь о большой любви Высоцкого к Марине Влади. Мы были просто потрясены, когда с кружаще-

гося черного диска грампластинки зазвучали слова песни, посвященной Людмиле Абрамовой:

Была еще одна вдова
в толпе гудящей.
Любовь имеет все права
быть настоящей.
Друзья, сватья и кумовья
не на черта ли?
А ей остались сыновья
с его чертами.

Людмила Абрамова была моложе Высоцкого более чем на полтора года. Когда они познакомились в 1961 году, ее карьера только начиналась. Так утверждают многие ее друзья, те, с кем она училась. Она отличалась большой интеллигентностью, эрудицией и красотой.

Лариса Блинова, которая вместе с Людмилой Абрамовой училась во ВГИКе (Всесоюзном государственном институте кинематографии), вспоминает: «Людмила превосходно знала историю и философию, а также в совершенстве владела английским. Сейчас многие учат этот иностранный язык, а тогда это было большой редкостью. Плюс ко всему Люся была высокой, стройной, красивой. И еще эти ее большие серые глаза! А как она знала литературу! Поражала нас своим знанием поэзии. Она помнила наизусть десятки произведений Гумилева, Цветаевой. Николай Гумилев был у нас тогда запрещен. Мы удивлялись, откуда Люся знает столько его стихотворений. Спросили у нее об этом наивно, как дети: «Когда ты узнала обо всех этих стихах?», а Люся, как настоящий философ, мудро нам отвечала: «Вероятно, еще до своего рождения». Ничего удивительного в том, что она заметила Володю... Я знала их очень хорошо, так как дружила с Люсей, с Володей нас хоть и связывали добрые отношения, я не могу сказать, что мы были близкими друзьями. Может,

потому, что я всегда, в любой ситуации принимала сторону Людмилы. Наверняка Володе это не нравилось, он считал, что я не всегда бываю справедливой, но по нему этого нельзя было понять. В целом должна признать, что Володя умел держать себя в руках. Никогда не видела, чтобы он кого-то оскорбил, унизил, хоть все знали, что он умел отлично драться. Но чтобы он «вступил в бой», нужно было действительно задеть его за живое или Люсю... Если кто-то осмеливался на такое, Володя мог из этого наглеца сделать отбивную, причем эффективно, красиво и не так, как в вестернах. Хотя он по своему виду не напоминал Голиафа».

О боксерских достижениях Высоцкого еще пойдет речь в этой книге. А пока в подтверждение слов Ларисы Блиновой ограничусь описанием случая, свидетелем которого стал Вадим Туманов: «Это было на Арбате. Мы шли с Володей по улице, к нам пристали два мужика, спрашивая, не дадим ли им огонька. Володя достал из кармана зажигалку. Всегда он пользовался хорошими зажигалками, даже их собирал и отовсюду привозил для своего отца. Никогда не подводили. А тут, как назло, Володя щелкнул раз — огонь не появился, второй раз — снова ничего. Володя щелкнул в третий раз — и тогда один из мужчин сказал: «Ну, Высоцкий, ты совсем обнаглел!». Я был свидетелем того, как достойно Володя ему сразу же ответил».

Туманов рассказывал об этом случае много раз. И каждый раз говорил о «достойном ответе» поэта. Все его собеседники думали, что Высоцкий сказал этому мужчине несколько категоричных фраз в защиту своего униженного достоинства. Но недавно один журналист решил прямо спросить об этом Вадима Туманова: «А что значит «Высоцкий достойно ответил тому хаму»?». Туманов был краток: «Просто удар Володи был весьма удачным».

Вернемся, однако, к Людмиле Абрамовой и к воспоминаниям ее друзей. О необычайной красоте второй жены Высоцкого говорят абсолютно все. Актриса Галина Польских признается: «В институте Люся для нас являлась образцом: была прекрасно образована, знала иностранные языки и стихи запрещенных в то время поэтов. Для нее, конечно, гораздо интереснее, чем с нами, была дружба с разными эрудитами, поэтами...». Игорь Ясулович, тоже выпускник ВГИКа, подтверждает это: «На нашем курсе Людмила была умнее и красивее всех. Такой ореол мудрости и очарования освещал ее облик, что все это каким-то чудом одновременно напоминало и русскую княгиню с живописных полотен Боровиковского, и греческую богиню. А какой у нее талант!» Игорь Ясулович был свидетелем начала карьеры Людмилы Абрамовой (после ее учебы), а также ее партнером по сцене.

В 1962 году в одном из писем к Людмиле Абрамовой Высоцкий в шутку спрашивает, «что делают пантомимисты?». Поэт имел в виду Театр пантомимы, который появился в Москве в 1962 году. Правда, в 1964-м его преобразовали в секцию при Театре-студии кинотеатра, которая существует до сегодняшнего дня. Людмила Абрамова работала в Театре пантомимы. Играла в паре с Игорем Ясуловичем. Высоцкий в своем письме хвалил ее роли и спектакли. Игорь Ясулович рассказывает: «Володя вначале считал, что Людмила найдет себя в профессии актрисы... Помогал ей, давал советы, но потом появились дети. Была трудная жизнь Люды и Володи — и свои профессиональные планы она отодвинула в сторону».

А потом жизнь с Высоцким стала сложной — его уходы из дома, ее ожидания у окна, его уверения в том, что ничего подобного больше никогда не повторится, обещания, клятвы и ... опять то же самое. Без конца.

Такие проблемы у Высоцкого были давно. Начались они задолго до знакомства с Людмилой. Еще в Школе-студии МХАТа случались с ним «минуты срывов», которых позднее он очень стыдился. Но ему посчастливилось иметь великих педагогов. Его учителем был Павел Массальский — превосходный драматический актер, исключительно интересная личность. Высокого роста, всегда изысканный, с безупречными манерами и характерными жестами, он напоминал аристократа XIX века. Во время учебы Высоцкий познакомился также и с другими знаменитостями театра — Александром Комиссаровым, Иваном Тархановым...

Его коллега по учебе Роман Вильдан вспоминает: «Помню, как мы поехали с каким-то спектаклем в Таганрог. Володи с нами не было, потому что перед поездкой он здорово накуролесил... Он чувствовал себя везде и в разных «компаниях» своим, поэтому временами мы замечали, что он приходит на занятия после хорошей попойки. И был тогда как будто безумный... А когда напился перед выездом в Таганрог, то решение вынесли быстро и однозначно: вычеркнуть из списка студентов. Но Павел Владимирович Массальский защитил Володю: «Успокойтесь! Себя не помните в молодые годы? Саша (это он Комиссарову), не помнишь самого себя? А ты, Ваня (это к Тарханову)? Я себя помню». И все успокоились. Володю оставили в Школе-студии».

Однако со временем выходки Высоцкого не только не прекращались, а повторялись все чаще. Правда, он сам переживал и осознавал грешность своей природы. Начав совместную жизнь с Людмилой Абрамовой, он согласился на вмешательство врачей, которые, к сожалению, добились своим лечением очень скромных результатов.

Но между периодами алкогольного безумия были у него и творческие поиски, и открытия. Были песни. Была — неразлучно с ним в те времена — гитара. Были первые слушатели. Пока что среди друзей, но ведь были. Слушали его, удивлялись его таланту. Был, наконец, кто-то, кто верил в его большое будущее, в его имя и успех, забыв о собственных актерских амбициях. Людмила жила его задумками, его мечтами и перспективами. Он был для нее всем. Своей необычной индивидуальностью он заслонил ей весь мир. Она жила каждым его шагом. Праздновала его успехи. Оплакивала его неудачи. Все, что она делала, — для него и с мыслью о нем. Вместе с ним учила роли. Ходила на спектакли с его участием и всегда садилась в первом ряду, чтобы он хорошо ее видел: Володя хотел, чтобы она присутствовала в зале, он нуждался в ней. Она плакала от счастья, видя его первые триумфы. Но потом, когда он стал звездой театра, кино и эстрады, когда его имя знала буквально вся страна и зрители за рубежом, она навсегда потеряла его. В 1967 году он познакомился с Мариной Влади, эта встреча стала началом его большой любви. И одновременно разрушила союз Высоцкого с Людмилой. Однако не он, а Людмила ушла первой, осознавая и уважая его выбор и волю. Он сам не отважился уйти от нее, а на развод решился только через два года — в 1970 году.

А если бы она не ушла, пережил бы их союз кризис? Лариса Блинова считает, что да: «Думаю, что Люся должна была закрыть глаза на все выходки Володи и терпеть все до конца — он ведь ее и любил, и ценил, и уважал. И на коленях просил прощения за свои выходки. Люся об этом не говорит, но я ведь помню, как это все происходило».

Подобного мнения придерживается большинство друзей Людмилы, хотя, разумеется, вопрос о том, как ее брак

с Высоцким пережил бы наиболее острый, начавшийся в 1967 году кризис, остается без окончательного ответа. Однако ясно одно: никто и ничто не в состоянии уменьшить ее роль в его жизни. И никто не сделал так много для Володи, как она.

В 1967 году (уже после знакомства с Мариной Влади) Высоцкий писал в письме к Людмиле: «Целую тебя и люблю, хоть и знаю, что с моей стороны это большая наглость».

«...ВИДЕТЬ, КАК ТЫ УМИРАЕШЬ, НЕ МОГУ»

Наркотики... О том, что Высоцкий оказался в этой жуткой зависимости, первой написала Марина Влади. Коротко, тактично и тонко. Открыла правду, которую семья Высоцкого боялась обнаружить.

В июле 1980 года, после смерти поэта, его близкие решили, что никогда не расскажут о том, что он употреблял наркотики. Но и без их помощи этот факт стал достоянием публики. И не только благодаря Марине. Выказались также врачи. Несколько лет они переживали жуткое душевное раздвоение. А многие из них, вместо того чтобы лечить Высоцкого, доставали ему наркотики. Некоторые пробовали поднять его из бездны наркотической зависимости, но вынуждены были капитулировать и вернуться к роли снабженцев. Не помогали и уговоры — на это у него были свои проверенные способы. Не зря ведь он был выдающимся актером.

Парадоксально, но впервые Высоцкий попробовал наркотики только благодаря Мари-

не Влади. Она признает это сама на страницах книги о Высоцком, когда пишет о том, что легко выбрать жизнь, если смерть не кажется спасением, легко отказаться от вредных привычек, когда не являешься гениальным поэтом, которому власти со всех сторон стараются испортить жизнь. Но на фоне этих признаний вдова поэта не делает для себя никаких выводов о том, что подсовывание ему марихуаны было, мягко говоря, не самой удачной идеей. Той самой марихуаны, которую Высоцкий курил однажды на Западе вместе с Мариной. Это тем более удивительно, что Марина заявляет о своем безусловном отвращении к наркотикам. Ее старший сын Игорь тоже был наркоманом (к счастью, ему удалось вылечиться). Эдуард Володарский убежден, что Марина сама покуривала марихуану.

Интересно, что степень участия Марины в появлении у поэта зависимости от наркотиков подтверждают и другие его близкие. Людмила Абрамова утверждает, что в 1976 году между нею и матерью поэта Ниной Максимовной Высоцкой произошел такой разговор:

— Как Володя?

— Хорошо, Люся, хорошо.

— Не болеет? Не пьет?

— Нет. С этим у него нет проблем. И вообще, он хорошо себя чувствует. Научился сам себе делать уколы. Марина привозит ему их из Франции.

— Какие уколы?!

— Амфитамины.

Именно так тогда сказала Нина Максимовна Высоцкая: «амфитамины». Используя множественное число, будучи совсем не осведомленной о специфике этих средств.

Оксана Ярмольник утверждает: «Нина Максимовна была очень далека от этих вещей! Сказала «амфитамины», так

как долгое время считала, что то, чем пользуется Володя, означает то же самое, что и витамины».

Однако в этих воспоминаниях есть одна неточность. Амфитамин не употребляется в виде уколов. Впрочем, взвесив полное незнание темы со стороны Нины Максимовны Высоцкой, трудно представить себе, что слово «амфитамины» было игрой ее фантазии. Наверняка она услышала это от сына. Нельзя исключить и того, что он говорил о двух разных вещах, которые в сознании его матери слились в одно целое. Отсюда ее понимание «уколы амфитамина». Ничем, однако, нельзя изменить тот факт, что Нина Максимовна упомянула Марину Влади как человека, поставляющего наркотики ее сыну.

С другой стороны, Марина узнала о наркотической зависимости Высоцкого только за четыре месяца до его смерти. Могла, конечно, вначале и не ожидать, к каким последствиям приведет употребление поэтом веществ, провоцирующих зависимость от их употребления. Вероятно, она была убеждена в том, что покуривание марихуаны — это только игра, а «уколы» способствуют функциям, регулирующим и стимулирующим, что при изматывающей работе Высоцкого и сумасшедшем образе его жизни могло показаться ей почти необходимым. Однако из-за необузданного темперамента поэт был не в состоянии выбрать умеренную дозу. Он просто не мог жить, не употребляя наркотики.

Когда Высоцкий не мог обойтись без одурманивающих средств, их добывали для него друзья, а потом и знакомые врачи. На их жаргоне это называлось «привезти Высоцкому лекарство», так как в большинстве случаев препараты, им употребляемые, применялись исключительно в медицинских учреждениях, но в нормальных дозах и при выполнении строго оговоренных условий именно как

лекарства. Но не для Высоцкого. Для него они стали наркотиками. Он забывал текст роли на сцене, чего раньше с ним не случалось. Опаздывал на свой выход, ожидая за кулисами, когда друзья привезут ему очередную дозу. Актер Таганки Феликс Антипов вспоминает: «В сцене с могильщиками в «Гамлете» я играл с Рамзесом Джабраиловым. Мы должны были говорить о том, о сем, а потом должен был появиться Гамлет, или Володя, и еще Лёна Филатов. Так вот, разговариваем с Рамзесом и ждем Володю. А его почему-то подозрительно долго нет. И Лёны нет. Понятно, если Володя задерживается, то и Лёне незачем выходить одному. Ждем дальше с Рамзесом, разговариваем; как будто могильщики, — о водке, сколько стоит, где ее раздобыть. Рамзес пошел за кулисы узнать, что там с Володей, а для публики — за бутылкой. Зрители еще ничего не заподозрили, а у меня уже мурашки побежали по спине. Долго ли могут герои третьего плана забавлять публику? Рамзес возвращается, делает мне знак, что Володя пропал и Филатов вместе с ним. Я стараюсь не показывать вида, но меня тут же начинает охватывать паника. Мы дальше тянем с Рамзесом наш пустой разговор, но потом он еще раз бежит за кулисы — как бы снова за бутылкой. Возвращается. И снова ничего. Ужас! Уже два раза он ходил за водкой, но на третий раз ведь весь этот номер не пройдет. И тут неожиданнс, совершенно с другого места сцены, появляются Высоцкий и Филатов. И вместо того чтобы сразу начать произносить свои слова роли (прошло ведь пять минут — в театре это целая вечность!), медленно, не спеша, как будто на них не смотрел целый зал, идут на то место, с которого должны были выйти. Выходят. И только тогда начинают говорить текст. Это было потрясающе! Настоящий кошмар!».

Высоцкий забывал тексты и на своих концертах. Он всегда славился феноменальной памятью, а тут неожиданно путает очередность куплетов, пропускает целые фрагменты текста. Ему подсказывает слова весь зал (многие знают его песни наизусть). Это становится началом проблем. Случалось ему, к примеру, пропеть какую-то песню, окончить, объявить следующую, а потом... с самого начала спеть опять ту же, которую только что спел. После второго куплета он прерывает себя: «А, нет... это я вам пел». И вовсе это не означало, что подводила память. Его организм требовал очередную дозу наркотика: реакция становилась подавленной, замедленной, и он думал исключительно о том, когда ему ее доставят.

Сегодня, слушая записи последних лет жизни Высоцкого, трудно отделаться от мысли, как дорого стоило ему доведенное до совершенства умение исполнять песни. А ведь в последние годы жизни поэта были исключительно удачные гастроли по США и киносъемка сольного концерта, и два фильма, один из которых пятисерийный. Но ни один из зрителей, ни один из слушателей не мог подумать тогда о том, что жизнь Высоцкого буквально висит на волоске. Знали об этом только его друзья. Знали, потому что сами доставали ему наркотики.

Валерий Янклович — тогда администратор Таганки — признается: «Купить билет на наши спектакли — это было что-то, граничащее с чудом. Такой был интерес к Таганке, к Высоцкому. Володя знал о том, что билеты покупают разные люди, в том числе и врачи. Стал давить на меня, чтобы я попросил у них лекарства. Я видел, как он мучается, когда их не было. Что-то нужно было делать. Я просил у врачей разные средства. Володя советовал: «Скажи, что дядюшка болеет. Ну, знаешь...». Я говорил им даже больше... Врачи, правда, как-то странно на меня смотрели, но давали».

Позднее у Высоцкого появились свои, дружески расположенные к нему врачи, которые снабжали его наркотиками. Они знали, что это разрушает его жизнь, но не могли отказать. Конечно, время от времени они протестовали, но у него на этот счет были свои надежные подходы. Он входил, а точнее влетал, как метеор, в кабинет медика, закрывал дверь изнутри, ключ прятал в карман и твердил, что не выйдет, пока не получит укол. Он также мог запросто остановить «скорую» и, покачиваясь на ногах (конечно, специально притворяясь), удачно «разыграть» приступ печеночной колики так, что врач тут же делал укол.

На Западе же поиски наркотиков превращались в проблему довольно сложную (у него там были друзья, но не из круга врачей) и одновременно опасную (если бы он покупал там дурманные средства и кто-нибудь поставил в известность полицию, то у него могли бы быть большие неприятности). Поэтому он предпочитал заранее заpastись ими. Выезжая из России, он вывозил наркотики в бутылочках из-под лекарств. Если наркотики кончались, он звонил в Москву. Там друзья добывали нужные дозы и пересылали в Париж. Как? Помогала его огромная популярность. Каждый хотел хоть что-то сделать для него. Друзья Высоцкого передавали наркотики воздушными лайнерами через командиров рейсовых самолетов Аэрофлота. Это был проверенный способ, и к тому же доставка очередной порции занимала мало времени.

В аэропортах Высоцкий также имел особые привилегии. Лионелла Пырьева, например, так вспоминает свою последнюю встречу с поэтом: «Это было в 1979 году в аэропорту «Шереметьево». Я встречала мужа из Германии, а Володя ждал рейс из Франции — с Мариной. Он промелькнул около меня, будто метеорит, не заметил,

даже слегка задел. И только потом до него вдруг дошло, что это была я, он повернулся ко мне: «Ой, Линка!». Поздоровался, затем, увидев моего мужа, который как раз появился, также с ним поздоровался, вспомнил, что давно обещал ему свою пластинку, и помчался дальше. Для него нигде не было преград. И его пустили прямо на бетонную полосу аэропорта! К Марине». Поэтому, разумеется, Высоцкий в любой ситуации мог спокойно рассчитывать на помощь летчиков и обслуживающего персонала.

Однако его зависимость от наркотиков приобретала все более опасный характер. Ничего удивительного. Длилось это давно. Друзья артиста соглашались с тем, что он начал употреблять наркотики не раньше 1975 года и не позднее начала 1976 года. Сначала он верил в то, что именно наркотики помогут ему победить зависимость от алкоголя (после долгих запоев жуткое самочувствие исчезало, стоило только уколоть себе дозу соответствующего вещества), но быстро оказалось, что он стал зависеть одновременно как от алкоголя, так и от наркотиков. И чем дольше все это длилось, тем больше нужна была доза.

В конце его жизни эти дозы шокировали даже очень опытных врачей. Дружившие с ним врачи ужасались. «Наибольшее беспокойство вызвал тот факт, что Володя не контролировал эти колоссальные дозы, — говорили они. — Мы давали ему препараты на целый месяц, а он использовал их в течение недели». Анатолий Федотов — врач, часто дежуривший в квартире Высоцкого в последние дни его жизни (Федотов умер в 1992 году), — признался в беседе со мной: «Правда такова, что сколько бы доз — кстати, чрезвычайно больших мы ни нашли, Володя мог использовать все за один раз. Мы обманывали его. Как-то раз я дал ему вместо наркотика порцию витаминов. На

какое-то время он почувствовал себя лучше, а потом сорвался так, что лучше об этом не вспоминать».

Некоторые медики вместо того чтобы обманывать Высоцкого, пробовали просто отказать ему, но всегда при этом поддавались если не его напору, то нажиму со стороны окружающих. Станислав Щербаков вспоминает эпизод, который произошел в июле 1980 года (это были те последние дни, а по сути последняя неделя Высоцкого): «Началась Олимпиада. Накануне я заявил Володе, что с этих пор он не может на меня рассчитывать. Конец с выдачей всяких специфических средств. Олимпийские игры — везде контроль, строгая дисциплина, все выдают ограниченно — учетное количество. Володя как будто бы принял это во внимание. Но неожиданно в одну из ночей он приходит ко мне с Янкловичем. Какой-то странный. Всегда очень ухоженный, опрятный, а тут — небритый, небрежно одетый... И что важнее всего: его как подменили. Он всегда вбегал в кабинет, кричал на меня, требовал, чтобы я дал ему наркотик. А сейчас я его не узнал — зашел, сел. Спокойно, без слов. Тихий, отрешенный, поникший. Полная депрессия. Я заполнял какие-то карточки, а Володя даже не посмотрел на меня, «вбил» взгляд в пол и молчал. Говорил за него Янклович. Известно, что говорил. Просил препараты для Володи. Я перебил его и обратился к Володе: «Ведь мы договорились. Это все. Ничего от меня ты не получишь». У Володи были слезы на глазах. И тогда весь мой коллектив обрушился на меня: «Что ты выделяешь с человеком? Опомнись! Это же Высоцкий!». Я обиделся: «Делайте, что хотите!» — и вышел из кабинета. Конечно, они дали Володе то, что он просил».

Валерий Янклович, часто достававший Высоцкому наркотики, нашел в себе силы убедить поэта в том, что един-

ственный выход для него — лечение в больнице. Но Высоцкий не выносил лечебных учреждений, тем более что в этом случае лечение в больнице означало бы стационар закрытого типа. На такое лечение, впрочем, дала согласие его семья. Письменно. Янклович встретился с отцом Высоцкого и описал ему ситуацию и дальнейшее развитие событий: либо поэт поедет в больницу, либо его ждет скорая смерть. Отец Высоцкого безоговорочно поддерживал мысль о лечении, понимая, что это, пожалуй, последняя соломинка, за которую можно ухватиться, и поэтому он заявил: «Надо ему лечиться в больницу. Конечно, я согласен. Это не подлежит обсуждению».

Янклович поставил в известность Высоцкого о решении отца. Он так описывает реакцию поэта: «Я сказал Володе о том, что отец дал согласие на его лечение именно в больнице. Володя сурово спросил: «Кто согласился?». «Твой отец», — повторил я. Володя подошел к телефону, набрал номер отца. Разговаривал с ним очень категорично, я сказал бы даже строго. И отец немедленно уступил! Потом он приехал и все отменил. Сказал: «Что ты, Володя! Я этого вовсе не хочу, у меня даже не было подобных намерений». Одним словом, он оправдывался перед Володей. Тогда я понял, что отец ему тоже не поможет».

В действительности близкие поэта могли лишь только наблюдать, как его покидает жизнь. Сын Аркадий (проведал отца в июле 1980 года) вспоминает: «Он чувствовал себя ужасно. Валерий Янклович поехал за «чем-то» для него. Когда он, наконец, привез это «что-то», отец свернул трубку из бумаги и начал это вдыхать. Ему стало немного лучше. Мне было страшно. Я очень боялся за него».

Свидетелями саморазрушения Высоцкого и последствий этого были также посторонние люди. В апреле 1980 года

Высоцкий выступал с концертом в Доме ученых. Концерт удался. Все прошло и окончилось прекрасно. Высоцкий был в хорошей форме, но, как утверждают очевидцы, «после концерта его увезли едва живого».

14 июля 1980 года (за одиннадцать дней до смерти) Высоцкий выступал в Институте эпидемиологии и микробиологии в Москве. По свидетельству Людмилы Сигаевой, видевшей его выступление, поэт чувствовал себя плохо перед концертом. Силаева рассказывает: «Я заварила ему крепкий чай. Принесла таблетки анальгина. Вместе с чаем он проглотил целую упаковку этих таблеток».

Один из близких друзей поэта Всеволод Абдулов не мог больше видеть умирающего буквально на глазах Высоцкого и поэтому заявил: «Володя, не гневайся, но я ухожу. Если тебе нужна будет моя помощь, знаешь, где меня искать. Звони — наверняка приеду. Но так просто быть при тебе и видеть, как ты умираешь, не могу. Я не в состоянии. Прости меня». Произнеся эти слова, Абдулов вышел из дома Высоцкого. Это подействовало. Поэт принял очередное решение вылечиться.

«УЙДУ Я В ЭТО ЛЕТО...»

Когда Высоцкий понял, что сам не в состоянии справиться с зависимостью от наркотиков, он решил рассказать правду Марине Влади, рассчитывая на ее помощь. В марте 1980 года во время пребывания в Венеции между ними происходит откровенный разговор. Марина Влади пишет в своей книге, что кроме горькой и трагической правды появилась надежда, что Высоцкий вновь открыл свой внутренний мир так же, как когда-то. Он снова был с ней — близкий и доверчивый.

В сущности, ее первая реакция на исповедь поэта была, вероятно, более прозаичной. Валерий Янклович утверждает: «После смерти Володи я спросил Марину, как она отнеслась к тому, что он сказал ей в Венеции. Она ответила: «Он сказал мне это, когда мы плыли на катере. Я чуть не столкнула его в воду!..» Можно поверить этим словам, зная характер Марины. Впрочем, она много натерпелась, наблюдая те же симптомы у сына».

Однако ожидаемой помощи Высоцкий не получил. Марина Влади сказала ему категорично: «В общем так, Володя. Из этого мало кто выбирался, но ты сильный, может, у тебя получится. Договоримся: или бросаешь это и будет все как прежде, или мы расстаемся».

Эти жесткие условия Высоцкий принял. Пообещал своей супруге, что ко дню ее рождения (10 мая) все будет в порядке. Но могло ли так быть, если он остался наедине со своей страшной проблемой?

Он вернулся в Москву и ... все повторилось. Правда, он пробовал закрываться на ключ в своей квартире вместе с дружившими с ним врачами, чтобы не иметь доступа к наркотикам, но вел себя так непредсказуемо, что в конце концов их терпению приходил конец. Они сдавались и привозили нужные дозы. 10 мая 1980 года Высоцкий вылетел в Париж — на день рождения Марины Влади. Однако, как вспоминает вдова поэта, не доехав к ней, исчезает. Пропадает не в дороге от Москвы до Парижа (в самолете ничего особенного не происходит), а уже в самой французской столице, добираясь от аэропорта к дому Марины. Она находит его в русском ресторане с гитарой и чемоданом, в плачевном состоянии и решает поместить его в закрытую клинику в Париже. Подписывает соответствующее заявление.

В клинике поэт переживает ренессанс творческих и физических сил. Много пишет. Наряду с другими произведениями создает замечательное стихотворение с удивительно пророческими словами: «Уйду я в это лето». Именно в этом стихотворении появляется образ героя «в малиновом плаще». Это сравнение возникло вследствие пребывания поэта в клинике: Высоцкий носил там красную пижаму. Его проведывает Михаил Шемякин — единственный из друзей Высоцкого, который никогда не под-

давался на его уговоры и никогда не искал для него наркотики. Он рассказывает о состоянии поэта: «Володя не хотел жить. Я сказал ему, что наверняка у нас есть много врагов, желающих нам смерти, но нужно, несмотря на их ожидания, постараться жить. Володя тогда грустно произнес: «Постараюсь». Мы попрощались. И я уже больше никогда его не увидел». Высоцкий уговаривает Марину, чтобы она дала письменное согласие на его выписку из клиники, и собирается ехать на Международные театральные встречи, а перед этим на один день летит в Москву — к Оксане, с которой проводит почти сутки. 23 мая он уже в Варшаве, откуда выедет через неделю — 30 мая. 26 мая он играет в «Добром человеке из Сезуана» по Бертольдту Брехту, 27 и 28 мая представляет на суд варшавской публики себя в роли легендарного Гамлета. Он находится в состоянии смертельной усталости. Одна из польских журналисток, которая намеревалась взять у него интервью, призналась, что Высоцкий, правда, открыл ей дверь своего номера в отеле, но стоял на пороге, не отступая ни на шаг, он хотел как бы заслонить комнату от неожиданных гостей и дать понять, что у него нет желания беседовать. Такое раньше происходило с ним очень редко. Он всегда уважал чужую, особенно хорошо и тщательно выполненную работу. В том числе и журналистскую. Даже когда корреспонденты, видя его невероятную усталость, извинялись, что отнимают его ценное время, он принимал их извинения с удивлением. Одна российская журналистка сообщила мне: «Я пошла в Театр на Таганке, чтобы взять интервью у Высоцкого. Ждала его после спектакля. Наконец он появился — у него были впавшие от усталости щеки и невероятно белое лицо, потом я всматривалась внимательней, думала — это грим. Я видела, что он очень уставший, тогда я извинилась за то, что осмелилась ли-

шить его этих нескольких минут передышки после спектакля. Высоцкий как-то удивленно на меня посмотрел, сказав при этом своим характерным, хотя более чем обычно охрипшим голосом; «О чем вы говорите. Это ведь наша работа». Действительно, он очень уважал труд — не только свой, но, что важно, и других».

30 или 31 мая Высоцкий снова уехал в Париж. В большом загородном доме сестры Марины Влади — Одиль (Тани) Версуа он вместе с супругой еще раз принимает решение бороться с зависимостью от алкоголя и наркотиков. Марина даже оставила в больнице на какое-то время умирающую сестру, возле которой постоянно дежурила. Все для того, чтобы спасти Высоцкого. Но и эта попытка не удалась. Поэт твердил, что он больше не выдержит, что хочет вернуться в Москву. Пребывание во Франции (последнее в жизни Высоцкого) было настолько кратким, что поэту не удалось за это время освободиться от пагубной привычки.

11 июня Высоцкий покидает Париж. Марина Влади пишет в своей книге, что поэт вернулся в Москву. Но на самом деле он полетел из Франции не в Россию, а в Германию — в Бонн. Там он встретился со своим приятелем Романом. В Москву он собирался вернуться поездом 12 июня. Именно в этот день друзьям Высоцкого позвонили советские таможенники из Бреста и заплетающимися от слишком большого количества выпитого алкоголя языками попросили, чтобы те обязательно встречали его на вокзале. Тот факт, что таможенники были пьяны, как и информация о том, что поэт не доберется домой сам, внушали опасение, что в дороге до Москвы может случиться то, чего боялись больше всего. Но подтвердилось не самое худшее. Поэт был пьян и едва держался на ногах, опираясь на колонну, а вокруг него возвышалась це-

лая гора чемоданов: вновь выполнялись просьбы и заказы родных и знакомых. Естественно, все это ему помогли «выгрузить» на перрон благодарные пассажиры. Чем же была обусловлена их благодарность? Во-первых, они были горды тем, что он ехал в том же вагоне. Все-таки это был Высоцкий! Во-вторых, Высоцкий напоил таможенников, и все пассажиры могли спать спокойно, не боясь досмотра.

Когда друзья привезли его домой, раздался телефонный звонок, телефон разрывался и накануне. На другом конце телефонной линии, охваченная беспокойством, Марина Влади накручивала московский номер. Трубку взял Валерий Янклович. Марина попросила, чтобы он позвал к телефону Высоцкого. Высоцкий, конечно, был не в состоянии вести беседу. Янклович солгал ей: «Володя не может подойти к телефону. Сейчас он спит, я не хочу его будить». Жена поэта не поверила: «Валера, не ври. Пусть Володя возьмет трубку». Однако ее просьба осталась не выполненной. Высоцкий так и не подошел к телефону.

Только на следующий день, окончательно протрезвев, он позвонил Марине, чтобы попросить прощения за вчерашнее. Но она уже его не слушала и была так возбуждена, что вместо того чтобы принять извинения, заявила, что подаст на развод. Высоцкий умолял не делать этого, несмотря на то что намеревался повенчаться в церкви с Оксаной. 23 июня умерла сестра Влади — Одиль. Высоцкий не приехал на похороны, что укрепило убеждение его супруги в правильности принятого решения. На сей раз не было выяснений по поводу разрыва их отношений, просто Марина не хотела ни слышать, ни видеть Высоцкого. Их последний телефонный разговор состоялся только через месяц. Высоцкий сообщил тогда Влади, что приедет в Париж 29 июля (у него были виза и билет). Дело не

дошло до серьезного разговора, и поэт продолжал метаться между отчаянными попытками покончить с вредной привычкой и приемом очередных, увы, более сильных доз. Все его друзья прекрасно отдавали себе отчет в том, что он падает в пропасть. Они, конечно, пытались уговорить его, но безрезультатно. В марте 1980 года друг поэта Всеволод Абдулов подробно описал знакомому наркологу состояние Высоцкого и количество употребляемых им доз. А в ответ услышал: «Вашему другу осталось жить не более двух месяцев. Скажу откровенно: ничего нельзя сделать, но, даже несмотря на это, я готов ему помочь».

В конце февраля 1980 года еще один друг Высоцкого — Владимир Шехтман попросил своего отца — хирурга, чтобы тот обследовал поэта и прежде всего посоветовал, как вылечить его давнее болезненное воспаление колена. Врач, осмотрев поэта, потребовал объяснения сына: «А сейчас скажи мне честно, как долго твой друг «этим» занимается?». После исчерпывающего ответа он подытожил: «Осталось ему всего 3—4 месяца. Могу тебе даже сказать, от чего он умрет: или не уколется вовремя, или от передозировки». В феврале и в апреле Высоцкому делают две операции на колене, которые не приносят ни малейшего облегчения. Ему тяжело ходить, но, несмотря на это, он дает концерты, играет в спектаклях. В «Гамлете», не меняя замысла режиссера, он стоит на коленях в одной из сцен, что причиняет ему невыносимую боль.

Все стремительней Высоцкий утрачивает веру в возможности медицины озлобленно высказывается о ней. Валерий Янклович вспоминает: «В июле, когда прошли все сроки, установленные врачами, и должно было начаться самое худшее, Володя начал иронизировать. Както он спросил меня, саркастически усмехаясь: «Ну и что?

Где сейчас эти ваши врачи?». Ему действительно становилось все хуже».

Негативное влияние на состояние здоровья Высоцкого оказали очередные события, произошедшие в его артистической деятельности 16 апреля 1980 года Высоцкий принял участие в съемках документального фильма. Он специально поехал в Санкт-Петербург (тогда Ленинград), чтобы в Большом драматическом театре сняли его двухчасовой сольный концерт с целью использовать затем фрагменты в будущем фильме. Высоцкий неохотно ехал в Ленинград, хорошо понимая, как цензура отреагирует на замысел включения в фильм его записей. Однако благодаря уговорам друзей он принял предложение сценариста и режиссера. Целых два часа он пел свои песни в заполненном до отказа зрителями зале. Летом 1980 года фильм выпустило советское телевидение. Вспоминает Валерий Янклович: «Фильм показало наше телевидение, но весь эпизод с Высоцким из него вырезали. Володя на это только махнул рукой: «А что я тебе говорил!..». Скорее всего, у него уже не было сил, чтобы все это пережить».

Незадолго до смерти Высоцкий еще и еще раз пытается бороться со своей привычкой, принявшей баснословно отчетливые формы. Но об этом чуть позже. А пока... он колется и много пьет. Его дневная норма: две бутылки водки и две — шампанского. Шампанского пьет, впрочем, все больше. В таком состоянии он почти беспомощен. Однажды он ощутил это сполна на себе — во время пьяной разборки в Марселе во Франции его жестоко избили.

Поиски наркотиков становятся все более опасными для него, а провозить их при выезде за границу чревато серьезными последствиями. Однажды он был близок к разоблачению того, что именно он возит в аптечных бутылоч-

ках. Друг поэта Иван Бортник (актер Театра на Таганке) рассказывает: «Я шел с Володей на таможенный пост, провожал его. Он летел в Париж. Был таким популярным! таможенники его узнавали и вообще не проверяли его багаж. Они только спрашивали, есть ли что-нибудь для уплаты пошлины. И на этот раз таможенник спросил тоже. Володя ответил отрицательно. Но в действительности вез какую-то картину, перстень Марине и соболиный или, может, какой-то другой мех. Таможенник хотел было пропустить Володю, но тут неожиданно, бог весть откуда, появились трое в штатском. Таможенник побледнел, быстро открыл чемодан Володи и увидел все это. Моментаً схватил мех и сунул мне за пазуху (я никуда не летел), с картиной он этого сделать не мог, а перстень даже не успел взять в руки. Агенты уже стояли рядом. Картину и перстень они конфисковали. Однако Володю заботило другое. Как обычно, в кармане у него был наркотик, в бутылочках из-под сердечных капель. Он решил, что они попросят вывернуть карманы, и все станет ясно. Тогда он рукой раздавил в кармане эти бутылочки. Искалечил себе пальцы до крови».

В том случае Высоцкому помогли фортуна и быстрая реакция. Если бы не это, история с особистами могла окончиться гораздо хуже. Одно, однако, было ясно: его пагубная привычка становилась все более опасной для здоровья. Именно поэтому поэт хотел освободиться от страшной зависимости. Дружившие с ним врачи между тем подали ему новую идею. Анатолий Федотов признался мне в 1991 году: «Это был его последний шанс. Мы не уговаривали. Скорее, наоборот. Предупредили, что эта процедура очень болезненная и нужно будет делать несколько раз переливание крови. Володя на все согласился. Гемосорбция — с этим словом мы связывали большие надеж-

ды. Верили, что устраним синдром зависимости. Убеждали его, что все у нас получится, что этот процесс дает стопроцентную гарантию. И... не получилось. Предложили ему снова провести данную процедуру, но он так посмотрел на нас, что мы не посмели больше настаивать. Впрочем, наверное, это ничего бы не дало. Когда и этот последний шанс был упущен, Володя сломался. Он так напился!».

То, что Высоцкий связывал с гемосорбцией большие надежды, подтверждают и другие его друзья. Владимир Шехтман рассказывает: «Володя действительно хотел вылечиться. Конечно, очень часто, когда мы читали ему мораль о том, что он сам себя обрекает на медленную смерть, он взрывался: «Это не ваше дело! Оставьте меня в покое! Оставьте меня!». Но в глубине души очень хотел вылечиться. Сам пробовал бросить колоться, но безрезультатно. А на гемосорбции он так настаивал... Ребята ведь сказали ему, что это надежно». Валерий Янклович подытоживает: «Володя согласился на гемосорбцию, потому что понимал, что жить так дальше нельзя. Он так мечтал вылечиться!».

Когда надежды, связанные с лечением, рухнули, у Высоцкого не осталось никаких иллюзий. В последние дни жизни он совсем не выходил из дому. Врачи больше не пытались его лечить, а он уже был не в состоянии нормально жить. Он знал, что приходит смерть.

«...У НЕГО БЫЛИ ЗАБИНТОВАНЫ ОБЕ РУКИ»

Саморазрушение Высоцкого, проявившееся в его зависимости от алкоголя и наркотиков, привело к тому, что в сознании своих читателей и слушателей он стал выразителем специфической российской (а может, и шире: славянской) тоски, которая неожиданно приходит, вызывая внутренний душевный надрыв и беспокойство, причину которых никто не в состоянии объяснить. Эта непостижимая грусть о чем-то минувшем, трудно уловимом для восприятия также дополнила легенду о Высоцком. Не первым и не последним трагическим впечатком, который поставила на нем судьба... Но как бывает в отношении непокорных и бунтующих творцов, все его грехи и пороки не только не затмили блеска его славы, а придавали ей еще более яркое сияние.

Однако неслыханная популярность Высоцкого никак не связывалась с тем, что процесс его самоуничтожения разжег умы любителей всякого рода трагических историй, хотя, видимо, были и такие, восхищавшиеся его жизнью и, тем бо-

лее, преждевременной смертью. Но не они предопределили возникновение мифа о Высоцком. Он появился прежде всего благодаря яркой индивидуальности артиста, личности, которая при всей своей неземной таинственности и сложности была, есть и будет близка почти каждому — вне зависимости от степени эрудиции, образованности и жизненного опыта. Личности, которая еще при жизни подверглась канонизации.

Высоцкий вложил в основу своего творчества экзистенциальный протест против конформизма, против всяческих страхов, которые рядом с момента рождения и часто парализуют наши помыслы и сердца самым безжалостным способом. Его бунт будил совесть, заставлял людей обращаться к истинным ценностям, казалось бы, давно забытым и обесцененным. Он привлекал к себе симпатии миллионов людей правдивостью, отсутствием хотя бы тени фальши и решительностью человека, который во все свои дела вкладывает энергию и страсть, даже заблуждаясь и спотыкаясь, он давал неповторимый урок грешного романтика, тоскующего по только ему ведомому утешению.

О склонности поэта к самоубийству говорили в его отечестве и за пределами довольно часто, так же как и о склонности к самосожжению, что можно, без сомнения, признать одной из доминирующих черт его характера. Будучи очень молодым человеком, он шагнул в пропасть алкогольного безумия, из которой, правда, вырывался просто героическим усилием, но в которую впоследствии всегда возвращался.

Как призналась мне его вторая жена — Людмила Абрамова — в 1964 году Высоцкий пробовал покончить с собой. В вытрезвителе повесился на брючном ремне. Но, к счастью, его вовремя спасли. В 1975 году после гастролей Театра на Таганке в Болгарии Высоцкий вызвал лави-

ну слухов и сплетен, появившись в России с забинтованными руками. Виктория Радунская — актриса Таганки — рассказывает: «Под конец выступлений в Болгарии Володя в очередной раз сорвался и запил. По возвращении в Москву нас ждал плановый выезд — на этот раз в Ростов-на-Дону, и Володя должен был к этому времени войти в нормальную форму. Поместили его в больницу и там очень быстро привели в норму. Когда летели в Ростов-на-Дону, Володя сидел в самолете рядом со мной. Я хорошо помню, что у него были забинтованы обе руки. Это было связано с его пребыванием в больнице: его там связывали, если он сопротивлялся, поэтому на запястьях остались раны».

Существует и другая версия, согласно которой Высоцкий вскрыл себе вены. Сохранилась фотография (по неизвестным причинам до сих пор нигде не опубликованная), на которой Высоцкий стоит в окружении нескольких знакомых. Снимок сделан в 1975 году в Ростове-на-Дону. Высоцкий в темных очках и, что интересно, в длинном, с чужого плеча пиджаке. Пиджак этот принадлежит Всеволоду Ханчину (позднее он стал одним из основателей музея Высоцкого в Самаре, вскоре закрытого местным КГБ), на снимке он стоит рядом с Высоцким. Отчетливо видно, что он выше поэта ростом, именно поэтому — очень длинные рукава пиджака, благодаря им не видны винты на руках Высоцкого.

По дороге в Ростов Высоцкий все время что-то записывал. Виктория Радунская вспоминает, что в одном из стихов, который он тогда сочинил, прозвучала мысль о том, что час сорок длится его арест (рейс из Москвы до Ростова-на-Дону занимал один час и сорок минут — *Примеч. автора*). Возможно, восприятие им себя как арестанта было реакцией на недавнее пребывание в больнице. А может,

не израненные запястья рук, а перевязанные вены скрывались тогда под бинтами?..

Правда об этом пока не известна. Однако совершенно достоверным является факт, что Высоцкий часто угрожал своим близким свести счеты с жизнью. Друг поэта — Анатолий Утевский — написал в своей книге: «Я был когда-то свидетелем его телефонных разговоров с Мариной. Оказалось, что Володя был очень ревнив! Кричал в трубку: «Если завтра ты не прилетишь, я покончу с собой!». Тяжело было это слушать!». Высоцкий не любил, когда за Мариной Влади ухаживали другие мужчины. Поэтому он хотел, чтобы она была рядом, и тогда он мог сам поговорить с потенциальными ухажерами...

Интересно, что точно такой же способ «уговоров», основанный на угрозе самоубийства, Высоцкий применял в отношении своей последней любви — Оксаны. Однако если в скандалах с Мариной все заканчивалось только угрозами, то в спорах с Оксаной было страшнее. В июле 1980 года Высоцкий как-то днем пригласил к себе Ивана Бортника, дав ему при этом задание принести с собой спиртное. Алкоголь был доставлен и совместными усилиями выпит. С ними был и Валерий Янклович. На рассвете Высоцкий поручил Бортнику купить еще. Бортник вернулся с двумя бутылками водки. Рано утром в квартире появилась Оксана и, поняв, что происходит, впала в неслыханный гнев. Она потребовала, чтобы Бортник немедленно ушел. «Это было страшно, — говорит она, — Иван ночь напролет пел, что наверняка мешало соседям. И в придачу целый вечер и всю ночь они пели с Володей. Иван привез выпивку вечером, а чуть свет пошел еще за двумя бутылками. Я просто не выдержала. Сказала Володе: «Пусть он уйдет отсюда! Или уйду я!». Володя попросил: «Останься, не уходи. И он тоже пусть останется», в

ярости я вылила бутылку водки в раковину и побежала к выходу. Володя бросился за мной: «Если ты уйдешь, я выброшусь с балкона!». Сказала, что с меня хватит, я уйду. Выбежала на лестничную площадку. Когда вышла из дома, то увидела, что Володя висит на балконе (на восьмом этаже!), держась только за прутья обрешетки. Со всех ног, сколько было сил, я побежала обратно на восьмой этаж Валерий Янклович вместе с Иваном — с огромным трудом! — втащили Володю на балкон, а потом и в квартиру».

Порывы к самоубийству у Высоцкого особенно проявлялись, когда он уходил в запой. Многие знатоки биографии поэта утверждают, что почти вся его жизнь была самоубийством, растянутым во времени. Смерть пленяла его в той же степени, что и жизнь. Выбирал то одно, то другое, в зависимости от целого ряда условий и сплетения обстоятельств. Саморазрушение уничтожило его здоровье, вместе с убийственным образом жизни и просто титанической работой — это главные причины его преждевременной смерти.

**«...ОТ МОЕГО ЕВРЕЙСТВА
НЕ ОСТАЛОСЬ И СЛЕДА...»**

На рубеже восьмидесятых и девяностых годов в России появилось несколько организаций антисемитского характера. В стране нашлись такие люди, которые охотно заглядывали в свидетельства о рождении известных людей. В их поле зрения попал и Владимир Высоцкий. В его случае они могли даже не прибегать к специальным расследованиям. Его фамилия не звучала на русский манер, и этого им было достаточно. Однако Высоцкий настолько был пропитан русским духом во всех своих проявлениях — характере, менталитете, мировоззрении и творчестве, что во время его относительно короткой жизни никому и в голову не могла прийти мысль о том, что в жилах поэта течет не только русская кровь. А ведь в России издавна привыкли считать польские фамилии свидетельством еврейского происхождения. Но Высоцкий был насквозь русский. Русским до мозга костей. Он доказал это всей своей жизнью. Когда несколько блюстителей охраны чистоты расы (фамилия Высоцкий

разбудила их подозрительность) попробовали развязать в отечественной прессе травлю поэта, никто в российском обществе не захотел их слушать. Более того, результат их деятельности оказался противоположным их намерениям. Неприязнь россиян направилась не на Высоцкого, а на блюстителей «чистоты русской крови», мечущих гром и молнии в его адрес. Их акция была еще тем более подлой, так как Высоцкий не мог даже защититься, ведь прошло несколько лет, как он оставил земную юдоль. Были у него, однако, миллионы защитников, которые на брошенные в его адрес обвинения отвечали решительно и с достоинством. Самые разгневанные поклонники Высоцкого присылали из самых разных уголков России тысячи писем главным организаторам кампании, порочащей доброе имя поэта, предупреждая, что если они только осмелятся появиться в их городе, то упадет им на голову не только кирпич, а может быть даже нечто и более увесистое. Как произнес Воланд в «Мастере и Маргарите» Булгакова, «кирпич никогда ни с того, ни с сего никому на голову не падает». И, по существу, такие действия со стороны защитников чести Высоцкого были оправданы. По правде говоря, так называемые блюстители чистой расы зашли в своих «исследованиях» слишком далеко.

Ошеломленные огромным количеством поклонников, собирающихся в годовщины рождения и смерти поэта на месте его захоронения, они затеяли нечистоплотные игры, насыпав рядом с его могилой что-то типа холмика, который потом затоптали. Позже по этому поводу они напечатали в российских газетах пасквиль о том, что рядом с Высоцким якобы похоронен участник Великой Отечественной войны некий майор Петров и что почитатели Высоцкого в своем ослепляющем фанатизме затоптали могилу

офицера. Эта высосанная из пальца история не повредила памяти поэта. Конечно, слишком много поклонников приходило на Ваганьковское кладбище в Москве, но трудно было поверить в то, что они впали в состояние массовой галлюцинации и не заметили рядом с могилой своего кумира другой могилы. Окончательно точку над «і» поставил директор кладбища в своем официальном письменном заявлении, где, в частности, указал, что могилы некоего майора Петрова на этом месте нет и быть не может, так как на месте, где покоится прах Высоцкого, до 1950 года стояло здание. Поэтому здесь просто не могло быть каких-либо послевоенных захоронений. Все могилы появились там только после 1950 года, а фальшивый «растоптанный» холмик, как выяснила администрация Ваганьковского кладбища, был насыпан просто на асфальт! Так что дешевые происки оказались всего лишь идиотской мистификацией, в которую могли поверить в лучшем случае малолетки. В распространении клеветы в адрес Высоцкого был повинен Станислав Куняев, по сути, посредственный поэт, которому удалось обратить на себя внимание читателей на непродолжительное время. В одном из его стихотворений появилась близкая по звучанию к афоризму строка: «Добро должно быть с кулаками», благодаря которой он быстро заслужил себе популярность. Повторялись эти слова в разных житейских ситуациях как оригинально звучащая максима. Позднее, правда, оказалось, что Куняев просто повторил то, что намного раньше написал Михаил Светлов (автор популярной «Гренады»).

Станислав Куняев стал известен также не только клеветническими акциями, направленными в адрес Высоцкого. Он позволял себе оскорблять и других поэтов, среди них — Булата Окуджаву. Особенно волновал его тот

факт, что Высоцкого наряду с Сергеем Есениным часто называют истинно русским поэтом. Он не мог допустить, чтобы так называли человека, которого он считал полурусским, полужевреем. Пожалуй, он признал бы его за поэта русскоязычного, но не русского.

Кстати говоря, попытки дискриминации литераторов еврейского происхождения предпринимали и некоторые другие (правда, немногие) литературоведы и критики. На одной из научных конференций, состоявшейся в Университете им. Ломоносова в Москве, прозвучали тезисы, что русскую литературу следует разделить на три группы: которая создается в России, которая появляется в эмиграции и «еврейскую» литературу, создаваемую на русском языке (!). Автора этой гипотезы быстро заглушил слаженный хор возмущенных профессоров, без труда отвергших его тезисы. Никто, однако, так и не принял всерьез подобные высказывания.

Был ли на самом деле Высоцкий наполовину русский, наполовину еврей? Для миллионов своих соотечественников он был и всегда останется русским. Не только из-за направленности своего творчества (звание исключительно русского поэта прочно закрепилось за ним), но еще и от полноты жизни в ее типично русских проявлениях крайностей и постоянного метания между ними. Высоцкий был олицетворением России — со всеми вытекающими отсюда ее благородными и достойными сожаления приметами.

А еврейские корни поэта? Насколько достоверны слухи об этом? Любой высокоцковед знает, что поэт сам об этом высказывался как в своих произведениях, так и в повседневной жизни. В своей прозе он охарактеризовал предков одного из героев (наделенного чертами из его автобиографии) как евреев родом с Украины. Из его поэ-

тического наследия остались вот такие, написанные в шутовой форме строки:

Когда наши устои уродские
Размела революция в прах, —
Жили в Риме евреи Высоцкие,
Не известные в высших кругах.

В письме к Людмиле Абрамовой из Кабардино-Балкарии Высоцкий отмечал: «Приезжают иностранцы, ходят по горам и очень быстро кабардинизируются. Называем мы их кабардино-болгарами, например. Вчера тут были кабардино-американцы, а сегодня — кабардино-поляки. Ходят и очень смешно «жужжат»: ж-ж-ж; ш-ш-ш... А я кабардино-еврее-русский».

В послании второй жене Высоцкий писал: «Здесь очень жарко, солнце палит немилосердно, и я сильно спекся. Но зато стал похож на русского крестьянина, и от моего еврейства не осталось и следа».

Один из авторов книги «Высоцкий и Беларусь», Виктор Киеня, анализируя в ней всякую доступную информацию о еврейских корнях поэта, приходит к выводу о том, что Высоцкий был евреем на пятьдесят процентов.

Полемизируя на эту тему, канадский высококовед, ученый Марк Цыбульский утверждает: «Киеня не еврей и с евреями никогда не имел дел. В противном случае сразу заметно полное отсутствие логики в его гипотезе. Родителей отца Высоцкого звали Владимир Семенович и Ирина Алексеевна. Представить себе, что перед революцией в еврейских семьях детям давали имена Семен и Алексей невозможно. Такого не случалось. Именно поэтому бьюсь об заклад, что родители отца Высоцкого были евреями единственно в пятидесяти процентах (оба по материнской линии). Исходя из этого, и Семен Владимирович (отец Высоцкого) был евреем на пятьдесят процентов. Следо-

вательно, Владимир Высоцкий был евреем на двадцать пять процентов».

В самом деле эти почти математические выводы канадского специалиста кажутся обоснованными. Мать Владимира Высоцкого — русская (если устремляться за ходом мысли Марка Цыбульского, она русская на сто процентов), отец — еврей наполовину, посему на Высоцкого приходится только двадцать пять процентов еврейской крови.

Доказательством того, что дед Высоцкого был евреем только на пятьдесят процентов, может быть также само имя Владимир. Дед Высоцкого жил в то время, когда будущий поэт появился на свет.

Дать новорожденному имя живущего деда было бы в еврейское семье, придерживающейся традиций, просто невозможно.

Высоцкий никогда не испытывал огорчений из-за происхождения. Его всегда считали и считают русским. Однако всем блюстителям чистоты расы смело можно посвятить его замечательную «Песенку об антисемитах». Сам Высоцкий всегда был свободен от всякого рода предрассудков, предубеждений. В большой степени это явилось заслугой его родителей и мачехи. Будучи малым ребенком, он провел более двух лет в Германии (в стране еще недавних врагов), и у него там было много друзей среди немецких ровесников.

Мачеха Высоцкого Евгения Степановна Лихалатова по происхождению армянка.

В период ранней молодости в кругу его друзей было много сверстников нерусского происхождения. Левон Коcharян — армянин, Михаил Туманишвили имел грузинские корни, а Аркадий Свидерский — польские. И как сказал несколько лет назад давний друг Высоцкого Артур

Макаров, в той компании никто не придавал значения тому, что у него были не совсем русские корни. «В нашем кругу, — констатировал он, — оскорбить кого-то из-за того, что он был евреем или армянином, — означало дать по морде. Каждый из нас так бы отреагировал на это. Просто мы жили так».

«ВОЛОДЯ БЫЛ ТАКОЙ ТИХИЙ»

Несколько лет назад российский журнал «Знамя» опубликовал дневник Владимира Высоцкого за 1975 год. Дневник, который поэт так и не завершил. Он касался короткого периода жизни Высоцкого, где речь шла о его путешествии на автомобиле с Мариной Влади во Францию и пребывании в Париже.

Это единственный сохранившийся дневник поэта, ценность которого неизмерима. Это также единственные написанные рукой поэта слова, не имеющие конкретного адресата. В отличие от песен, сценариев, прозы или писем Высоцкого дневник этот не велся с целью посвящения кому бы то ни было. Именно поэтому текст, написанный в «ящик стола», представляется весьма интересным.

Дневник Высоцкого — опять же единственная сохранившаяся, выраженная в письменной форме оценка поэтом жизни Запада, не обогащенная (как это было в случае его поэтического или прозаического творчества) литературной фантазией. Заметки артиста содержат много под-

робностей ежедневной жизни. В них можно также найти очень интересные раздумья на разные темы, в том числе такие, которых Высоцкий не касался в своем творчестве.

Рассказанные им события являются подтверждением его колоссальной популярности, которая открывала перед ним не одну дверь. Так, например, случилось в одну из ночей, когда его «БМВ» стал неуправляемым и поэт мог рассчитывать только на помощь посторонних: «Мы остановились в темноте, без света, с заглушим мотором, на иностранной машине, не доехав 200 км до Бреста. Грязь, слякоть, проносились грузовики, я поехал за помощью, Маринка осталась. Я поехал с каким-то любезным владельцем «Москвича», разбудившим свою маленькую дочку, чтобы дать мне место, попал по указке на автобусную базу, представился дежурному. (...)

Я совался всюду со своей фамилией, но они и так помогли бы, хотя Петя, нас отбуксировав, денег не взял, сказав: «Если узнают, что с вами был, да еще гроши брал...». Маринка, соорудив из двух колес и серебряной облатки предупреждающий знак «Осторожно!», сидела, запершись в машине, мерзла, ей было страшно, но она не злилась и не привередничала.

Спали в гостинице. (...)

Ночью Маринка чуть выпила с устатку водочки, чтобы не простыть, а водочку мы добыли с Петей, который подкинул меня до ресторана и обратно (это после дня езды на работе). А потом легли и т.д.».

Весьма горьки наблюдения поэта о Германии: «Вдруг я ощутил себя зажатым, говорил тихо, неуверенно шел, то есть пожух совсем. Стеснялся говорить по-русски — это чувство гадкое, лучше, я думаю, быть в положении оккупационного солдата, чем туристом одной из победивших держав в гостях у побежденной.

Даже Марине сказал, ей моя зажатость передалась. Бодрился я, ругался, угрожал устроить Сталинград, кричал (но для нас двоих): «суки-немцы» и т.д. Однако я их стесняюсь, что ли? Словом — не по себе, неловко и досадно. И еще ореол скандальности и нервности над городом. И есть какое-то напряжение у всех, кроме зап(адных) берлинцев. (...)

В машине почему-то было веселее, может быть оттого, что здесь мы были все-таки на своей франко-русской территории».

Шел 1975 год, Западный Берлин был отделен от остальной части города небезызвестной стеной. Относительно легко поэтому можно понять тягостные чувства Высоцкого. Впрочем, читая его дневник, нетрудно заметить, что не только путешествие поэта по Германии выдержано в мрачных тонах. В Париже он тоже чувствовал себя не лучшим образом, а некоторые его друзья твердят, что он не любил французскую столицу.

Ясно, однако, одно: из всех зарубежных городов Высоцкому больше всего понравился Нью-Йорк. Там ему было хорошо, чего нельзя сказать о Париже, который действовал на него удивительно угнетающе. В 1975 году визит поэта в Париж (это была его третья поездка в этот город) сопровождали трагические события. Игорь, старший сын Марины Влади, находился в клинике для наркоманов, и его состояние не давало тогда поводов к оптимизму. Интересно, что Высоцкий сравнил в своем дневнике наркоманию Игоря со своей алкогольной зависимостью, давая собственному поведению сокрушительную оценку: «Парня надо спасать, а он не хочет, чтобы его спасали, — вот она проблема, очень похожа на ту, что у меня. Хочу пить и не мешайте. Сдохну — мое дело и так далее, — очень примитивно, да и у Игоря не сложнее».

Париж наводит поэта на множество грустных размышлений. Этому также способствуют пустые, маловероятные эпизоды просмотренного им английского фильма «Айседора»: «Ее играет Ванесса Редгрейв — очень хорошо. Есть там картины России 1921 года и Есенин, который говорит с английским акцентом, читает стихи, даже водку пьет с акцентом, дерется и изображает русского безумца. Революционные солдаты одеты в потертые дубленки и поют «Калинку» с акцентом. Дункан пляшет в каком-то зале, где на стенах висит все, что британцы знают из лозунгов «Знание — сила». Плакат. «Убей немца!». Портреты Ленина во всех ракурсах, и все красно от кумача. Господи, как противна эта клюква. Стыдно. Но ведь мы-то про них делали еще хуже».

Уныние Высоцкого усиливала и его неуверенность в жизни. В 1975 году в Москве он наконец-то получает долгожданное кооперативное жилье (его первая собственная квартира). Марина Влади собралась переезжать в Москву вместе с детьми, Высоцкий в глубине души принимает ее желание без особого энтузиазма: «Я пока еще четкого мнения о плане переезда в Москву не имею, но что-то у меня душа не лежит пока. Не знаю почему, может быть потому, что никогда не жил так и потому внутри у меня ни «да», ни «нет». Но Марина очень хочет и решила. Ну, что же, поглядим. Дети хорошие, а я привыкну, может быть».

Нужно признать, что эти раздумья Высоцкого звучат почти как признание смертника. Так же пессимистично выглядят и другие его размышления, каждый эпизод его пребывания в Париже таит в себе смятение, тоску и подавленность: «...провели Петю (средний сын Марины Влади. — *Примеч. автора*) на вокзал. Вокзалы везде в мире одинаковые — большие и грязные, и напоминают, что все не вечно: и место, и время, и люди».

Кроме всего прочего, в Париже с Высоцким произошел неприятный случай. Поэт пошел на торжественную церемонию вручения награды российскому эмигранту и диссиденту — писателю Андрею Синявскому, которого он знал еще со студенческих лет. Синявский был его наставником, высоко ценил талант Высоцкого, записывал его песни и устные рассказы. В 1965 году Синявского арестовал КГБ и все его пленки с записями Высоцкого были конфискованы. Поэт ожидал самого худшего, ходил по улицам и оглядывался, не следят ли за ним. Однако тогда его оставили в покое. В 1975 году в день, когда он присутствовал на парижских торжествах в честь Синявского, раздался довольно странный телефонный звонок от одного из русских эмигрантов. Высоцкий считал его стукачом КГБ и подозревал, что этот человек записывает их разговор. Высоцкий должен был выслушивать вопросы типа освобожден ли он от контроля, слежки, на что отвечал, что никогда не был никому обязан таким вниманием. И записал в дневнике: «Как они все-таки, суки, оперативны. Сразу передали по телетайпу, мол, был на вручении премии».

А еще в Париже были скучные и утомительные встречи, участие в нудных и не совсем умных дискуссиях. Хотя такое же могло быть и в Москве. В 1980 году Высоцкий вместе с Мариной Влади провел новогоднюю ночь у известного писателя Юрия Трифонова. Взял с собой гитару. Юрий Трифонов позднее вспоминал: «Это было что-то ужасное. Пришло к нам много гостей. Были среди них и Володя с Мариной. Я вспоминаю тот вечер только потому, что к нам пришел Володя. Только благодаря ему я храню его в памяти. И в течение этого вечера никто ни разу не попросил Володю спеть. Все долго и громко говорили о самих себе и своих успехах. А Володя был такой

тихий, скромный, неразговорчивый. Когда они с Мариной уходили, моя жена сказала: «Володя, вы нам так ничего и не спели, а я так хотела вас послушать. Вы ведь даже принесли гитару...». Володя усмехнулся, как бы извиняясь: «Но другие не хотели. Было видно. В другой раз спою». И вышел. Был он среди нас, а все были заняты только сами собой».

Это происходило в Москве. В Париже было что-то похожее. В 1975 году Высоцкий записал в дневнике; «Костя (знакомый поэта. — *Примеч. автора*) говорил тосты, пьянел и был счастлив, хвастался большой политической эрудицией, намекал на близкие отношения с Мариной, словом, вы...вался, но симпатично, я ему поддакивал».

В заметках поэта, полных удивительной тоски, грусти и подавленности, есть только одна светлая сторона, содержащая в себе те фрагменты дневника, в которых проскальзывает чувство юмора Высоцкого, проявляющееся в оценках людей, фактов и событий: «Спали, однако, как дома, но с кошмаром. Марина уже которую ночь во сне давила на тормоз и крутила руль. А я ей советы давал и дорогу указывал. Она не возражала, потому что спала».

Говоря о юморе Высоцкого, следует отметить, что его необыкновенный талант к ироничным, удивительно точным наблюдениям и комментариям проявляется не только в его песнях, но также в заметках и письмах. Вообще письма Высоцкого — это особая тема, поэтому буду возвращаться к ней еще не раз в этой книге. Только одно хочу подчеркнуть: как в дневнике, так и в письмах поэт метко и остроумно комментировал то, что происходило вокруг. В 1972 году в письме к Станиславу Говорухину Высоцкий писал: «Свяжись со мной, Славик, хотя бы по телефону. Марина тебя целует, хотела тебе написать на вашем родном французском языке (Говорухин учил французский язык. — *Примеч. автора*), но лежит пластом и

причитает по-русски, совершенно обессилев. Но привет для тебя, несмотря ни на что, вымучила. Говорит, что с удовольствием бы тебя увидела. Книга — новейший Сименон — лежит и ждет твоего внимательного и ненасытного глаза. Славик, мой дорогой! На душе паршиво и отвратительное настроение, хотя счастлив, что баба при мне, хоть и больная». Юмор, остроумие Высоцкого были одной из форм его борьбы с ежедневной серостью будней, и прежде всего с разного рода ударами судьбы, которых выпадало на его долю очень много. И хоть временами иронические замечания актера с большим трудом пробивались через толщу горьких размышлений, но их легкость и фривольность, пусть и в небольшой степени, делали светлее его мрачное настроение. Именно такую смесь улыбки и грусти мы находим на страницах дневника Высоцкого Дневника, который дождался уже множества переизданий, в том числе и заграничных.

А ценность его поистине огромна. И высокоцковеды до сих пор тешат себя надеждой, что еще где-то на дне ящиков столов ждут исследований и выхода в свет другие дневники и материалы поэта.

«Я КЛОНЮ СВОЮ ГОЛОВУ ШАЛУЮ ПРЕД ВАРШАВОЮ, ПРЕД ВАРШАВОЮ»

Лес ушел, и обзор расширяется,
Вот и здания проявляются,
Тени их под колеса кидаются
И остаться в живых ухитряются.

Перекресточки — скорость сбрасывайте!
Паны, здравствуйте! Пани, здравствуйте!
И такие, кому не до братства, те —
Тоже здравствуйте, тоже здравствуйте!

Я клоню свою голову шалую
Пред Варшавою, пред Варшавою.
К центру — «просто» — стремлюсь, поспешаю я,
Понимаю, дивлюсь, что в Варшаве я.

Вот она — многопослевоенная
Несравненная, несравненная!
Не сровняли с землей, оглашенные,
Потому она и несравненная.

И порядочек здесь караулится:
Указатели — скоро улица.
Пред старушкой пришлось мне ссутулиться:
Вьясняю, чтоб не обмишулиться.

А по-польски — познания хилые,
А старушка мне: «Прямо, милые!» —
И по-нашему засемила, и
Повторила опять: «Прямо, милые...»

Хитрованская Речь Посполитая,
Польша панская, Польша битая,
Не единожды кровью умытая,
На Восток и на Запад сердитая,

Не ушедшая в область предания,
До свидания, до свидания!
И Варшава — мечта моя давняя,
(До свидания, до свидания!)

Это стихотворение Владимир Высоцкий написал в 1973 году во время своего первого выезда на Запад. Произведение является первой частью поэтического «Дорожного дневника», который состоит из тринадцати стихотворений и песен.

По пути в Западную Европу поэт побывал также и в нашей стране. Это был его первый визит в Польшу. Позднее он задерживался у нас неоднократно. В мае 1980 года он приехал в Польшу, но уже по официальному приглашению, когда Театр на Таганке участвовал в упомянутых уже в этой книге Международных театральных встречах.

Высоцкий питал к нашей стране особые чувства. В 1970 году в заполненной им самим анкете (предложенной ему одним из друживших с ним актеров) на вопрос о странах, к которым он относился с симпатией, поэт ответил: Россия, Польша, Франция.

До 1973 года Польша попала в некоторые произведения Высоцкого, выдержанные в шуточной, юмористической манере. Но, по правде говоря, первое упоминание Польши в его творчестве — это два стихотворения из «Дорожного дневника». Речь — о произведениях «Хитрованская Речь Посполитая» и «Дороги... дороги».

Высоцкий встречался в Польше со многими представителями мира искусства и культуры, среди которых Анд-

жей Вайда, Ежи Хоффман, Даниэль Ольбрыхский. На одном из концертов русского актера присутствовал тогда еще совсем молодой Яцек Качмарский, и, по словам польского барда, именно эта встреча с Высоцким повлияла на его дальнейшую жизнь. Именно благодаря Высоцкому Яцек Качмарский стал писать стихи и сочинять музыку к ним, с гордостью считая Высоцкого своим учителем.

Воспоминания о великом поэте написал Даниэль Ольбрыхский. Его книга «Поминая Владимира Высоцкого» позже была переведена на русский язык и вышла в Москве. Один из наиболее спорных и противоречивых высокоцковедов Анатолий Сидорченко дал ей сокрушительную оценку в двух своих книгах. Впрочем, как и воспоминаниям Марины Влади. Сидорченко не стесняется в выражениях и любит шокировать. Название его последней книги звучит так: «Книжка Марины Влади в переводе Рашэн-дяди». Лично я хочу признать: хотя временами трудно избавиться от ощущения, что «Рашэн-дядя» не приводит никаких аргументов в поддержку своих выводов, очень часто он абсолютно прав. И именно тогда, когда утверждает, что множество воспоминаний о Высоцком — это, по существу, настойчивые и упорные повторы авторами дифирамбов в собственный адрес. Они могли бы смело повторить за Маяковским: «Себе, любимому, стихи те посвящает автор», — с той лишь разницей, что посвящают они себе не поэмы и стихи, а целые книги.

Увы, отсутствует возможность сравнить воспоминания польских друзей Высоцкого о его пребывании в нашей стране с рассказами или записями самого поэта. В дневнике Высоцкого за 1975 год мы находим лишь небольшую заметку о встрече поэта с Даниэлем Ольбрыхским и его женой Моникой, а также несколько записей впечатле-

ний после просмотра одного из спектаклей, поставленных режиссером Анджеем Вайдой. Но с полной уверенностью можно сказать, что визиты в Польшу оказали на Высоцкого определенное влияние, хоть и не нашли своего отражения в его высказываниях (как, к примеру, пребывание во Франции).

Кроме упоминаемых выше двух стихотворений из цикла «Дорожный дневник», наиболее «польским» произведением Высоцкого является, несомненно, написанный вместе с драматургом Эдуардом Володарским сценарий фильма «Венские каникулы» (в первой версии «Каникулы после войны»). Этот сценарий был написан всего за несколько дней. А за его основу взята настоящая история, рассказанная Высоцкому отставным военным, ставшим прототипом одного из главных героев произведения Высоцкого. Факты из жизни военного он дополнил литературной фантазией и характерными реалиями времени, в которое довелось жить самому поэту.

Фильм «Венские каникулы» должен был рассказать историю побега из фашистского лагеря четырех офицеров: русского, поляка француза и грузина. Правда, в первой версии сценария офицеров было только трое, а четвертый герой — грузин — должен был, согласно замыслу Высоцкого, появиться позднее.

Необычайно интересным является то, что главными героями стали представители тех государств, к которым поэт проявлял больше всего симпатий. Мало того, он заранее решил, какие именно актеры воплотят в жизнь эти образы. Французского офицера должен был играть Жерар Депардьё, польского — Даниэль Ольбрыхский, русского — Владимир Высоцкий, а грузинского — скорее всего Вахтанг Кикабидзе.

Герои будущего фильма получили имена вышеперечисленных актеров, а их образы перенесены на страницы сценария: могучий, наделенный почти медвежьей фигурой француз Жерар, поляк Даниэль — русский, грузин Вахтанг — черноволосый и русский Владимир — с пронзительным взглядом и грубо высеченными чертами лица. С виду довольно жесткий, хотя в глубине души благородный Владимир озабочен своей довольно затянувшейся склонностью к алкоголю. Пьет и не желает слушать ничьих советов. У него всегда припасен ответ: «Только не учите меня жить!». Едва ли не самые интересные в «Венских каникулах» отношения между Владимиром и Даниэлем. Они складываются противоречиво. Русский и поляк явно не питают взаимных симпатий, а может, даже чувствуют скрытую неприязнь по отношению друг к другу. Отнюдь не потому, что имеют один к другому какие-то личные претензии, по сути они даже мало знакомы, но их взаимные предрассудки не позволяют им строить хорошие отношения. Именно подобные стереотипы, а также политические взгляды и исторические события приводят к тому, что эти двое пришли друг другу не ко двору. Не раз между ними возникают острые перепалки, из которых кульминационной является следующая сцена.

— Ну чего приуныли? — удивился Жерар. — Неужели не рады?

— Радует... — вздохнул Даниэль, не поднимая головы от тарелки.

— Сейчас спокойно можем вернуться по домам! Я — в Париж, Даниэль — в свою Польшу, Владимир — в Россию, Вахтанг — в Грузию!

— В Польше сейчас командуют русские, — нахмурился Даниэль. — Предали поляков, чтобы потом оккупировать Польшу... Нечего мне там делать...

— Хватит о русских! — Владимир сильно ударил кулаком по столу. Зазвенели хрустальные графины.

— Да, предали! — повысил голос Даниэль. — Когда в Варшаве началось восстание патриотов, ваши танки стояли на другом берегу Вислы и ждали! Наблюдали, как немцы уничтожали Варшаву и поляков.

— А где были вы, доблестные вояки, когда немцы разоряли Киев и Харьков! Когда от Минска остались одни руины?

— Поляки боролись в подполье! — вспыхливо ответил Даниэль.

— Подпольщики, ха-ха! — язвительно посмеялся Владимир. — Прятались в подполье со своим паршивым правительством! — Владимир внезапно встал и стиснул кулаки. — Лучше заткнись или получишь в морду!

И все-таки, несмотря на острые и резкие конфликты, эта пара по иронии судьбы будет связана невидимой нитью. Владимир с удивлением узнает, что Даниэль так же, как и он, летчик. Совсем недавно он кричал ему: «Какие у меня были друзья! Сгорели живьем... Полухин Борька — штурман. Чернов Иван — бортовой стрелок. Подбили нас под Кубанью в сорок втором... Были друзьями до гроба, до гроба. Шесть «мессеров» на одного, ты видел такое хотя бы во сне, ты, польский пустомеля! Шесть на одного! И не удирал! Ванька Чернов два сбил! Два! И они рухнули... а я выжил! Зачем, зачем я выжил?».

Позже Владимир понял, что Даниэль был пилотом бомбардировщика. Связывает их, конечно, не только это. Даниэлю незачем возвращаться в Польшу. Но и Владимир не может вернуться в Россию. Он является такой же жертвой сталинского террора, как и его коллега. Если он поедет в Россию, будет арестован: за то, что позволил схватить себя немцам, за то, что попал в лагерь. Сталин

запрещал сдаваться в плен. Все время повторял: «У нас нет пленных. Нет советских пленных. Есть только предатели». И если Владимир вернется, то за годы, проведенные в нечеловеческих условиях в лагере, заплатит пребыванием в очередном лагере — на сей раз в собственной стране. Он понимает это. Еще в Вене у него возникают немалые хлопоты, так как он не может показать советским солдатам, патрулирующим часть города, хоть какое-нибудь удостоверение личности. Эта невозможность возвращения домой также связывает его с Даниэлем. Но прежде всего их объединяет жуткая тоска, а испытывая ее, они ощущают, может быть впервые, как сильны славянские — почти братские — узы между ними. Их сближает своеобразная общность. Общность изломанных судеб, общность познанных страданий, обид и унижений, общность испытаний и переживаний. Общность страха перед вырисовывающимся мрачным будущим. И ностальгия. Целиком славянская. Столько же русская, сколько и польская.

— Все дело в том, Владимир, что рано или поздно мы должны будем расстаться, — задумчиво отметил Даниэль.

— Но мы вдвоем так или иначе когда-нибудь встретимся, — иронично усмехается Владимир.

— Где? — Даниэль смотрит на него, не понимая, о чем речь.

— В Сибири..., — звучит ответ.

Оба молчат, напряженно мыслят, выдыхая табачный дым.

— А может, нам простят, а? — неожиданно спрашивает Владимир и смотрит на Даниэля. — Может, нам поверят и простят? — У Владимира слезы в глазах.

— Хочешь вернуться домой? — спрашивает Даниэль.

— А кто бы не хотел? — Владимир отворачивается, украдкой вытирает слезы. — Даже собаки не хотят быть бездомными...

Финальная сцена также должна была подчеркнуть общность их судеб, которая окончательно стерла память о давней неприязни. Друзья решают вернуться в свои дома (вместе с Вахтангом), а помочь им в этом старается Жерар. Чтобы не быть арестованными при возвращении, они угонят с американской базы бомбардировщик (такой, какого еще нет у русских) и приземлятся на нем в Варшаве или Берлине, а потом отдадут его в руки советских властей. За такой подвиг, уверены они, их не накажут за те грехи, которых они не совершали.

Во время угона самолета погибают Жерар и Вахтанг, а Даниэль и Владимир улетают в созданные в мечтах дома. Вместе. Вдвоем. Уже как друзья.

Сценарий «Венских каникул» был создан в январе 1979 года (вторая редакция — уже после смерти Высоцкого), и почти до последних дней своей жизни Владимир Высоцкий верил, что ему удастся снять по нему фильм. Увы, все российские режиссеры в ответ на предложения Высоцкого и Володарского бессильно разводили руками: «Сценарий великолепный, но, сами понимаете, он абсолютно непробиваем! Нам не разрешат!».

Конечно, трудно себе представить, что в 1979 году на советские экраны выйдет фильм, в котором один из героев говорит об оккупации Польши войсками Красной Армии, о стоящих на берегу Вислы советских танках, ожидающих капитуляции Варшавского восстания. Высоцкий думал, что фильм удастся снять на Западе. Действия в этом направлении предпринимал в США Михаил Барышников. Когда Марина Влади перевела сценарий Жерару

Депардье, тот был краток: «Готов сыграть в этом фильме даже бесплатно. Без гонорара». Увы, вовремя не нашли студию, а позднее преждевременная смерть Высоцкого вернула его друзей к другим заботам. Вместе с тем роль Владимира Высоцкий создал с мыслью о себе, поэтому считалось потом, что доверить ее другому актеру было бы оскорблением памяти о нем. Поэтому все — включая соавтора сценария — согласились, что никто не в состоянии заменить Высоцкого в этой роли.

Но остался сценарий. Осталась красивая и трогательная история польско-русских предубеждений и уз дружбы, история четырех друзей, брошенных в водоворот происходящих перемен в послевоенной Европе.

Если говорить о затронутой теме советской реакции на начало Варшавского восстания, то именно Высоцкий впервые высказался в своем творчестве по этому поводу еще в 1973 году. В стихотворении «Дороги... дороги» из цикла «Дорожный дневник» поэт писал:

В мозгу моем, который вдруг сдавило,
Как обручем (но так его, дави!),
Варшавское восстание кровило,
Захлебываясь в собственной крови.

Дрались худо, бедно ли,
А наши корпуса
В пригороде медлили
Целых два часа.

В марш-бросок, в атаку ли
Рвались, как один,
И танкисты плакали
На броню машин.

Военный эпизод — давно преданье,
В историю ушел, порос быльем.

Но не забыто это опозданье,
Коль скоро мы заспорили о нем.

Почему же медлили наши корпуса?
Почему обедали
Целых два часа?

Потому, что танками,
Мокрыми от слез,
Англичанам с янками
Мы утерли нос.

А может быть, разведка оплошала —
Не доложила. Что теперь гадать!
Но вот сейчас читаю я: «Варшава» —
И еду, и хочу не опоздать!

«...НАКОНЕЦ-ТО В НЕГО ВЧИТЫВАЕМСЯ»

С личностью Владимира Высоцкого связаны многочисленные феномены и явления, не имеющие аналогов не только в России, но и в других странах. Одним из таких феноменов было рождение высококоведения. Эта область науки совсем недавно заняла надлежащее ей место в аудиториях университетов и институтов, на научных конференциях и симпозиумах. С ее популярностью может сравниться лишь пушкиноведение.

В противоположность последнему высококоведение не рождалось в тишине лекционных залов, кабинетах министров культуры и образования или в просторных школьных классах. Всякого рода «официальные деятели», наоборот, делали все, что могли, чтобы не допустить появления этой науки. Следует признать, что цензоры имели в этом направлении накопленный в течение десятилетий опыт. Разве не благодаря им в списки запрещенной литературы попали стихи Гумилева и Мандельштама, а за-

мечательный поэт Павел Васильев остался мало кому известным, несмотря на свой огромный талант.

Высоцкий был единственным поэтом, которому отсутствие официального признания не помешало попасть на страницы аналитических, критических, текстологических и библиографических работ. Разница между ним и областными властями литераторами заключалась в том, что труды, посвященные ему, создавали люди, не имеющие ничего общего ни с литературной, ни с музейной, ни с научной деятельностью. Это были врачи, инженеры, солдаты, шахтеры, шоферы, моряки, столяры и грузчики... Тысячи людей, заполнившие огромный пробел в российском литературоведении, театроведении и музыковедении. Естественно, их работы были иногда наивны и просты, естественно, им не хватало профессионализма. Естественно, для воплощения этой захватывающей идеи у них не хватало сил, умения и возможностей. Но сам их спонтанный порыв, сам энтузиазм, с которым они прославляли предпринятую ими же самими деятельность, заслуживает слов высшей похвалы. Это именно благодаря им в конце восьмидесятых, когда высококоведение шагнуло наконец-то в просторные университетские аудитории и музеи, профессионалы смогли начать свои исследования не с нуля. Их ждали готовые библиографии, рецензии, каталоги, дискографии, фильмографии, социологические исследования и даже философские трактаты. Сегодня высококоведение переживает настоящий расцвет. Как написал в одной из своих публикаций ученый высококовед Марк Цыбульский из Канады, изучением жизни и творчества Владимира Высоцкого, комплектацией материалов на эту тему занимаются в настоящее время несколько тысяч человек во всем мире. Некоторые из них имеют тридцатилетний стаж в этом деле, например Владимир Тучин —

научный сотрудник музея В.С. Высоцкого в Москве, автор очень оригинальной теории о роли, которую играет поэт в истории русской литературы. Он утверждает следующее: «Если поэтов разделить по своеобразным категориям, то тогда следовало их поделить на поэтов (настоящих, выделяющихся из посредственности), выдающихся поэтов и гениев. Поэтов в течение многих веков, на протяжении всей истории России было много — несколько десятков, а может, даже сотен десятков. Выдающихся было больше десяти — Пастернак, Цветаева, Гумилев, Мандельштам, Фет, Тютчев и еще несколько имен. Великих поэтов только два — Лермонтов и Есенин. Гений — пока не родился Высоцкий — был только один — Пушкин. Сейчас их два».

Лично я против введения в поэзии разного рода классификаций, против навешивания бирок отдельным поэтам, это приводит к возникновению чего-то похожего на рейтинг, что ничего общего с искусством не имеет.

Однако, должна признать, что классификация Владимира Тучина обладает определенной логикой. Если за роль, какую тот или иной поэт сыграл в литературе, принять общественный резонанс, популярность и «живость» текста (каким способом он действует на сознание читателей, как часто цитируется, как часто читатели находят в нем созвучие с реальностями времен для них современных), тогда вынуждены будем за выдающихся признать по существу целую плеяду поэтов — от Ахматовой до Пастернака (и сотню других); за великих поэтов, славу и всенародную любовь к которым никто не имеет права оспаривать, — только Лермонтова и Есенина. Поэтов-гениев, вне всякого рода классификаций, которые, без сомнения, идут вне всяких перечней и списков как любимые поэты, поэтов, почти соприкасающихся со своего рода божественным, по существу, кроме Пушкина и Высоцкого назвать

трудно. Кстати говоря, помню, как в 1988 году, на 50-летие со дня рождения Высоцкого Россию захлестнул шквал публикаций в его честь. Многие литературоведы и пушкиноведы обращали внимание на то, что даже Пушкин не дождался такой лавины рецензий, трудов, заседаний, статей, воспоминаний, передач, программ, мероприятий...

Актриса Татьяна Васильева интересно сформулировала свое мнение на тему параллели Пушкин — Высоцкий: «Похожи друг на друга. Талантом, темпераментом, отношением к жизни. Похожи! Пушкина, конечно, реже сегодня вспоминают! Правда, и жил он в давние времена, хотя на протяжении многих лет публиковали его литературные произведения сотни раз; в институтах, в начальных и средних школах изучали в рамках обязательных программ. Одним словом, культивировали. Но вспоминают его реже. Как бы реже. Однако Пушкин всегда с нами. Нет уже бума, потому что бум длится недолго, как истерия, массовое помешательство. Но это отнюдь не означает, что он утратил для нас свою актуальность. Такой же поворот событий становится и уделом Высоцкого. Прошел период бума. Высоцкий переместился во времени и пространстве. И наше восприятие его творчества становится все более серьезным, все более глубоким. Мы перестали принимать его только эмоционально, до нашего сознания доходит значение Высоцкого, смысл его жизни. Его феномен развивается, потому что мы наконец-то в него вчитываемся. Это великий процесс».

**«МНЕ ЕСТЬ ЧТО СПЕТЬ,
ПРЕДСТАВ ПЕРЕД ВСЕВЫШНИМ...»**

Был ли Высоцкий верующим человеком? Этот вопрос задают себе многие высококоведы и поклонники творчества поэта.

Если верить категоричным оценкам Марины Влади, следовало бы сказать, что нет. Вдова поэта весьма однозначно и без тени сомнения пишет в своей книге, что для него «все кончилось вместе с последним вздохом», не верил он — по ее мнению — ни в загробную жизнь, ни в существование Творца. Много раз возвращается Марина Влади к забавному, опять же по ее мнению, поведению поэта в местах религиозного культа или же по отношению к духовным лицам (например, в армянской церкви и у индийского монаха). При случае достаётся от нее и русской православной церкви, которую Марина Влади считает чересчур театральной (!). Трудно согласиться с гипотезами звезды французского кино, не говоря уже о ее неуважении к религиозным чувствам и традициям русских людей. Трудно также поверить и в то, что чело-

век, так часто обращающийся в своем творчестве к Богу, не уверовал в его существование. Образ или тема Всевышнего встречаются в известных стихотворениях Высоцкого, таких как «Кони привередливые», «Райские яблоки», «Купола», «История болезни» или «И снизу лед и сверху — маюсь я между». Именно в этом последнем стихотворении (посвященном Марине Влади) поэт пишет:

Мне меньше полувека — сорок с лишним, —
Я жив, тобой и Господом храним.
Мне есть что спеть, представ перед
Всевышним, Мне будет чем ответить перед ним.

Вдова поэта утверждает, что в ее разговорах с Высоким тема смерти и все, что ее касалось, всегда было объектом насмешек. Пожалуй, только это она считает доказательством того, что поэт не был верующим. Однако многие его друзья имеют противоположное мнение. Борис Хмельницкий — актер Театра на Таганке — вспоминает: «Володя был верующим человеком и как каждый христианин умел прощать. Также и в отношении закулисных интриг».

Нельзя исключить, что разница в оценках является следствием перемен, которые произошли в сознании Высоцкого в отношении религии и веры. С этой точки зрения, Высоцкий конца 70-х уже не тот Высоцкий, который несколькими годами раньше написал шуточную «Песню плотника Иосифа, девы Марии и Святого Духа».

В детстве и ранней молодости поэт, по существу, мог быть человеком, отвергающим религию, что являлось одним из проявлений его жизненной активности. Это могло быть и результатом воспитания, ибо отец Высоцкого — профессиональный военный: хорошо известно, что это значило в то время.

О религиозности Высоцкого — уже как зрелого мужчины — указывает, однако, твердое намерение повен-

чаться в церкви с Оксаной — возлюбленной поэта. Трудно поверить в то, что он, не будучи верующим, решился на такой шаг. И уже окончательно исключает всякие сомнения недавно опубликованная фотография артиста во время его пребывания в США. Это было в 1979 году. На снимке четко видно, что у Высоцкого на шее висит крестик.

«Я ВСТАЛ ГОРОЙ ЗА ГОРЦЕВ...»

4 октября 1978 года Владимир Высоцкий выступил на республиканском телевидении в столице Чечни — Грозном.

Постановщики программы с его участием решили не подготавливать по этому случаю какую-то специальную сценографию, значительно экономя в средствах. Согласно их замыслу артист должен был выступать на фоне установленной за его плечами декоративной решетки. Когда Высоцкий пришел в студию и увидел приготовленное для него место, устремив взгляд на решетку, спросил: «А это что? Намек?». Действительно, опасность угодить за тюремную решетку преследовала его во все зрелые годы. Он представлял серьезную угрозу для властей. Но поэта не осмеливались арестовать (хоть и многократно намеревались сделать это) только благодаря небывалой популярности. Для миллионов жителей СССР он был таким авторитетом, что каждый из них мог бы выполнить его волю, если бы только Высоцкий пожелал что-нибудь. Одна

из поклонниц Высоцкого призналась журналистам: «Он много для нас значил, и если бы только на каком-то из своих концертов сказал, что мы должны приехать в тот или иной город, бороться с властями или строить баррикады, сделали бы это, не моргнув глазом. Он имел необычайную, прямо гипнотическую силу воздействия на людей. Но он был поэтом и не хотел уничтожать и крушить, а хотел творить». Творческой смелости Высоцкого и ее потенциальных последствий боялись даже его самые близкие. Вот пример тому. В 1979 году поэт с большой болью принял известие о советской интервенции в Афганистане. Писала об этом Марина Влади, рассказал о реакции Высоцкого на эти события Михаил Шемякин. Подтвердил и Валерий Янклович: «Когда он узнал о вторжении наших войск в Афганистан, просто сломался. Напился. И все время повторял: «Это невозможно!». Мы все сильно переживали это, нам было стыдно. Но Володя воспринял все как личную драму». Именно поэтому близкие поэта боялись, что если на каком-нибудь официальном или неофициальном выступлении он выскажется по данному поводу, власти могут ему этого не простить. Михаил Шемякин вспоминает: «Это было в Париже, такой домашний концерт. Володя спел песню. В ней речь шла о Папе Римском, о его путешествиях, про которые летчик говорит, что они небезопасны, а Папа отвечает:

Смелее! В облака,
Брат мой, ведь я в сутане.
А смерть — она пока
Еще в Афганистане!

Марина, когда услышала это, сразу нахмурилась, и тут же стала уговаривать Володю вернуться домой».

В 1977 году Высоцкий написал песню, посвященную жителям Чечено-Ингушетии (сейчас это две отдельные

республики — Чечня и Ингушетия. — *Примеч. автора*). Многие из них впервые услышали ее во время пребывания поэта в Грозном, в октябре 1978 года. Кроме официальных съемок на республиканском телевиденье также были неофициальные встречи и концерты. Среди прочих — с актерами местного театра драмы, которые мечтали о том, чтобы пригласить к себе Высоцкого. Однако это прошло нелегко. Высоцкий приехал в Чечено-Ингушетию вместе с труппой Театра на Таганке. Гастроли длились несколько дней. Артист играл в спектаклях, но в Грозном проходили и встречи частного характера. Высоцкий очень уставал. Когда двое актеров из Грозного по окончании спектакля (скорее всего, после «Гамлета») подошли к нему с просьбой прийти на встречу с ними, поэт отказался, так как график его пребывания в их городе был весьма насыщенный. Тогда эти актеры решили направить к нему двух своих коллег — актрис этого же театра в Грозном. Замысел, что называется, попал в десятку. Им (хоть просили они о том же, что и их предшественники) Высоцкий не отказал.

Встреча состоялась. Высоцкий пришел на нее без гитары и спел только одну песню. Песню, которая отражала судьбу чеченского народа и его трагическую историю. Один из актеров грозненского театра драмы, присутствовавший на этой встрече, спустя годы вспоминал: «Когда Высоцкий окончил петь, наступила тишина. Прошла минута, другая, третья... не знаю, как он сам это выдержал. Уверен, только великий актер может выдержать такую паузу (О, длившуюся наверняка минут пять! А потом кто-то начал плакать, ибо был не в состоянии сдерживать слезы. Потом заплакал кто-то еще, потом следующий, слезы были у всех на глазах, все были просто потрясены. Мы подарили Высоцкому папаху. Он надел ее. Жаль, что никто этого не

сфотографировал. Это была бы очень ценная фотография! Высоцкий с папахой на голове».

Надо признать, что впечатления, похожие на вышеописанные, испытывали многие слушатели Высоцкого. Его поэтические образы, прекрасные метафоры, утонченный юмор — все это пробуждало огромный интерес у слушателей, а позже — читателей. Одна из знакомых Высоцкого — киновед Наталия Моргунова утверждает: «Как поэт Высоцкий попадает сразу в сердце, а в сознание — если вчитываешься в его стихи. Когда я вчитываюсь в каждое его слово, то не перестаю восхищаться замечательными поэтическими картинками, образами. Кто еще мог бы так написать: «Мы вращаем Землю»? О том, как наши войска в сорок первом отступали, а потом перешли в контрнаступление, и как Земля катилась на Восток, а потом командир батальона повернул ее обратно к Западу «от Урала оттолкнувшись ногой». Кони привередливые... До этого были кони и вороные, и ласковые, и норовистые, и всякие разные, но привередливые... Его поэтические образы — это явление, и можно об этом говорить с восхищением и удивлением без конца. А «Баллада о любви»... О влюбленных, которые встречаются на «узких перекрестках планеты». Чудесно почти все, что он написал рядом с Мариной Влади, — это большой этап его жизни. Помню, как мы были вместе в Латвии. Отдыхали. Скромные, простые. Я считаю Высоцкого малоразговорчивым человеком, замкнутым в себе. Тогда он тоже молчал. Ни с кем не разговаривал, не пел. Пел только для Марины. Был поглощен Мариной. Временами, когда они вместе где-то сидели, он опирался своим подбородком о ее плечо, и так они замирали, размышляя о чем-то для них важном и значительном. Это было так трогательно. Ходили они тоже всегда вместе, держась за руки. Мне даже хотелось ве-

рнуть в то, что жизнь прекрасна, если что-то такое происходит...».

Подытоживая признания Наталии Моргуновой, следует также отметить, что Высоцкий восхищал не только в произведениях, повсеместно признанных шедеврами, но и в поэтических миниатюрах, написанных при случае, по потребности души, на радость себе и друзьям.

Лейтмотив его поэзии, поразительная выстроенность событий, точность оценок и прежде всего остроумие всегда вызывали огромный интерес. И делали ярче серые будни — как самому поэту, так и его близким. Таких произведений большинство. Каждое из них отличается вдохновением и юмором, например, поэтическое посвящение Людмиле Абрамовой в одном из писем к ней. Высоцкий — тогда молодой парень — убеждает свою жену в том, что он держится молодцом, думает исключительно о ней, ни с кем не заводит романов и даже не флиртует. Все это было забавно и чарующе, так же, как и заверения в письмах А.С. Пушкина, который на сто тридцать лет раньше писал своей жене, что верен ей, несмотря на то что находится далеко от дома, но, как гласит одна старая (польская. — *Примеч. переводчика*) поговорка, что на чужой стороне и старушка дар божий...

Высоцкий же отчет о своей выдержке и постоянстве заканчивает на поэтической ноте:

Как хорошо ложиться одному —
Часа так в два, в двенадцать, по-московски,
И знать, что ты не должен никому,
Ни с кем, и никого, как В. Высоцкий!

Однако я далеко ушла от описания пребывания поэта в Грозном. Любопытны сами по себе обстоятельства, сопутствующие его выступлениям, не только из-за колоссального успеха, которого достиг Высоцкий в этом горо-

де как актер, как поэт и как певец. Не менее интересна и судьба программы с его участием, снятая на их телевиденье. Высоцкий очень интересно рассказывает в ней о своем творчестве, о роли поэзии в его жизни, об источниках вдохновения.

Программу эту не выпустили, в который раз оказалось, что цензоры считают за честь, даже за одну из главных целей деятельности сделать невозможным Высоцкому презентовать свое творчество в средствах массовой информации. Мало того. Пленки с записями Высоцкого было приказано уничтожить. Руководство телевиденья выдало соответствующее указание и любой фрагмент программы должен был исчезнуть бесследно. Так случилось бы наверняка, если бы не один из работников — обычный представитель персонала технического обслуживания, которому приказали уничтожить пленки. Но он не уничтожил записи, а спрятал их в таком месте, где они были в полной безопасности. Именно благодаря его самоотверженности и дальновидности телевыступление Высоцкого в Грозном сохранилось полностью. Программа была показана в честь 10-летия пребывания поэта в этом городе спустя восемь лет после его смерти. И, конечно, всегда будет об этом напоминать замечательная песня, которую с таким потрясением слушали чеченцы и ингуши в 1978 году:

Я сам с Ростова, я вообще — подкидывш,
Я мог бы быть с каких угодно мест.
И если ты, мой Бог, меня не выдашь.
Тогда моя свинья меня не съест.

Живу везде, сейчас, к примеру, в Туле.
Живу и не считаю ни потерь, ни барышей.
Из детства помню детский дом в ауле,
В республике чечено-ингушей.

Они нам детских душ не загубили —
Делили с нами пищу и судьбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетела с выхлопом в трубу.

Я сам не знал, в кого я воспитаюсь,
Любил друзей, гостей и анашу.
Теперь чуть что чего — за нож хватаюсь,
Которого, по счастью, не ношу.

Как сбитый куст я по ветру волокся,
Питался при дороге, помня зло, но и добро.
Я хорошо усвоил чувство локтя,
Который мне совали под ребро.

Бывал я там, где и другие были —
Все те, с кем резал пополам судьбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Нас закаляли в климате морозном,
Нет никому ни в чем отказа там.
Так что чечены, жившие при Грозном,
Намылились с Кавказа в Казахстан.
А там — Сибирь — лафа для брадобреев,
Скопление народов и нестриженных бичей,
Где место есть для эзков, для евреев
И недоистребленных басмачей.

В Анадыре что надо мы намыли,
Нам там ломы ломали на горбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Мы пили все, включая политуру,
И лак, и клей, стараясь не взболтнуть, —
Мы спиртом обманули пулю-дуру!
Так, что ли, умных нам не обмануть?

Пью водку под орехи для потехи,
Коньяк под плов с узбеками, по-ихнему — пилав.
В Норильске, например, в горячем цехе
Мы пробовали пить стальной расплав.

Мы дыры в деснах золотом забили,
Состарюсь — выну, денег наскребу!
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Какие песни пели мы в ауле,
Как прыгали по скалам нагишом!
Пока меня с пути не завернули,
Писался я чеченец-ингушом.

Одним досталась рана ножевая,
Другим — дела другие, ну а третьим — третья треть.
Сибирь, Сибирь — держава бичевая,
Где есть где жить и есть где помереть!

Я был кудряв, но кудри истребили —
Семь пядей из-за лысины во лбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.
Воспоминанья только потревожь я —
Всегда одно: «На помощь! Караул!»
Вот бьют чеченов немцы из Поволжья,
А место битвы — город Барнаул.

Когда дошло почти до самосуда,
Я встал горой за горцев, чье-то горло теребя,
Те и другие были не отсюда,
Но воевали, словно за себя.

А те, кто нас на подвиги подбили, —
Давно лежат и корчатся в гробу.
Их всех свезли туда в автомобиле,
А самый главный — вылетел в трубу.

«НЕ ВЕЗЛО НАМ С ТОБОЙ И В НАСЛЫШКАХ...»

Нрядку с тремя супружескими союзами Владимира Высоцкого и последней большой любовью его жизни, которой, без всякого сомнения, была Оксана, очень пристального внимания заслуживают также его чувства, которые он питал по отношению к Татьяне Иваненко. Эта необычайно красивая актриса сыграла в жизни Высоцкого исключительную роль, а кроме того считается (правда, неофициально, хотя довольно достоверно), что отцом ее дочери является именно Владимир Высоцкий.

Но Татьяна Иваненко всячески избегает разговоров не только с назойливыми журналистами, а и с лоящими каждое ее слово исследователями жизни и творчества Высоцкого. Первый раз я услышала о дочери поэта относительно поздно, где-то через 12 лет после его смерти, то есть в 1992 году. Узнала о ней от Рафаэля Клейнера, замечательного российско-го декламатора, интерпретатора многих популярных произведений. Клейнер знал Высоцкого довольно хорошо. Это в его адрес поэт бро-

сил когда-то со сцены слова: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Клейнер», подтрунивая одновременно над крылатой фразой знаменитого поэта. В известном выражении, спародированном Высоцким, вместо фамилии «Клейнер» фигурировал «Ленин».

Рафаэль Клейнер был ценим поэтом за его великое эмоциональное артистическое чутье, за превосходные литературно-музыкальные композиции, в которых он декламировал произведения Ахматовой, Бродского, Мандельштама, Пастернака. Сейчас артист прекрасно интерпретирует поэзию Владимира Высоцкого.

Клейнер в свое время заявил, что фрагмент одной из шуточных песен Высоцкого, где говорится о настойчивой Насте, касается именно дочери поэта, носящей имя Настя, или Анастасия. Вторая жена Высоцкого Людмила Абрамова не подтверждает, но и не опровергает информации о внебрачной дочери поэта.

Довольно бурный и очень громкий роман Высоцкого и Татьяны Иваненко начался в то время, когда он был женат на Людмиле Абрамовой. Люди, близко знавшие поэта, утверждали (и были в этом единодушны), что он уже после женитьбы с Мариной Влади встречался также с Татьяной Иваненко и даже ездил к ней в Одессу. Прежде всего он поддерживал ее материально. Зная, что такая помощь ставит ее в неловкое положение, он прибегал ко всевозможным уловкам при переводе ей денег. Высылал, например, разные суммы, заранее договариваясь поставить на квитанциях печать бухгалтерии Одесской киностудии, чтобы Татьяна Иваненко считала, будто это причитающиеся ей гонорары за работу в студии. Этот факт публично подтвердила бывший главный бухгалтер Одесской киностудии Нина Никишева.

О Татьяне Иваненко в кругах поклонников и знатоков творчества Высоцкого говорят, что она была единственной женщиной, любящей его по-настоящему и очень сильно переживающей его преждевременную смерть.

Некоторые поклонники поэта склонны также допускать, что Высоцкий был отцом еще одного внебрачного ребенка. При этом они указывают на сына... Изы Высоцкой, первой жены поэта. Мальчик не появился на свет в период ее брачного союза с Высоцким, а родился через многие годы после того, как они расстались, а потом и развелись. Мало того, поэт даже не успел вовремя узнать о его рождении, но — как настойчиво повторяют некоторые поклонники Высоцкого — нельзя исключить то, что он решил стать его отцом... Ребенок получил фамилию Высоцкий, и это вовсе не означает, что он сын поэта. Просто взял фамилию матери, так как Иза Высоцкая после развода с поэтом решила, что будет носить его фамилию. Впоследствии она вышла замуж за известного российско-го режиссера Сергея Десницкого.

Но ни фамилия Высоцкий, ни тем более имя Глеб не являются подтверждением того, что поэт является отцом мальчика. Такое имя ему дано в честь героя фильма, которого актер Высоцкий удачно воплотил в сериале «Место встречи изменить нельзя». Речь идет о капитане милиции Глебе Жеглове, использовавшем в своей противопреступной деятельности, как «Грязный Гарри», не совсем совпадающие с буквой закона методы.

Наряду с Аркадием и Никитой (сыновья поэта от брака с Людмилой Абрамовой) есть также и Глеб Высоцкий, однако его анкетные данные хоть и могут внешне указывать на родство с поэтом, но в сущности отражают, вероятно, только желание его бывшей жены Изы сохранить память об актере. И мы почти уверены в том, что единственным внебрачным ребенком Высоцкого является толь-

ко Настя — дочь Татьяны Иваненко. Тане, сыгравшей значительную роль в его жизни, поэт посвятил прекрасную песню, созданную, скорее всего, весной 1971 года.

Татьяне Иваненко

Как все (это), как все (это) было
И в кулисах, и у вокзала!
Ты, как будто бы банное мыло,
Устранялась и ускользала.

Перепутаны все мои думы
И замотаны паутиной.
Лезу я, словно нищие в сумы,
За полтиной и за рутиной.

Ох вы, думушки! Ох, мыслишки!
Ох вы, кумушки и невесты!
Не везло нам с тобой и в наслышках,
Не поверилось... Экий бес ты!

Только вербы и льны, только дали,
Только светлые дни или луны.
Здесь прибежище твое, Таня.
Так пропойте ей аллилуйю!

Так пропойтесь ей, злые песни,
Отзвучите ей, все кантаты!
Гимны добрые или вести,
Чаще в голову лезьте для Таты!

«КАК БУДТО ХОТЕЛИ ПРОВЕРИТЬ, ЖИВ ЛИ...»

Об отношении Высоцкого к детям мало что известно. Кроме небольших заметок, содержащихся в воспоминаниях о поэте, эта тема почти не затронута. А жаль, зная чуткость Высоцкого, о которой так часто говорят любящие его и любимые им женщины, было бы интересно знать его восприятие детей.

Людмила Абрамова — вторая жена поэта признается: «Володя очень уважал детей. Именно так: уважал. Даже новорожденных. Знаю, что это звучит как-то странно, но именно так и было. К новорожденным он относился также с уважением».

Людмила Абрамова — мать двоих сыновей Высоцкого. Когда они появились на свет, поэт почти не имел времени для счастливого и радостного общения с ними. Как после рождения первого (1962 г.) ребенка, так и второго (1964 г.) он часто находился вне дома — на съемках, концертах, гастролях театра. Его озабоченность и беспокойство о них проявлялось в письмах к жене. Когда он возвращался до-

мой, в Москву, то все с умилением наблюдали его ласковое отношение к малышам.

Актриса Галина Польских вспоминает: «Как-то однажды с мужем пришли к Высоцким. Людмилы дома не было, а Володя в зеленой рубашке и каких-то невероятно длинных штанах ходил по комнате и качал на руках маленького Аркашу. У мальчика только начали прорезаться зубки, он страдал, плакал и двумя ручонками держал Володю за шею. Это было так трогательно! Для меня — женщины — было радостно наблюдать такую взаимную нежность двух мужчин, большого и малого, отца и сына».

Подобные сцены изумляли его друзей, тем более что на первый взгляд он производил впечатление человека колючего, почти грубого, и такого рода поведение Высоцкого было для окружающих полной неожиданностью. Очень похожие воспоминания, остались у Аркадия Свидерского. Он рассказал мне такой случай: «Сидел я как-то дома, и тут неожиданно кто-то позвонил в дверь. Пошел открывать. Открываю. И что вижу? На пороге стоит Володя. И как стоит! На одной руке держит маленького Аркашу, на другой — Никитку. Он шел с ними к врачу, наверное, на прививку или на какой-нибудь осмотр — не помню. Но этого появления никогда не забуду: Володя и двое прижавшихся к нему малышей».

После окончательного разрыва отношений с Людмилой Абрамовой Высоцкий встречался с сыновьями, помогал бывшей жене. Но однажды он увидел школьную тетрадь своего сына, подписанную «Аркадий Абрамов», и был сильно огорчен. Тот факт, что сын не носит его фамилию, вызвал у него боль. Однако так выглядело это только внешне. На самом деле Аркадий и Никита носили фамилию Высоцкого, а фамилией Абрамов сыновья

пользовались только в школе. Так решила Людмила Абрамова. Во-первых, хотела оградить их от ненужных вопросов, во-вторых, от всякого рода сплетен (Высоцкий был фигурой очень популярной, и его обсуждали охотно и увлеченно) и, в-третьих, стремилась дисциплинировать детей, научить их достигать намеченные цели без поблажек, блата и льгот. Будь они на фамилии Высоцкий, к ним бы и относились иначе.

Высоцкий был в хороших отношениях не только со своими сыновьями, но также и с троими сыновьями Марины Влади, к которым питал дружеские чувства. Это под его влиянием средний сын Марины Влади — Пьер — решил получить музыкальное образование по классу гитары. Особенно полюбил Высоцкого самый младший сын Марины Влади — кстати говоря, тезка поэта. Младший Владимир был необычайно живым ребенком, а по свидетельству друга Высоцкого режиссера Александра Митты, «он постоянно что-то откручивал, передвигал, снимал, переставлял и носился по комнатам, как ураган». Это подтверждает и подруга поэта Нина Пате: «Как-то я была у Володи в его квартире. Я пошла вымыть руки и меня удивил вид черной ванны. Володя объяснил мне, что Марина держит в ней цветы. Я вошла в комнату... и была в шоке. У Володи всегда был педантичный порядок, а тут вдруг что-то невообразимое! Царил жуткий хаос. Обои буквально свисали кусками! Володя объяснил мне: «Это дети играли в мяч». Был страшный беспорядок! Все было перевернуто с ног на голову. Как после торнадо».

В творчестве Высоцкого можно найти также детские темы, такие как, например, стихотворение, посвященное сыну Аркадию, или цикл прекрасных песен из музыкального спектакля «Алиса в стране чудес».

Об отношении сыновей Высоцкого к своему отцу лучше всего свидетельствует один случай, сохранившийся в памяти матери поэта. Нина Максимовна вместе с внуками пошла как-то на демонстрацию фильма «Опасные гастроли», в нем Высоцкий играл главную роль. Герой после перестрелки с другими персонажами фильма погибает в одной из последних сцен. Когда пуля попадает в него, он проходит еще несколько шагов, хватаясь двумя руками за деревянные перила, и затем мертвый падает на порог. Мать поэта, внимательно наблюдавшая за реакцией мальчиков на эту сцену, вспоминает: «Все время они сидели сосредоточенными, всматриваясь в экран, с пылающими щечками. После последней сцены зашмыгали носами. Когда мы вышли из кинотеатра, оба попросили: «Пошли, поедим к папе!». Как будто хотели проверить, жив ли...».

**«...ДЕЛАЛ ВСЕ, ЧТОБЫ
ПРЕДЛОЖИТЬ ЕМУ НИЧЬЮ»**

В творчестве Высоцкого много героев, находящихся в ситуациях, по словам самого поэта, «...на краю пропасти». Он любил ставить их в условия, вынуждающие к принятию решений в ситуациях, грозящих серьезными последствиями, опасностями и даже смертью. Именно отсюда так много в поэзии Высоцкого песен на военные темы, отсюда же произведения, посвященные альпинистам, морякам, летчикам. Отсюда, наконец, песни о спортсменах. Рассказ о них служил ему поводом к разрешению вечных тем в литературе (или в других видах искусства), таких, как смысл жизни, бренность бытия, изменчивость судьбы и фортуны или, наконец, неустанная борьба, которую приходится вести представителям рода человеческого почти от рождения и до конца жизни. Отсюда этот лейтмотив жизни — для одних напоминающий марафон или другой вид бега на большие дистанции, для других — спринт, для третьих — шахматную доску, на которой они разыгрывают свои короткие или длинные партии.

К слову говоря, именно к игре в шахматы Высоцкий относился с особым почтением. Шахматисты же, добавим, великие шахматисты неоднократно проявляли большое уважение к личности и творчеству Высоцкого. Довольно широкую огласку получила в свое время история, рассказанная гениальным шахматистом, чемпионом мира Гарри Каспаровым. Когда он выступал на чемпионате мира в своем первом турнире (первом в категории взрослых спортсменов) с Анатолием Карповым, то оказался в довольно трудной ситуации, а именно: проиграл сопернику первые четыре партии со счетом «4:0». А потом произошло что-то совершенно невероятное. Каспаров, казалось бы, обреченный на проигрыш, и к тому же сокрушительный, начал неожиданно зарабатывать очки. Из положения «0:4» он достиг результата «1:4», а потом — «2:4», и никто еще не придавал этому значения, но когда в нескольких очередных партиях Карпов никак не смог ему противостоять, удивлению наблюдателей не было предела. Такой неожиданный поворот поединка понравился, наверное, всем. После окончания турнира Каспаров признался журналистам, что, когда счет был «0:4», а его ситуация почти безнадежной, он принял «допинг» в виде песен Высоцкого. Он слушал их, практически отключившись от всего, что происходило вокруг, от комментариев, советов, мнений, внушений, критики и подсказок. Слушал Высоцкого, а именно песню «Кони привередливые», и, по его утверждению, это придало сил на пути к победе.

Интересно, но и Анатолий Карпов рассказывал в одном из интервью, что во многих важных для него матчах и турнирах в самые тяжелейшие моменты борьбы ему помогали именно песни Высоцкого.

Естественно, что друзей и преданных поклонников поэт имел не только среди шахматистов. Его творчеством вос-

хищались футболисты, хоккеисты, легкоатлеты, которым он посвятил множество известных песен. Одна из них, например, была посвящена легендарному вратарю Льву Яшину.

Друзьями Высоцкого были также и представители менее популярных видов спорта. Среди прочих к ним принадлежал организатор и главный инструктор московской школы каратэ Алексей Штурмин. Высоцкого очень интересовал этот вид борьбы, он даже приводил на тренировки в школу Штурмина сначала своего старшего сына Аркадия, а потом сыновей Марины Влади — Пьера и Владимира. У самого поэта не было времени на тренировки. Впрочем, познакомившись с тайнами искусства борьбы и идущей от этого философии, он вынес короткое решение: «Этому надо посвятить все силы и время, а иначе вообще нет смысла этим заниматься». Вместе с тем в экстремальных ситуациях, связанных с конфликтами, Высоцкому хватало его знаменитого мощного удара.

Алексей Штурмин стал близким другом поэта. Его лучшие ученики находились в доме Высоцкого в дни его смерти и два следующих дня, вплоть до 28 июля, дня похорон. Тогда в доме на Малой Грузинской, а потом в Театре на Таганке, где стоял гроб с телом поэта, были представители самых разных профессий, и все они — каждый по-своему — поклонялись артисту. Каратисты из школы Штурмина дежурили у ворот дома, где жил Высоцкий, для того, чтобы уберечь его близких от назойливых журналистов и неуправляемого наплыва экзальтированных почитателей. В дни похорон в доме на Малой Грузинской играл камерный оркестр студентов Московской консерватории, общежитие которой находилось вблизи от места проживания поэта. В Театре на Таганке почетный караул у гроба Высоцкого замыкали российские космонавты. Предварительно они отстояли в многокилометровой очереди

несколько часов под палящим июльским солнцем. Ни один из них не воспользовался ни своим именем, ни славой, чтобы попрощаться с поэтом без многочасового ожидания. Стояли в людском море людей, терпеливо ожидая своей очереди.

Возвращаясь же к особому уважению, с каким Высоцкий относился к шахматистам, нельзя не вспомнить, что шахматным поединкам поэт посвятил две замечательные песни, а также один из своих очень ранних рассказов. О Высоцком, правда, нельзя сказать, что он играл в шахматы отлично или хотя бы хорошо. Далекو ему было до мастерства сильных шахматистов или даже до собрата по перу Владимира Набокова. Но Высоцкий все же любил играть в шахматы, и не только в домашней тишине. Марина Влади вспоминала в одном интервью, что большое впечатление произвела на нее шахматная партия, разыгранная Высоцким в Риме, на внушительных размеров доске под открытым небом: «Фигуры были огромные. А Володя, со свойственным ему чувством юмора, перед каждым своим ходом... танцевал. Это надо было видеть! Это было фантастично!». Однако и это еще не все. После смерти Высоцкого гениальный русский шахматист Михаил Таль признался, что он разыграл две партии с Высоцким. Признанся он также и в следующем: «Помню, что во второй партии с Володи́ей я делал все, чтобы предложить ему ничью».

СЕВА С ОГРОМНЫМ УСИЛИЕМ ОТОБРАЛ У ВЫСОЦКОГО КИНЖАЛ

О легендарной доброжелательности и благородстве Высоцкого я написала уже в этой книге немало. Безусловно, поэт обладал великой способностью дарить людям дружбу, которая в его иерархии ценностей занимала одно из первых мест.

Я была бы, однако, необъективной, если бы не уделила должного внимания еще одной черте Высоцкого, правда о которой не соответствует расхожему мнению о том, что будто бы круг друзей поэта был очень большим и каждого из своих поклонников он всегда встречал теплым словом и доброжелательной улыбкой. Создание из Высоцкого именно такого идеального любимца широких масс противоречит здравому смыслу, так как хорошо известно, что он, как и большинство великих индивидуальностей, — необыкновенно сложная личность. Сверх того, как и пристало русскому, он был человеком крайностей, неоднократно принимающим различные решения под воздействием импульса, мгновения, проходящего эмоционального со-

стояния, а не долгих размышлений. Впрочем, это и делает его личность такой восхитительной.

Ясно, что не каждый из тех, кому выпало счастье встретиться с Высоцким на его относительно коротком жизненном пути, мог ощутить на себе его доброту и благородство.

Игорь Шевцов познакомился с Высоцким во время съемки многосерийного фильма «Место встречи изменить нельзя» и так вспоминает свою первую встречу с поэтом: «В Одессе мы ставили фильм по моему сценарию. Одновременно на студии проходили съемки фильма, главную роль в котором играл Владимир Высоцкий. Я захотел предложить ему написать песню к моему сценарию. Не скрою, однако, что это был также повод для знакомства с ним. Итак, я пошел к павильону, чтобы там подождать его, Сперва появился Конкин (Владимир Конкин, играл в фильме роль старшего лейтенанта Шарапова. — *Примеч. автора*). Позднее, громко стуча каблуками, подошел Высоцкий. Был он хмурый, сосредоточенный, замкнутый. Я обратился к нему:

— Владимир Семенович, у меня к вам просьба...

— Да?! — резко, почти грубым тоном ответил Высоцкий.

В его взгляде видна была напряженность, почти открытая неприязнь ко мне. Ничего удивительного. Он все-таки не знал меня. Так сильно надоедали ему поклонники обоих полов. В стране, пожалуй, не было более популярного человека, чем он».

Точно так же поэт отнесся к хорошо известному сегодня в России адвокату Генриху Падве, который познакомился с Высоцким через Валерия Янковича. Генрих Падва спустя годы признался: «Несмотря на то что я был представлен Володе через близкого ему человека, он от-

несся ко мне весьма сухо, почти грубо. Не проявил никакого интереса к моей персоне. Единственное — его заинтересовала моя профессия — юрист. Позже я наблюдал, что подобную сухость Володя проявлял и в контактах с другими. Он умел исключительно удачно держать дистанцию, даже общаясь с довольно близкими ему людьми».

Похожее мнение у известного кинорежиссера Александра Митта: «Хоть я и снял фильм с участием Володи и знал его действительно близко, но не могу сказать, что стал его другом. Попросту у него был редкий дар сохранять дистанцию в контактах с людьми, даже очень близкими».

· Еще менее приятным образом, чем Игорь Шевцов и Генрих Падва, познакомился с Высоцким актер Лев Перфилов — тот самый, который сыграл в фильме «Место встречи изменить нельзя» запомнившийся образ милицейского фотографа Гриши по прозвищу Шесть на девять. Лев Перфилов работал на киевской киностудии вместе с актрисой, пару лет назад игравшей с Высоцким в фильме «Вертикаль». Когда она узнала, что Перфилов выезжает на несколько дней в Москву, попросила обязательно заехать в Театр на Таганке и передать Высоцкому от нее горячий привет. И не только привет, но и «много нежных слов и наилучших пожеланий от Риты». Будучи в Москве, Лев Перфилов выбрался в славный Театр на Таганке, посмотрел спектакль «Антимиры» (с участием Высоцкого) и после окончания направился в служебное помещение, в котором, как ему сказали, с минуты на минуту будет Высоцкий. Когда поэт появился в дверях, Перфилов тут же обратился к нему: «Володя! Вы мне нужны!». «В ответ Высоцкий посмотрел на меня злым, неприятным взглядом и с досадой в голосе заявил: «Подождешь себе!». Я почувствовала себя униженным. Он же долго оде-

вался, вообще не смотрел в мою сторону, долго завязывал шнурки, после этого медленно подошел ко мне. «Чего надо?» — спросил он, уставившись на меня. Тон его был довольно грубым, я тоже ответил ему в таком же духе и сказал, что я обо всем этом думаю, добавив только, что ему передает привет Рита из Киева. И ушел. Высоцкий догнал меня на улице. Это был уже совершенно другой человек. Он доброжелательно улыбался, извинялся за грубость, сказал, что принял меня за администратора, который все время названивает ему, предлагая участвовать в «левых» концертах. Он задел меня этим еще больше. Разве я был похож на администратора? Разве он не догадался, что я актер? Он очень долго извинялся передо мной и даже предложил пойти вместе с ним в ресторан поужинать, но я отказался. В следующий раз мы встретились спустя десять лет на съемочной площадке фильма «Место встречи изменить нельзя». Вместе со всей группой создателей фильма мы познакомились с Володей, пожав друг другу руки. Он произвел на меня очень хорошее впечатление. Был скромн, доброжелателен, полностью отсутствовали у него такие характерные для кинозвезд черты, как собственная исключительность, манерность и излишняя самоуверенность. Так же он вел себя и во время съемок, относясь ко мне по-дружески».

Кстати говоря, Лев Перфилов был свидетелем многих интересных случаев с участием Высоцкого. Некоторые из них открывают разные, часто противоречивые грани довольно сложной личности поэта. Лев Перфилов так же, как и многие знакомые Высоцкого, подчеркивает, что он обладал исключительным магнетизмом, который проявлялся в зависимости от его эмоционального состояния — в равной степени как полной эйфории, так и глухой ярости — и очень быстро передавался всем людям, окружав-

шим его. Вот как Перфилов вспоминает один эпизод, произошедший на Одесской киностудии: «Мы снимали знаменитую сцену в бильярдном зале. В помещении не было вентиляции и нам не разрешалось в нем курить. Поэтому мы организовывали на какое-то время короткие перерывы на улице. Однажды, выходя из бильярдной, я вижу, что недалеко стоит Марина Влади с какой-то незнакомой мне женщиной. Я поклонился ей и уже хотел вернуться в зал, сообщить Высоцкому, что к нему прилетела Марина. А тут как раз Высоцкий сам вышел покурить. Еще стоя в дверях, он заметил Марину Влади. Я надеялся, что он подойдет к ней и они отойдут куда-нибудь в сторону. Однако Высоцкий не подошел к Марине; а только ... стал танцевать прямо на крыльце. Это был таинственный, животрепещущий танец, напоминающий и «Цыганочку», и «Яблочко», с чечеткой, с криками и полными восторга возгласами. Марина усмехалась. С интересом ждала, что же будет дальше. А Высоцкий, эффектно закончив танцевать, широко раскинул руки, рассмеялся и ... вернулся в бильярдный зал. Марина со своей знакомой направились к ближайшей скамейке, уселись на нее и стали о чем-то говорить. Свидетели этой сцены были страшно разочарованы, так как очень хотели увидеть встречу этой знаменитой пары.

Когда я вернулся, то обнаружил, что камера работает и Володя находится на съемочной площадке. Я был удивлен, что он ничего не сказал режиссеру о приезде Марины. Однако ошибся. Через несколько минут режиссер хлопнул в ладони и известил: «Спасибо всем! На сегодня съемки окончены!».

Володя вышел к Марине, и они вместе стали прогуливаться по аллейке, о чем-то разговаривая. В то время у меня возникло желание подслушать их беседу!».

Лев Перфилов в своих воспоминаниях красиво акцентирует позитивное влияние Марины Влади на необузданную натуру Высоцкого. По возвращении из Парижа поэт, по его мнению, был в исключительно хорошей форме и замечательном настроении, которое тут же передалось всей съемочной группе. Тогда было снято много знаменитых сцен.

Но не всегда Высоцкий радовал окружающих таким состоянием Души. Однажды он появился на площадке хмурый, мрачный, замкнутый. Работал как шальной. Во всем этом чувствовалось какое-то трагическое напряжение. Перфилов позднее признался: «Подойти к нему, попытаться завязать разговор было бессмысленно. Наоборот, даже опасно. Когда в дверях автобуса снимали несколько сцен, я случайно зацепил его плечом, Высоцкий неожиданно повернулся в мою сторону и с выраженной агрессией в голосе выпалил: «Чего толкаешься? Хочешь получить?!». Я был так удивлен, что в замешательстве от подобного «сюрприза» не нашелся, что ответить. А потом Володя пошел в свою машину, закрылся в ней и долго сидел неподвижно».

Такое эмоциональное состояние поэта представляло опасность не только для окружающих, но прежде всего для него самого. Это подтверждают многие авторы воспоминаний о нем, среди которых Илья Порошин — сын Валерия Янковича, сейчас зрелый мужчина, а тогда, в период контактов с Высоцким, — юноша: «Долгое время я и понятия не имел о том, что Высоцкий был зависим от наркотиков, о том, что он пил... никогда я не видел его в таком состоянии. Но однажды, когда по просьбе моего папы он вез меня на обследование в больницу, то показался мне каким-то странным, у него была замедленная реакция, он говорил как-то несвязно, как самому себе, а

потом он все время спотыкался на ступеньках... Однако еще хуже было в другой раз. У Высоцкого в доме хранился настоящий кинжал «голубых беретов». Скорее всего, ему его подарили поклонники — военные. Как-то я сидел в его квартире, читал книгу, он вышел из спальни в одних трусах. У него был отсутствующий «стеклянный» взгляд. Не видя меня, он подошел к шкафу, вытащил из него кинжал и тихо сказал: «Посмотрим, каков ты в деле», и вернулся в спальню. До меня вдруг дошло, что должно произойти что-то страшное. Я позвал Севу Абдулова, и тот с чьей-то помощью с трудом отобрал у Высоцкого этот кинжал».

Все эти досадные случаи смены настроения и прежде всего нелегкий характер Высоцкого ни в коей мере не умаляли его необычайного обаяния, под могущественным влиянием которого находилось большинство людей, общавшихся с ним в праздники и в будни. Его личный шарм приводил к тому, что уже после нескольких минут знакомства он полностью завоевывал симпатии окружающих, а зачастую и более горячие чувства...

Режиссер Софья Милькина так вспоминает о трех днях, проведенных с Высоцким в Венгрии, когда там снимался фильм «Бегство мистера Мак-Кинли»: «Впервые я видела такую любовь, всеобщее обожание, такой энтузиазм всех вокруг. Володя, уезжая, оставил не одно разбитое сердце... Одна молодая венгерка, которая даже не слышала, как он пел (она с мужем были лишь статистами в массовке), влюбилась в Володю и все время старалась хотя бы сесть возле него... Такая вот история».

«...АССИСТЕНТ РЕЖИССЕРА СХОДИЛ С УМА, А ВЫСОЦКОГО ВСЕ НЕ БЫЛО»

Сценические роли Высоцкого, изучаемые сегодня, во многих российских учебных заведениях, всегда вызывающие не только жаркие дискуссии и общую любовь зрителей, к сожалению, были отмечены считанными критиками на его родине. Конечно же, только после смерти Высоцкого и по пришествии официального признания его творчества те самые рецензенты, которые когда-то набрали воды в рот, сейчас вдруг устроили между собой настоящие соревнования, одаривая комплиментами театральные роли артиста.

Тем временем за границами России почти везде оценено сценическое мастерство и искусство Высоцкого. Весьма хвалебные рецензии получило множество воплощенных им театральных ролей, и в первую очередь знаменитый Гамлет.

«Гамлет» Таганки получил в 1976 году Гран-при на Международном театральном фестивале в Белграде, в котором участвовали театры большинства стран мира, в том числе и из-за океана. В 1977 году после гастролей во Франции «Гамлет» с Высоцким в главной роли был признан

французскими критиками лучшим заграничным спектаклем года. И в Варшаве в 1980 году представленный в рамках II Международных театральных встреч «Гамлет» также пробудил зрительский интерес и собрал множество лестных рецензий. Просматривая польскую прессу тех лет, трудно не обратить внимания на две замеченные всеми критиками особенности: огромный интерес у зрителей к спектаклю «Гамлет» (в зале театра оперетты яблоку негде было упасть) и просто-таки магнетическое обаяние, идущее от самой личности Высоцкого, присутствие которого в Варшаве волновало всех, а особенно женщин. Спектакль закончился бурной овацией и получил признание не только у зрителей, но и у критиков.

В России о Гамлете Высоцкого позитивно писали Крымова, Фролов, Гаевский. Крымова, кстати, одна из первых начала писать рецензии в популярных литературных журналах, и не только о театральных ролях, но также и о поэзии Высоцкого. Правда, это было после его смерти, но, что важно, еще задолго до прихода горбачевской «перестройки». Она впервые обратила внимание (в 1981 году!) на сложные отношения Высоцкого с остальными актерами Таганки, а также с главным режиссером Юрием Любимовым. По ее мнению, во время репетиций в театре Высоцкий был подлинным образцом трудолюбия и сосредоточенности. Однако все требовали от него еще и послушания, а заставить Высоцкого стать послушным было невозможно. Периодически дело доходило и до конфликтов с Любимовым, который к тому же, чтобы пробудить энергию артиста, дразнил его и неоднократно старался унижить в глазах других актеров. Поэтому Высоцкий вынужден был выслушивать во время репетиций вырывающиеся из уст режиссера реплики: «Это вам не эстрада! Это Шекспир! Тут ваша звездная походка не пройдет!». Поэт слушал эти выкрики с каменным лицом.

Алла Демидова написала в воспоминаниях о Высоцком, что на репетициях она никогда не слышала, чтобы он произнес хотя бы одно грубое слово, только много раз видела его пылающее гневом лицо и крепко стиснутые скулы.

Любимова раздражали слава Высоцкого, его стиль жизни, который явно не соответствовал представлениям режиссера о театральной дисциплине. Киносъемки, частые концерты, путешествия по всей стране, неожиданные и быстрые решения (как, например, вылет на Дальний Восток, невзирая на то, что на следующий день публика ждала запланированный с его участием вечерний спектакль) — все это Любимов считал факторами, дестабилизирующими сценическую деятельность. Толпы поклонников (а особенно поклонниц), постоянно дежуривших перед театральным зданием, восторги обожания при появлении Высоцкого на сцене, вручение ему повсюду охапок цветов, словом, все эти атрибуты звездности часто выводили Любимова из себя. Он объявлял Высоцкому выговоры по его возвращении из Одессы, Магадана, Кавказа. Его часто видели сидящим перед дверью главного режиссера в ожидании «важного разговора». У Высоцкого в тот момент было такое выражение лица, что никто из актеров просто не решался к нему подойти. Все наблюдали за ним издали. Впрочем, Высоцкий пользовался уважением среди своих коллег по театру и за умение держать себя вне сцены, и за игру на театральных подмостках. В «Гамлете», как, впрочем и в других спектаклях, Высоцкий играл, разумеется, по-разному: временами формально, иногда нервно, часто с небывалым вдохновением, а порою с удивительным отпечатком трагизма на лице, как бы не от мира сего. Многих актеров попросту охватывала дрожь, когда Гамлет-Высоцкий обращал в зал, к зрителям, свое

уставшее, бледное, отрешенное лицо. У коллег в таких случаях стоял ком в горле.

Небывалая энергетика Высоцкого всегда гарантировала удивительнейшую гармонию между динамикой актерской игры и формой спектакля. Формой довольно суровой, скупой в выразительных средствах и встречаемой одними с восторгом, другими — с раздражением. Высоцкого же подобная сценография очень устраивала. Чувствовал он себя прекрасно, имея за спиной пустую белую шершавую стену и возможность полного использования того тяжелого серого занавеса, который в его концепции становился участником спектакля. Как верно подметил один из театральных критиков, присутствие других декораций на сцене трудно даже представить, так как всю эту ненастоящую бутафорию Высоцкий смел бы, как карточный домик, только одной своей походкой по театральным подмосткам.

В спектакле было большое количество условностей, которые многих поражали. Поединок Гамлета с Лаэртом показан как боксерский бой — пусть даже и часто условный, но сохранивший элементы настоящей схватки на ринге. Были здесь секунданты, было обмахивание полотенцами, была даже разминка, в которой Высоцкий (как это и принято у боксеров) упражняется в нанесении ударов по воздуху.

Впрочем, и сам Гамлет тоже нетипичный — в черных брюках и черном свитере, с гитарой, и при этом, как разбушевавшаяся стихия, импульсивный. Высоцкий говорил об этой роли: «Я не играю принца Датского. Я стараюсь показать современного человека. Да, может быть, себя».

Однако на самом деле он понял трагедию принца Датского очень глубоко и написал стихотворение «Мой Гам-

лет». Он написал его под впечатлением своего перевоплощения в пьесе Шекспира. Пьесе, переведенной на многие языки и являющейся действительно шедевром. Гамлет-Высоцкий был больше, чем театральным героем, больше, чем блестяще сыгранная роль. Он был явлением, феноменом, вызывающим не только удивление, но и жаркие споры. Партнеры Высоцкого по сцене прекрасно отдавали себе отчет в этом, видя его яркую и величайшую индивидуальность в соединении с блестящим актерским мастерством. Несмотря на то, что они привыкли к его строптивости, оригинальности и полету фантазии, все равно часто бывали застигнуты врасплох. Высоцкий, пожалуй, как никто, умел удивлять.

Анатолий Эфрос — режиссер спектакля «Вишневый сад» по Чехову в Театре на Таганке, где роль Лопухина блистательно сыграл Высоцкий, вспоминал: «Временами Высоцкий приходил на спектакль непростительно поздно. Было уже семь часов, публика сидела в зале, ассистент режиссера сходил с ума, а Высоцкого все не было. Буквально в последнюю секунду он подъезжал на своем заграничном автомобиле к зданию театра, вылезал и в расстегнутой дубленке медленно входил в служебный коридор. Вся администрация и обслуживающий персонал буквально бросались к нему, крича, что представление уже начинается, а он... с необыкновенным спокойствием что-то с кем-то обсуждал. Меня это крайне удивляло, я даже был зол на него. Я подходил к нему с намерением сделать заслуженный нагоняй, а он поворачивался в мою сторону, добродушно усмехался и говорил: «Анатолий Васильевич, все будет в порядке». И тотчас же у меня перехватывало дыхание, я немел. У Высоцкого была какая-то внутренняя сила, перед которой можно было потерять дар речи, даже будучи твердо убежденным в том, что ты абсолютно прав».

Естественно, внутренняя сила Высоцкого не всегда проявлялась таким положительным образом. Эдуард Володарский, который когда-то предложил поэту написать песню к одному из своих сценариев, а позднее вынужден был отказаться от этого предложения (из-за ограничений, навязанных ему цензурой), признал: «Я сказал Володе о том, что по понятным причинам следует несколько изменить сценарий фильма. Он догадался, что я тонко намекаю ему о необходимости убрать из сценария его песню. Для друзей он был готов на все, но только не в вопросах своего творчества. Тут он не шел ни на какие компромиссы. Посмотрел на меня тогда так, как умел он один, тем своим волчьим взглядом, и спросил: «Хочешь ее выбросить?» (речь идет о песне «Баллада о детстве». — *Примеч. автора*), потом коротко бросил мне: «Не может быть и речи. Ни одной строчки». Так вот все выглядело».

Решительность, категоричность Высоцкого и готовность прийти на помощь друзьям, о которой рассказал Эдуард Володарский, подчеркивают почти все знакомые поэта. Режиссер Геннадий Полока, поставивший великолепный фильм «Интервенция» с Высоцким в главной роли, рассказывал в одном из своих выступлений в 1983 году: «Я сам был свидетелем драки в защиту Севы Абдулова. Володя помог Севе. Как-то поздней ночью, было, наверное, три часа, мы шли по улице Горького (сейчас улица Тверская. — *Примеч. автора*). Сева был далеко впереди, хотел поймать такси. Мы шли за ним, болтая. Вдруг в районе ресторана «Астория», из которого вышла большая группа людей, наверное, после какого-нибудь банкета, четыре мужика стали толкать Севу, потом повалили его, стали бить руками и ногами. Володя — этот невысокий Володя — дал тогда всем четырем. Как только он сообразил, что происходит, с криком: «Севу бьют!», как

чемпион мира по спринту, помчался в их сторону. И потом мы увидели буквально посылаемые по воздуху «подарки» (если можно так выразиться) маленького хищника. Он быстро наносил удары тем людям, и они стали отступать. Когда мы подбежали, то у всех четверых были разбиты физиономии, и эти четверо широкоплечих дылд были в крови. Они от страха пробовали вслепую только лишь укрыться от ударов, а потом ретировались и удрали. Я запомнил это, помню также, как Володя кричал — он был такой щуплый, невысокий, но его крик был жутким, а дыхание, как у борца, и тогда он орал, а не говорил...».

Обладая такой несказанной внутренней силой, Высоцкий никак не мог освободиться от тягостной и чрезмерной опеки родных и друзей. Их забота казалась ему неестественным вмешательством в его собственный нелогичный мир. Он был противоречивым человеком, и поэтому неоднократно признавал, что внимание, уделяемое ему близкими, их благородные намерения и предостережения от соблазна приема очередных доз алкоголя и наркотиков были справедливы и очень ему нужны.

Однако также по этому поводу он писал в своем дневнике: «Всю свою жизнь, во всех своих мечтах, все время я что-то кому-то доказывал: жене, друзьям... И до сих пор я не знаю, доказал ли что-то... И нужно ли это было вообще?!».

Коротко, но весьма исчерпывающе характеризовала жизнь Высоцкого его родственница родом из Киева, известная в свое время баскетболистка Людмила Яременко: «У Володи была тяжелая жизнь, его родители рано развелись, буквально перед самой войной они уже не жили вместе. А он был мальчиком, который никому не был нужен — тогда было много таких детей. Я очень его

жалела. Но помочь не могла... Во время нашей встречи в 1956 году он выглядел каким-то «невеселым» или, скорее, расстроенным, что-то его мучило... Прибежал ко мне на Спартакиаду — I Спартакиаду народов СССР, — я играла там в матче. Хотел у меня о чем-то спросить или попросить, а я нервничала, мы проигрывали... Я сказала ему: «Подожди», — и побежала на площадку. Вернулась, смотрю — нет моего Володи, пошел дальше.

...Таких людей, как Володя, исключительно мало. Он обладал весьма сильным характером. Был очень порядочным человеком, всегда говорил правду. Именно поэтому и жизнь у него такая кошмарная. Володя просто не выдержал. Он был очень добрый и сердечный. И остался безупречно чистым. И это никакая не загадка — это черта его характера».

«КОГДА УМРУ, ВАЛЕРА НАПИШЕТ ОБО МНЕ КНИГУ...»

Несомненно, во время работы Высоцкого в Театре на Таганке первым и самым близким его другом был Валерий Золотухин — актер того же театра, его партнер по сцене и актер, снявшийся с ним в ряде фильмов. Его крестьянское и к тому же сибирское происхождение являлось для Высоцкого тем эталоном, который позволял окружить личность Золотухина атмосферой своеобразного культа, создаваемого, правда, полушутливо, полусерьезно, но поддерживаемого с достойной удивления последовательностью на протяжении как минимум нескольких лет.

Высоцкому, типично городскому жителю, выросшему на густонаселенных московских улицах и шумных дворах, импонировала ни с чем не сравнимая простота Золотухина и представленная им же такая типичная для русской деревни философия здравомыслия с легкой примесью особой сибирской мудрости, не лишенной чувства юмора и великодушия.

После смерти Высоцкого Золотухин вызвал настоящую бурю, решившись на публикацию своих дневников, а именно тех частей из них, которые касались Высоцкого. И главным было не то, что его дневники содержат немало описаний пьяных выходок и безумств поэта — после книги Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет» такого типа информация уже не являлась открытием для русскоязычного читателя. Особенно поражало поклонников поэта то, что Золотухин не опустил в публикации той части своих дневников, где он касался соперничества с Высоцким и часто ставил свое актерское мастерство выше умений Высоцкого. Все это он лишь дополнил мнениями сторонних наблюдателей, как бы еще раз желая подтвердить свое первенство в этом «соревновании» и таким образом опровергнуть тезис о таланте Высоцкого, названном упоминаемыми в этой книге некоторыми авторами талантом мнимым, а не подлинным.

Золотухин наверняка рассудил, что из всех друзей Высоцкого он поступил, как никто, порядочно, так как после смерти поэта ничего не вычеркнул из своих дневников, что могло бросить тень и на него самого. Он отдавал себе отчет в том, что легкомысленные помыслы переосмыслить Высоцкого в актерском мастерстве, подчеркивание личных успехов за счет мнения именитых и создание собственного положительного имиджа на контрасте Высоцкого показывает в невыгодном свете не Высоцкого, а его самого, и выглядит просто смешно. Несмотря на это, он не побоялся навлечь на себя критику и быть осмеянным. Он опубликовал в точности все фрагменты дневников, касающиеся Владимира Высоцкого, свято уверовав в то, что поступает правильно и прежде всего — порядочно и честно. Забыл, пожалуй, только о том, что его поступок может быть воспринят, мягко говоря, как не совсем корректный, а скорее, как сомнительный.

После выхода книги из печати Золотухин получил огромное количество писем, в которых поклонники поэта атаковывали его за далеко заходящую откровенность, даже неоднократно прибегая к угрозам. В потоке обвинений, споров и критических замечаний, выдвинутых в адрес Золотухина от наиболее ревностных или, может быть, даже фанатичных и готовых на все почитателей Высоцкого, похоже, не нашлось ни одного рассудительного голоса, трезво оценивающего его откровенную книгу.

Между тем Золотухин не часто в своих дневниках строит из себя звезду первой величины, как правило, он объективно описывает ход событий, участником или свидетелем которых он имел счастье быть.

Без всякого сомнения, характер закулисных коллизий и интриг в Театре на Таганке был секретом полишинеля. Впрочем, не только на Таганке. Истинного облика театра, пожалуй, никто не представил более мастерски, чем Михаил Булгаков в «Театральном романе». Однако Валерий Золотухин одним из первых отважился в своей книге так много места уделить конфликтам между Высоцким и главным режиссером Театра на Таганке Юрием Любимовым, а также сплетням, слухам, разговорам и издевательствам, которые преподносили Высоцкому его партнеры по сцене. Преподносили, несмотря на то что осознавали величину и гений Высоцкого. А может, именно поэтому. Однако отношения Любимова и актеров Театра на Таганке были полны противоречий. Любимов часто, может быть, чересчур часто за глаза обвинял поэта: «Это уже верх наглости... Все ему можно... Вообще невозможно с ним говорить... То он в Куйбышеве, то в Магадане... Зазнался. Денег у него куры не клюют... Величайшие люди считают за честь пригласить его к себе домой, иметь кассету с его записями. В нескольких фильмах снимается сразу, попу-

лярен, но ведь более популярным быть уже нельзя. И все ему нипочем... С театром не считается...».

Но зачастую отношение Любимова к Высоцкому было совсем иным, и до такой степени полярным, что у остальных актеров это будило зависть. В дневниках Золотухина сохранилась, например, такая запись: «Чувствую себя так, как будто в чем-то виноват перед шефом. Почему в Белграде я не живу в том же отеле, что Высоцкий и Любимов? Любимов уколел меня по поводу моей роли. Я сказал ему: «Мне кажется, что моя игра набирает силу...», а он мне на это: «А мне так не кажется...».

Он дружит с Володей, приглашает его на обеды и разные приемы, это логично. Володя — герой фестиваля (речь о X Белградском Международном театральном фестивале «ВИТЕФ-76», на котором спектакль «Гамлет» с Высоцким в главной роли получил Гран-при. — *Примеч. автора*)».

Было в отношениях Любимова к Высоцкому что-то от той зависти, о которой А.С. Пушкин писал, что она состоит в родстве с амбицией и, стало быть, имеет здоровые корни. Их сотрудничество являлось прежде всего сотрудничеством двух корифеев, настоящих гигантов искусства, каждый из которых осознавал свое величие. Высоцкий реагировал на «провокации» Любимова весьма спокойно, даже чересчур, если учесть его взрывной характер и темперамент. Может, только единственный раз в разговоре с Золотухиным он позволил характерную для себя мужскую реплику в адрес Любимова: «Он доиграется со мной. Что за манеры: не здороваться, не замечать человека...».

Однако, как правило, поэт выдерживал атаки Любимова, о которых написали в своих воспоминаниях Марина Влади и Алла Демидова. Демидова особенно удивлялась выдержке Высоцкого, когда во время репетиций, на кото-

рых присутствовала Марина Влади, Любимов бесцеремонно «надоедал» ему. «У меня было впечатление, — вспоминает Демидова, — что Любимов специально дразнит и даже унижает Володю в присутствии его жены и таким способом провоцирует его. Я восхищалась терпением Володи».

Валерий Золотухин рассуждает в своих дневниках о том, почему, по мнению Любимова, именно Владимир Высоцкий должен был радоваться своей работе и нахождению в театре. Любимову казалось, что все должно быть как раз наоборот. Высоцкий стойко переносил агрессивное поведение Любимова, его едкие замечания и претензии. Но он не мог понять причин, по которым режиссер так себя вел: «Он постоянно расквитывается со мной, показывая мне, кто здесь главный, он или я, как в «Гамлете», например. А я никому ничего не должен. Он хочет мне доказать: «Вас не будет, а «Гамлет» останется, и театр обойдется без вас!». И очень хорошо... Но зачем же так ставить вопрос?».

Только небольшое число поклонников Высоцкого оценили положительно опубликованные дневники Золотухина, которые автор назвал «Все в жертву памяти твоей...». При этом они верно подмечали, что именно форма дневников самым лучшим и наиболее объективным способом иллюстрирует драматическую борьбу Высоцкого с отсутствием официального признания его творчества, недоброжелательностью властей, безразличием или, скорее всего, враждебностью бюрократов, завистью и ревностью коллег по сцене, с алкогольной зависимостью.

На первый взгляд лишенная всяких эмоций лаконичная запись для памяти, несомненно, производит гораздо более сильное впечатление, чем десятки экзальтированных исповедей на эту тему.

27.01.1968

Развязал Высоцкий. Плачет Люська...

1.02.1968

Запил Высоцкий, это трагедия... Не идет в больницу...

21.03.1968

Ужасный день. Вчера играл Керенского за Высоцкого, а сегодня и вчера ночью просил Бога, чтоб он на себя руки не наложил. За 50 сребреников я продал его...

— Высоцкий играть не будет! — кричит директор, — или отменяю спектакль!

Высоцкий срывает костюм:

— Я не буду играть, я уйду... Отстаньте от меня...

1.04.1968

Володя согласился принять амбулаторное лечение...

02.05.1968

Сплетни о Высоцком: «застрелился, последний раз спел все свои песни, вышел из КГБ и застрелился».

21.10.1968

Сидели в ВТО. Ему ужасно хотелось выпить немножко вина, а мы держали его по рукам и ногам. Его трясло от обиды... «Почему я не могу с друзьями по-человечески посидеть, выпить сухого вина? Почему вы делаете из этого событие? Почему вы из меня делаете больного?» и т.д.

В коридоре он мне сказал обаятельную фразу, я чуть не расплакался:

— Мне Люська сказала, что я после спектакля могу немножко выпить... Два спектакля. Я очень устал, а вы... Ну что это такое?..

30.11.1968

Высоцкий, по его словам, был у профессора клиники им. Семашко. Признали порез (его слово), разрыв связок. Нужно делать операцию... А в 9.00 у него был концерт...

20.02.1969

Приходил Высоцкий: «Опять мне все напортили, обманули, сказали, что едем к друзьям, а увезли в больницу и закрыли железные ворота. Зачем это нужно было? Я уже сам справился»...

02.03.1969

Я удивляюсь Высоцкому — какая у него глотка?! Феномен. Кажется: предел. Все, дальше ничего не будет, оборвется. Нет, он еще выше, еще мощнее и звонче издает звуки. Андрей повернулся: «Володя, ты гений!». А в самом деле: Володя — гений, добрый гений.

24.03.1969

Вчера был 300-й «10 дней...». После Высоцкий пел для труппы. Такое благотворительное выступление от широты душевной.

26.05.1969

В Ленинграде меня замучили: «Правда он женился на Владди? А в посольстве была свадьба? Они получили визы и уехали в Париж?».

Примак (режиссер-практикант в ТНТ) сунулся к нему, к Володьке: «У меня спрашивают...». Тот рассвирепел: «Ну и что с того, что спрашивают, зачем мне-то говорить об этом? Мне по 500 раз в день это говорят, да еще вы...».

26.07.1969

24 июля был у Высоцкого с Мариной. Володя два дня лежал в Склифосовского. Горлом кровь хлынула. Марина позвонила Бадаляну. «Скорая» приехала через час и везти не хотела: боялись, умрет по дороге. Володя лежал без сознания, на иглах, уколах. Думали: прободение желудка, тогда конец. Но, слава Богу, обошлось. Говорят, лопнул какой-то сосуд. Будто литр крови потерял... Когда я был у него, он чувствовал себя «прекрасно», по его словам, но говорил шепотом, чтоб не услышала Марина... А по Москве снова слухи,

слухи... Володя худой, бледный... в белых штанах с широким поясом, в белой, под горло, водолазке и неимоверной замшевой куртке: «Марина на мне...».

15.09.1972

Высоцкого положили-таки в больницу. Не смог он сам остановиться. А казалось, что это может произойти, но нет... Андрей — Андрей Вознесенский (примеч. автора).

20.09.1972

Пришел Володька ... и сразу спел и засмеялся... Чудо какое-то... «Я коней напою, я куплет допою...» И все рады ему и счастливы.

09.10.1972

Высоцкий: «Валера, я не могу, я не хочу играть... Я больной человек. После «Гамлета» я ночь не сплю, не могу прийти в себя, меня всего трясет — руки дрожат... После монолога и сцены с Офелией я кончен... Это сделано в таком напряжении, в таком ритме — я схожу с ума от перегрузок... Я помру когда-нибудь, я когда-нибудь помру... Хочется сесть за стол и спокойно пописать, чтобы оставить после себя что-то...»

1.02.1973

Володя: «Я ужасно устаю на этих репетициях. Я нахожусь постоянно в жутчайшем раздражении. Ко всему меня раздражает шеф, меня раздражают артисты, мне их всех безумно жалко, я раздражаюсь на себя — ну на все. И дико устаю... Я ведь действительно сегодня уснул в возке... Лечу в Новокузнецк на три дня — 19 выступлений... Как я выдержу?»

12.02.1973

Нигде его нет. Пропал, никому не звонил. В Склифосовского он не поступал... Нашли его дома в ужасном виде.

09.01.1975

Высоцкий мотается туда-сюда самолетами... «Стрелой». Успевает еще записать на студии хроники и т.д. Сумасшедший человек.

¹ Андрей — Андрей Вознесенский (примеч. автора)

10.09.1975

Высоцкий. Сколько нелепостей, глупостей. Сколько раз при мне его отпевали, хоронили всякими способами, отправляли черт знает в какие границы... За два часа до встречи в Риге с Высоцким, на съемках у Митты, мне сообщили достоверно, что он подавился рыбной костью... Я-то тихо радуюсь и надеюсь: долгую жизнь проживет Высоцкий.

08.04.1977

Володя лежит в Склифосовского. Говорят, что так плохо еще никогда не было. Весь организм, все функции отключены, поддерживают его исключительно аппараты. Похудел — как четырнадцатилетний мальчик...

25.04.1977

Володя грустный: «Когда уж совсем конец, думаешь: ну и хрен с ним. Легко становится... Но когда выкарабкался, начинаешь болеть месяц, два, думаешь: зачем столько времени потерял? Стоять за конторкой и писать, и больше ничего... У меня уже это не получится».

23.12.1977

Ночью по Марселю шеф с Пьером ловили его... Сам же довел его, хотел отправить на машине... Володька: «Я поеду без вас, куда захочу...» Но кому мы нужны были?

16.05.1980

Мы в Польше. Вроцлав. Сразу события — у Володи в Париже предынфарктное состояние.

26.05.1980

Приехал Володя и великолепно играл. Спектакль имеет совершенно иной уровень с его участием.

17.07.1980

А там Высоцкой мечется в горячке. 24 часа в сутки орет диким голосом, за квартал слышать. Так страшно, говорят очевидцы, не было еще у него.

25.07.1980

В кассе театра мне сообщили, что умер Володя Высоцкий. Бейдерман некролог пишет.»

Дневники Золотухина, без сомнения, можно причислить к одним из самых ценных публикаций о Высоцком. И не только потому, что они содержат важную информацию и наблюдения, но еще и потому, что автору удалось создать в них своеобразный микроклимат. Возникает впечатление, что мы не наблюдаем описанные события со стороны, а сами участвуем в них. Золотухин создал эффект физического присутствия поэта, создал скорее под-сознательно, так как, ведя дневник, он не задумывался о его литературной ценности. Именно в его книге можно найти одну из наиболее точных, наиболее красивых, наиболее лаконичных характеристик Владимира Высоцкого. Золотухин сравнивает поэта со свечой, зажженной с обеих сторон. Один конец свечи символизирует жизнь, а второй — искусство.

С волнением читаются дневники Валерия Золотухина. С волнением и удивлением — насколько пророческим был взгляд Высоцкого! Как много страданий ему доставляло и многократно их приумножало предчувствие неминуемо приближающейся смерти...

И особое волнение охватывает читателя, когда, читая книгу Золотухина, он находит в ней строчки: «Сегодня Володя сказал: «Когда умру, Валера напишет обо мне книгу»».

«НЕЗДЕШНЕ ОДИНОК...»

Двенадцатого декабря 1975 года репортеры телевидения Федеративной республики Германии брали интервью у Владимира Высоцкого, необходимое для программы о нем. Чтобы создать соответствующую атмосферу, решили воспользоваться дачей известной российской поэтессы Беллы Ахмадулиной, давно, кстати, дружившей с Высоцким. Таким образом, эта дача, где часто проходили встречи богемы, послужила своеобразным фоном для съемок. Поэтесса призналась тогда, что «где-то в уголках сознания» все время живут слова стихотворения о Высоцком, которое она наверняка когда-нибудь напишет.

Белла Ахмадулина была одной из относительно узкого круга официально признанных российских литераторов, пытавшихся помочь Высоцкому легально напечатать свои стихи. Однако реально ее усилия так ни к чему и не привели, в Советском Союзе при жизни поэта напечатали всего одно стихотворение (в альманахе «День поэзии»), и, разумеется, с правками цензуры.

Тогда-то Высоцкий с горечью в голосе спросил Ахмадулину; «Зачем ты это делаешь?». Этот вопрос услышала поэтесса от него еще раз, когда фирма грамзаписи «Мелодия» (в то время Всесоюзная фирма «Мелодия». — *Примеч. переводчика*) издала альбом, состоящий из двух пластинок с записью музыкального спектакля для детей «Алиса в стране чудес». Все песни для него написал Высоцкий, часть из них он пел сам, остальные исполняли другие актеры. Кроме того, поэт озвучивал и играл нескольких персонажей пьесы. Белла Ахмадулина опубликовала в популярной московской газете что-то типа рецензии на альбом или, скорее, свои впечатления от прослушивания пластинок. Материал как раз появился в новогоднем номере, и поэтесса назвала альбом «Алиса в стране чудес» замечательным подарком к Новому году. Этой публикации в «Литературной газете» Белла Ахмадулина придавала большое значение. Она предполагала, что после появления пластинок, создатели спектакля, а также работники фирмы «Мелодия» подвергнутся нападкам культуртрегеров, окопавшихся в сфере культуры, поэтому считала, что будет нужна поддержка. И готова была оказать ее. Высоцкий метафизически и безотрадно принял эту помощь и опять невесело спросил: «Зачем ты это делаешь?», будучи убежденным в том, что настоящее Искусство (у автора с большой буквы. — *Примеч. переводчика*) не нуждается в адвокатах. Защитится само. Однако это ничуть не умаляет самого факта, что Белла Ахмадулина в отличие от многих коллег по перу не могла смириться с отсутствием официального признания творчества Высоцкого, остающегося в полнейшем противоречии с его баснословной популярностью и почитанием, каким окружили поэта миллионы поклонников. Эта колоссальная популярность была, по словам Ахмадулиной,

компенсацией за все обиды и унижения, какие получал Высоцкий со стороны облеченных полномочиями в стране Советов как высших эшелонов власти, так и тех, кто руководил киностудиями, редакциями газет и журналов, радиостанциями, телестудиями, кинопрокатом. Их враждебность по отношению к нему наверняка доводила Высоцкого до отчаяния, но всенародная слава, еще при жизни поэта вышедшая далеко за пределы России и СССР, поддерживала его дух. У Беллы Ахмадулиной свое мнение на этот счет: «А что такое «слава»? Слава — это прежде всего одиночество. Тяжелое испытание и огромная ответственность, отвага, нужная, чтобы остаться наедине с собой, с чистым листом бумаги и пером в руке. В одиночестве».

Действительно, люди, близко знавшие Высоцкого, признают, что он был человеком глубоко одиноким, несмотря на то что его постоянно окружали толпы поклонников, несмотря на то что его дом почти всегда был полон гостей, засиживающихся часто до утра. От всего этого поэт просто-напросто уезжал или улетал ближайшим рейсом «Аэрофлота» на гастроли в любой город и с любой концертной бригадой.

«У меня создавалось впечатление, что Володя все время куда-то опаздывает», — так написала о нем Алла Демидова. «Я все время куда-то спешу, но и так и этак не успеваю», — так написал он сам.

Белла Ахмадулина сдержала слово. Она написала стихотворение, посвященное Высоцкому. Даже несколько стихотворений. Все — уже после его смерти. Одно из них помещено на обороте конверта изданной на фирме «Мелодия» грампластинки с записью интервью Высоцкого телевидению ФРГ и с рассказом Ахмадулиной о том, что

она когда-нибудь наверняка напишет стихотворение о Володе.

Клубится грива ипподрома.
Крепчает рысь молодого дня.
Застолья вспльщивая дрема
остаток ночи пьет до дна.

Уж кто-то щей на кухне просит,
и лик красавицы ночной померк.
Окурки утра. Осень.
Все разбредаются домой.

Пирушки грустен вид посмертный.
Еще чего-то рыщет в ней
Гость неминуемый, последний,
Кто всех несносней и пьяней.

Уже не терпится хозяйке
Уйти в черед дневных забот,
Уж за его спиною знаки
Она к уборке подает.

Но неподвижен гость угрюмый.
Нездешне одинок и дик,
Он снова тянется за рюмкой
И долго в глубь вина глядит.

«Я ДОЛЖЕН ПЕРВЫМ БЫТЬ НА ГОРИЗОНТЕ!»

Пожалуй, три способности Высоцкого помимо артистических получили воистину легендарную огласку. Это плавание, вождение автомобиля и умение пользоваться своими кулаками.

Еще ребенком Высоцкий научился прекрасно плавать. Находясь с отцом и матерью в Германии, в городе Эберсвальде, он, в то время девятилетний пацан, мог многократно переплыть местную реку, несмотря на то что она еще не была полностью очищена от оставшихся после войны мин и боеприпасов. Эту страсть плавать поэт сохранил до конца своей жизни, а его способности пловца наиболее точно охарактеризовал друг артиста Аркадий Свидерский: «Володя плавал как рыба».

В Мексике Высоцкий попробовал свои силы как аквалангист, а в России случалось ему грести веслами и плавать на водных лыжах. Однако он больше всего любил просто плавать. Одно из таких, правда, грустных, свидетельств плавания Высоцкого нашло отражение в его прозе:

«Однажды (начало довольно банальное, но все равно — однажды) ночью... Я пошел купаться на реку. Один. Не потому, что было не с кем, а просто захотелось одному, вот и все.

На реке (опять банально, но тем не менее — на реке) никого не было. Была лунная дорожка, в которой очень красиво плавать, была тихая вода и было тепло. Только метрах в восьми от берега плавала полоса плотов. Буксир притащил их и оставил, а буксировщик пошел пьянствовать с товарищами с пристани...

Я, конечно, разделся (догола, конечно, разделся), попробовал воду пальцами ног и думаю: «Плоты какие-то! Поднырну под них и выплыву на чистое место, поплаваю, поотдываюсь, пофыркаю, а потом обратно поднырну — и домой». Сказано — сделано. Хлюп! Несколько гребков, сильных таких, нервных: ночь, темно, страшно. Иду наверх — бум! — ударяясь в бревно головой. Значит, мало! Еще несколько гребков, снова — бум! Хуже дело. Гребу еще, воздуху нет, и потихоньку голос какой-то гнусный говорит:

— Гибнешь! Ой гибнешь!

— Хрена с два! Чтоб мне сгинуть, надо еще смочь!

А кровь в висках стучит — наверное, кислородное голодание. Я — наверх: опять бревна. Все! Смерть! На фига дома не сидел, пошел на реку за смертью?! А дома дожидаются, и коньяк стоит о трех звездочках... А я тут гибну — и не за грош, а по глупости гибну!

Но вдруг в самый-самый последний момент перед смертью подумал: «Правой-то я сильнее греб, вот и выгреб». Повернулся я, оттолкнулся, да и выскочил наверх, как летучая рыба, воздуху хватил и назад, а потом опять — и так раза четыре.

Выжил я, значит...»

При каждом удобном случае Высоцкий охотно плавал, даже во время киносъемок с его участием. И вовсе не потому, что так требовалось по сценарию. Просто в перерывах работы над фильмом он часто и с удовольствием плавал для себя.

Физическая подготовка Высоцкого позволяла ему обладать еще одним умением — почти в совершенстве работать кулаками. Одаренный от природы скромной внешностью, худой и невысокий, он, однако, отличался, в чем единодушны его друзья и знакомые, исключительно стройной и гармонично сложенной фигурой. Кто-то из кинокритиков, характеризуя внешний вид Брюса Ли, сказал, что тот был «худой, несмотря на то что мускулистый». Эти слова можно безоговорочно отнести и к Высоцкому. Благодаря физической силе, соединенной с огромной отвагой и ловкостью, еще в ранней молодости он проявил себя как «специалист по мощному удару». Один из друзей Высоцкого периода его детства и юности вспомнил историю, которая приключилась с семнадцатилетним Высоцким: «Мы шли с коллегами по улице, кажется, возвращались из кино, точно не помню. С нами были наши подружки, был также среди нас Володя. В один прекрасный момент перед нами «выросла» группа хулиганов — они были старше нас, и к тому же их было больше. Стали выдвигать недвусмысленные предложения в адрес наших сверстниц — те, естественно, не реагировали. Когда мы минули их и сделали еще несколько шагов, то один из обиженных «ухажеров» стал оскорблять одну девушку. Мы не собирались это комментировать. Только Володя Высоцкий внезапно повернулся и кратко спросил: «Кто это сказал?». Мы только услышали ответ: «Я», сразу глухой звук, и... после мощного удара Володи виновник рухнул на землю. Мы уже собрались прийти Высоцкому

на помощь, ожидая нападения всей этой своры на него, но один из них — видно, главарь — кратко подытожил: «Молодец, парень!» — и все остальные, глядя на своего нокаутированного друга, разразились громким смехом».

Людмила Абрамова — вторая жена поэта — рассказывает, что она никогда не забудет, как Володя дрался. «Боже мой! Как-то в ресторане меня не мог оставить в покое какой-то пьяный тип. Володя пробовал ему объяснить, что было бы лучше, если бы он пошел себе, но тот не уступал. Ну и Володя не выдержал... К этому алкашу пришли на подмогу его компаньоны, но Володя дрался, как в хорошо снятых сценах вестернов! Он вскочил на стол, а тарелки, столовые приборы при этом разлетелись по залу. Несколько «бойцов» пытались схватить Володю, но он «выскочил» из пиджака, свитера и в расстегнутой рубашке дрался дальше. Оркестр молча болел за Володю, и, когда наконец все закончилось, официант в награду принес нам две большие бесплатные порции».

Описание подобных случаев можно было бы продолжить. Некоторые из них вспоминает вдова поэта — Марина Влади — в книге «Владимир, или Прерванный полет». Он всегда готов был сконцентрироваться на своем знаменитом боксерском ударе и однажды нанес его пьяному посетителю одного из московских ресторанов, который, увидев одевающихся около гардероба французскую звезду и Высоцкого, позволил себе фразу: «Ну-ка, Марина, покажись!». Но больше он ничего не успел произнести, так как после внезапного удара Высоцкого пролетел в горизонтальном положении через дверь и приземлился в кустах.

Подобным способом едва не закончилась другая история, правда, не описанная Мариной Влади, но сохранившаяся в памяти одного российского режиссера, ставшего

ее невольным свидетелем. Произошла она на теплоходе во время прогулочного рейса, когда Высоцкий, несмотря на всеобщие ожидания и интерес, совсем не выходил из каюты, которую он делил с Мариной Влади. Он появился на палубе единственный раз, когда, по свидетельству очевидца, французская кинозвезда загорала и кто-то с ней стал довольно пошло заигрывать. «Володя выскочил тогда разгневанный до предела. Все это чуть не закончилось дракой с ухажером, ругань была страшной... Всем пассажирам было потом о чем говорить: «Высоцкий сегодня чуть было не подрался из-за Марины Влади!»».

Однако умение искусно драться Высоцкий никогда не применял без веского на то повода. Несмотря на то что еще в молодости в артистических кругах к нему прикрепился ярлык скандалиста, на самом деле поэт никогда не распускал кулаки без причины, для получения удовольствия или чтобы показать свое боксерское мастерство. Напротив, он всегда выступал в защиту дам, а нередко и мужчин физически слабых. В его боксерских «выступлениях» не было ничего бандитского или хулиганского, в них прежде всего было много рыцарства.

Как вспоминает друг поэта Аркадий Свидерский, подтверждением этому служит поведение Высоцкого, выступившего в защиту Всеволода Абдулова: «Володя, Марина и Сева Абдулов шли по проспекту Калинина (сейчас Новый Арбат.— *Примеч. автора*), неожиданно к Севе «прицепились» двое мужиков. Не знаю, что им нужно было от него, но они не давали ему спокойно идти и были довольно агрессивно настроены. Скорее всего, они искали выход своей злости, и тут им попался Сева... Сева же как-то растерялся, потерял дар речи, а Володя только подошел и ... раз! — один лежит, два! — второй лежит... И все закончилось. А что тогда делал Сева, я не помню. Он

потом утверждал, что охранял Марину. Только от кого?..». Так критично оценивает тогдашнее поведение Абдулова Аркадий Свидерский, не скрывая при этом восхищения Высоцким.

Решительность и самоотверженность, с которыми поэт защищал себя и других от проявлений хамства, агрессии, вульгарности и ничем необъяснимой враждебности, конечно же, не могли не вызывать уважения. Так как сам Высоцкий не преподносил свои боксерские приключения в виде триумфов или хвастовства, трудно сказать, принесли ли они ему хоть какое-то удовлетворение, но зато можно представить, какой горький осадок они оставляли в душе поэта. И именно так воспринимали все это многие близкие знакомые и друзья артиста. Леонид Мончинский, который вместе с Высоцким написал роман под названием «Черная свеча», рассказывал об одном случае, который произошел с ним в Сибири, где он работал. В это время его проведаль поэт. «Мы с Володей сидели в аэропорту в ожидании самолета. Володя что-то быстро записывал в своем блокноте — он работал над новой песней. Я молчал, чтобы не мешать ему. Неожиданно к нам подошел какой-то тип — он явно был навеселе и держал в руке гитару. Он пытался силой сунуть ее Володе: «О, Высоцкий! Спой что-нибудь, Володя!». Володя спокойно отодвинул гитару, говоря ему при этом: «Не хочу петь. Я занят — работаю». Но этот хмырь не унимался: «Откажешься, да?». А за его плечами, бог знает откуда, появились еще трое. И все молодые, наглые, к тому же подвыпившие, с полной уверенностью в том, что они могут безнаказанно оскорблять всех, кого захотят. Но они не знали, с каким человеком имеют дело! С таким, по которому если бы и проехал танк, то он сзади отгрыз бы гусеницу... Назойливые юнцы не собирались отступать.

И Володя встал, резко сбросил с себя куртку... Он всегда был решителен и тверд. Как в песнях, так и в жизни. К счастью, поблизости оказалась группа геологов — они выпроводили этих подростков из зала ожидания. И этим кончилось. А потом в течение следующих дней было несколько концертов — публика принимала Володю очень тепло, может, это хоть немного затмило в его памяти то самое неприятное воспоминание...»

Наряду с легендарными способностями Высоцкого плавать и драться известно и его искусство водить автомобиль. Правда, на свою первую машину Высоцкий заработал относительно поздно, во всяком случае, спустя много лет после того, как он научился водить мотоцикл, что помогло ему легко приобрести новые навыки. Он быстро заявил о себе как лихой водитель, на огромной скорости гоняющий по Москве на своих знаменитых авто. А их было много... «Фиат», «Пежо», «Рено», серый «БМВ», затем коричневый, серебристого цвета «Мерседес» и еще шоколадного цвета спортивный вариант «Мерседеса». Один из друзей поэта признал, что Высоцкий абсолютно равнодушно относился к материальным ценностям, и только автомобили были, пожалуй, его единственной слабостью. Он мог позволить себе их покупать, зарабатывая деньги титанической и убийственной работой. Он часто давал по несколько концертов в день — всегда выступая с необыкновенной экспрессией и эмоциональностью, что сегодня, когда большинство концертов проходит под фонограмму, даже трудно себе представить. Было так, что Высоцкий давал по 18–19 концертов в течение трех дней, после этого возвращался в театр и еще играл Гамлета — выматывающую, и прежде всего физически, роль.

«Не люблю, когда кто-то зарабатывает больше меня!» — бросил как-то Высоцкий в разговоре с другом, и в этом

шуточном утверждении есть своя доля правды, так как мизерные заработки поэт считал бы результатом минимальных усилий, которые были чужды его сути и которых бы он никогда себе не простил.

Однако вернемся к автомобилям Высоцкого, потому что именно они стали также частью его поразительной легенды. Один из его «Мерседесов» был так элегантен, велик и роскошен, что кроме него и кремлевской знати никто, пожалуй, не ездил по Москве на таком. Никого не удивляло и то, что, когда он ехал на этом чудесном авто по Москве, милиционеры, не задумываясь, отдавали ему честь. Впрочем, некоторые из друзей поэта утверждают, что работники милиции приветствовали его даже тогда, когда он выходил из ресторана в состоянии, явно указывающем на прием немалой дозы спиртного...

Хотя иногда бывало и совсем наоборот. Вот одна из записей, сделанная Валерием Золотухиным в его дневниках: «...А Володю не впустили в ночной бар. «Тем более вы в таком виде», — а вид у него самый европейский, и вылезает он из машины «BMW». Но галстука он никогда не носил, не имеет его, стало быть, ресторан в этой стране ему не светит, хотя он и Высоцкий и пр. Ну и посмеялись мы. «Достаточно, — говорит, — того, что я вылезу из машины «BMW», мне в машину самовар принесут...?».

Откровенно говоря, трудно поверить в такой поворот событий, но и не следует подвергать сомнению правдивость слов Золотухина. Этот случай можно, пожалуй, объяснить только тем, что в бочке меда должна быть, увы, и ложка дегтя. Для миллионов соотечественников Высоцкий являлся настоящей святыней, перед ним открывались все двери, с ним мечтали встретиться, попасть на его концерт. Были, однако, и такие, которые не понимали и не одобряли его актерской экспрессии, самоотверженности, отваги и

решительности. Что мог ответить поэт милиционеру, который выписывал ему штраф за, наверное, умышленно выдуманные им самим технические неполадки автомобиля, слыша при этом аргументы коллеги Высоцкого: «Что вы делаете! Все ведь в порядке! Ведь это Высоцкий...»? А милиционер неохотно бросал: «Именно потому, что это Высоцкий, он заплатит штраф! Именно поэтому!».

Увы, автомобили Высоцкого, видимо, не будут никогда собраны вместе и выставлены на экспозицию в его музее, как это произошло с машинами Элвиса Пресли в Мемфисе. Несколько своих авто Высоцкий разбил сам, причем один из них до такой степени, что тот годился только в утиль. Его спортивный «Мерседес» шоколадного цвета стоял долгое время в гараже у друга, живущего тогда в ФРГ, иранца Бабека Серуша. Позже этот «Мерседес» забрала в Париж Марина Влади и дальнейшая его судьба неизвестна.

Десятилетиями считающиеся очень изысканными зрителями и слушателями, воспитанные на высоких образцах искусства, с тонким чутьем и восприятием, россияне редко обращали внимание на коммерческий аспект искусства. Об автомобилях Высоцкого они рассказывали и продолжают рассказывать легенды, но не пришло им как-то в голову собрать их в одном музее. А может быть, россияне и намеревались так поступить, но увидели в этом нечто чересчур земное, неподходящее. Соседство рукописей и автомобилей показалось им наверняка святотатством. А жаль, ведь машины сыграли в жизни поэта такую же легендарную роль, что с Высоцким могли бы в этой области конкурировать только лишь Элвис Пресли и Джеймс Ден.

И речь здесь не столько о количестве и качестве автомобилей, сколько о его езде на них. Ведь сколько раз стоящие на каждом перекрестке московские гаишники

видели мелькающий с недозволенной скоростью «Мерседес» Высоцкого! Некоторые не реагировали на это, зная, кому принадлежит машина. Другие, не имевшие понятия о том, кто сидит за рулем, задерживали Высоцкого. Иногда его это злило, а время от времени, находясь в хорошем настроении, он разыгрывал разные сцены с целью позабавить себя и друзей. По этому поводу один из них вспоминал: «Володя подвозил меня на своем «Мерседесе». Он ехал буквально как сумасшедший. На одном из перекрестков его остановил гаишник: «Вы превысили скорость, — сказал он, — причем многократно!» А Володя — такой обиженный — говорит ему: «Но эта машина не может ехать медленней!» Милиционер удивился: «Как это не может?» А Володя наивно так объясняет: «Вот именно, сам не знаю, почему. Я бы хотел ехать медленней, но не могу, машина не хочет сбавлять скорость...». Милиционер понял, наконец, что это шутка, наклонился к открытому стеклу и сразу узнал Володю: «А, это вы! Можете ехать, но попрошу вас больше не нарушать!»».

Однако временами быстрая езда Высоцкого была не так безобидна. Марина Влади описывает в своей книге печальные последствия произошедшей с поэтом аварии — двадцать семь швов на голове и автомобиль, годный на слом... Но Высоцкий вымыл окровавленное лицо, старательно «прилизал» волосы, чтобы закрыть ими свеженаложенные швы, и пошел на прием, на котором должен был быть вместе с Мариной Влади. Они немного опоздали, а после встречи, чтобы убедить перепуганную и обеспокоенную жену в том, что он превосходно себя чувствует, стал выбивать на асфальте чечетку. Это, бесспорно, стоило ему больших усилий! Потом выяснилось, что его колени ужасно опухли и выглядели, «как спелые баклажаны». За собственные автомобильные аварии, происшествия и другие приключения поэт расплачивался серьез-

ными проблемами со своим здоровьем. Было видно, что Высоцкий хромал, так как нажил себе гнойное воспаление коленного сустава, которое не давало ему покоя. Кроме того, у него были явные трудности с исполнением некоторых сцен в спектакле «Гамлет», а именно там, где он преклонял колени... Авторские концерты, в которых он большую часть времени выступал стоя, также были для поэта весьма мучительны. Хождение доставляло ему все большую боль, а многократные вмешательства хирургов не дали никакого результата — хромота оставалась.

Проблемы с ходьбой, правда, были у Высоцкого и раньше: вначале от падения с лошади на съемках фильма «Штрафной удар» и затем спустя пару лет — после разрыва сухожилия. Но на сей раз все было серьезно. В рану попала инфекция и процесс принял хроническую форму. По предположениям друзей, Высоцкий мог занести ее шприцем, вводя дозу наркотика. Что было на самом деле — неизвестно. Достаточно сказать, что поэт долго хромал, фактически до конца своих дней.

Осложнения со здоровьем ни в коей мере не отвратили Высоцкого от безумного ритма жизни, не удержали его от сумасбродств. Алла Демидова вспоминает, как во время каких-то очередных гастролей, когда после спектакля актеры ушли в гостиницу, она, находясь в своем номере на третьем этаже, вдруг за окном неожиданно увидела Высоцкого. «Что ты тут делаешь?» — спросил поэт свою коллегу, хотя, скорее всего, ей стоило задать ему подобный вопрос. Алла Демидова коротко ответила: «Живу», а потом добавила: «А ты откуда взялся?». Высоцкий кивнул головой в одну, потом в другую сторону: «Оттуда...». Демидова выглянула в окно. По очень узкому карнизу на уровне третьего этажа передвигались Высоцкий и вместе с ним еще два актера. Позже их поступок обсуждался в театре на специально созванном по этому

случаю собрании. Но ни угрозы, ни разного рода уговоры и просьбы не могли переделать сущность удивительно темпераментного Высоцкого. Он любил риск. Известно, что Марина Влади боялась садиться в машину, когда за рулем был Высоцкий. Один из его друзей весьма деликатно и в то же время верно оценил умение Высоцкого управлять автомобилем: «Как Володя водил машину? Неосторожно». Валерий Янклович более подробно характеризует одну из таких «неосторожных» городских поездок поэта: «Володя не обращал внимания ни на светофор, ни на дорожные знаки, ни на перекрестки — просто гнал».

Аркадий Свидерский вспоминает: «Ехали мы как-то вместе, и я все время внимательно смотрел на Володю. Он просто не умел ездить иначе. Я смотрел на него и на спидометр. А на спидометре сначала 60 км/час, потом 80, потом 100, 120, 140, 160... Вот так это выглядело».

То, что Высоцкий не умел по-другому водить автомобиль, признает большинство друзей поэта, в их числе Алла Демидова и Станислав Говорухин, который кратко подытожил: «Володя все делал быстро. Быстро ел, быстро ходил, с сумасшедшей скоростью ездил на машине, терпеть не мог поездов, летал только самолетами. «Чуть помедленнее, кони!» — просил он в своей гениальной песне, но сам медленнее не умел...».

И все-таки жаль, что до сих пор в музее поэта нет его машин или хотя бы их моделей. Жаль еще и потому, что «автомобильная» тематика нашла отражение во многих лучших произведениях Высоцкого, в таких, как «Дорожная история», «Песня о двух автомобилях», «Песня автомобилиста» или его замечательная песня «Горизонт».

Что б не было следов, — повсюду подмели.
Ругайте же меня, позорьте и трезвоньте!
Мой финиш — горизонт, а лента — край Земли.
Я должен первым быть на горизонте!

«И ОН НЕСЕТ НАШИ ЧЕМОДАНЫ?!»

Среди друзей Высоцкого было, как минимум, несколько таких, которым мы обязаны за их усилия по осуществлению записей многих произведений поэта на магнитофонную ленту на оборудовании высшего класса. Это люди, понимавшие, что величие и значение Высоцкого переживет времена, в которых довелось ему жить, и что их долгом, обязанностью как друзей является сохранить и донести до потомков его творческое наследие. Поэтому они покупали аппаратуру только высшего класса и записывали домашние концерты Высоцкого.

Один из таких друзей — Бабек Серуш. Именно ему Высоцкий посвятил четверостишие:

Живет на свете человек
С древнейшим именем Бабек.
.....
Друзьям хорош Бабек Серуш
Дарить богатство ваших душ.
Оно ему ценнее денег.

И ему же Высоцкий подарил свою грампластинку, записанную во Франции, с дарственной

надписью: «Бабеку Серушу — первому среди москвичей, первому среди иранцев».

Бабек Серуш много лет провел в России. Он был еще совсем ребенком, когда родители выехали из Ирана. Поэтому позднее свои многолетние русские знакомства и связи он использовал в профессиональной деятельности. Был бизнесменом, занимался импортом различного вида оборудования, техники и новейших технологий. Он организовывал торговые выставки с участием многочисленных фирм. Свою деятельность осуществлял в России и ФРГ, поэтому жил и в Москве, и в Германии. Но чаще всего он бывал на Западе, а в России — время от времени. Его русская жена, актриса по профессии, по совету Высоцкого сыграла эпизод в одной из серий известного фильма «Место встречи изменить нельзя» (в Польше этот фильм вышел на экраны под названием «Где же черный кот?»).

Бабек Серуш знал Высоцкого много лет. После смерти поэта он не оставил записей своих воспоминаний о нем. До нас дошли только некоторые из них, и то благодаря журналисту Валерию Перевозчикову, который много лет тщательно фиксирует, собирает и публикует воспоминания людей, знающих Высоцкого. Вышли две его книги, содержащие рассказы близких, друзей и знакомых поэта.

Бабек Серуш как-то признался, что он частенько обманывал Высоцкого: «Каждый раз, когда Володя приезжал ко мне, он сперва звонил и спрашивал: «Ты один?», — он не любил, когда у меня были какие-то гости, хотел хоть чуточку покоя. Но мои знакомые горели желанием его увидеть. Поэтому я отвечал: «Да, Володя, я один». А когда Володя приезжал, я ему говорил: «Знаешь, за то время, пока ты ехал, ко мне пришли знакомые...» Володя этого не любил. Моя соседка с нижнего этажа часто жа-

ловалась, что я чересчур громко включаю музыку. Как-то раз у меня было много гостей. Пришел Володя и, конечно, пел, а когда перестал, мы пересели к столу. А соседка, услышав пение Володи, подумала, что я опять на всю катушку включил магнитофон и слушаю его записи, и позвонила в милицию. Сидим мы так спокойно себе, а тут звонок в дверь. Открываю — милиция. Они входят в комнату и говорят: «У вас здесь слишком громко включают Высоцкого...». А Володя, повернувшись в их сторону, сделал удивленное лицо и недоуменно спросил: «Да?». Конечно же, узнали его и попятились. Совершенно ошарашенные ушли».

Бабек Серуш неоднократно был свидетелем забавных ситуаций, связанных с узнаванием Высоцкого прохожими на улице. Порой на вопрос: «Вы действительно Высоцкий?» поэт отвечал: «Нет. Но все меня с ним путают. Говорят, что я на него очень похож».

Именно Бабек Серуш продал Высоцкому шоколадного цвета «Мерседес», правда, с которым он сам расстался без сожаления, потому что в то время нужно было долго ждать, чтобы купить спортивную модель такой марки. Но если Высоцкий что-то решил! Если ему что-то понравилось! Он так долго уговаривал своего друга, и тот все-таки уступил.

Еще один случай, рассказанный Бабеком Серушем, свидетельствует о большой скромности Высоцкого: «Как-то в Москве проводывал меня мой дядюшка. Когда он собирался уезжать, мы договорились с Володей, что он отвезет нас в аэропорт. Дядя думал, что рейс в Тегеран будет из аэропорта Внуково, но оказалось, что из Домодедова. Пришел Володя, я представил его дяде, не вдаваясь в подробности, а просто сказал: «Познакомьтесь — это мой друг Володя». Володя все время меня подгонял,

говорил, что уже надо ехать, а я был убежден, что у нас еще много свободного времени, ведь до аэропорта Внуково не так уж далеко. Но тут неожиданно выяснилось, что нужно ехать в другой аэропорт — и гораздо дальше. Мы побежали садиться в машину, сели и двинулись в путь, Володя стал давить на газ до упора. Мы помчались. Далеко, впрочем, не уехали, так как нас задержал милиционер — за превышение скорости. Он подошел к нам, узнал Володю: «О, Высоцкий! Могу ли я попросить у вас автограф?». А Володя, зная о том, что он страшно опаздывает, говорит: «Если вы сделаете «зеленую улицу», дам вам автограф!». Этот милиционер передал по рации на все посты и перекрестки... И так с милицейским эскортом мы помчались дальше. Володя гнал как сумасшедший. Мы приехали в аэропорт, а там уже заканчивалась регистрация пассажиров — все сидели в самолете. Володя схватил чемодан моего дяди и помчался прямо на взлетную полосу — к самолету. Его пропускали — все его знали. Мой дядя, полностью обескураженный, на бегу спрашивает у меня: «Кто это? Все ему дозволено!..». «Как бы это тебе сказать... Он здесь так популярен, как в Америке Френк Синатра». Дядя посмотрел на меня: «И он несет наши чемоданы?!». И дядя забрал у Володи эти чемоданы...».

Несомненно, к этой главной мысли Бабека Серуша вряд ли можно что-то добавить. Она настолько метка и удачна, что действительно трудно найти точнее.

Иранец, который сохранил для нас немало записей с голосом Высоцкого, больше уже ничего о поэте и своем знакомстве с ним не расскажет. Он неожиданно умер, через несколько лет после смерти поэта. Похоронили его на Ваганьковском кладбище в Москве, около Высоцкого.

«Я, КОНЕЧНО, ВЕРНУСЬ...»

После смерти Владимира Высоцкого многие из его друзей написали свои воспоминания о нем и опубликовали их. Это сделали его партнеры по сцене (Алла Демидова, Валерий Золотухин, Вениамин Смехов), друзья поэта периода его ранней юности (Игорь Кохановский, Анатолий Утевский), а также некоторые из его заграничных друзей (Любен Георгиев, Даниэль Ольбрыхский).

Они не сразу решились на публикацию воспоминаний о поэте. Одних удерживали от этого вопросы морали — своеобразная внутренняя цензура, другие же не могли осмелиться пойти на это в связи тем, что пережить вновь эпизоды из жизни Высоцкого было для них чересчур болезненно. Смерть поэта, артиста оставила в их душах раны, которые продолжают кровоточить. До настоящего времени они не могут смириться с его преждевременным уходом. Только с течением лет они поняли, что сохранить и записать воспоминания о нем не только потребность души,

но и долг по отношению к их гениальному другу, а может, и своего рода определенная повинность.

Таким образом, друзья Высоцкого пришли к тому, чтобы написать книги, выискивая в глубине памяти факты, связанные с жизнью поэта. Они из шкафов, ящиков столов доставали разные вещи, напоминающие о нем, находили в домашних альбомах фотографии и все это принесли в музей Владимира Высоцкого в Москве. Одним из таких друзей является в настоящее время заместитель директора музея. Речь идет об Аркадии Васильевиче Свицерском, школьном друге поэта. Он один из той, сейчас уже легендарной, «команды» друзей пятидесятых годов, ежедневно собиравшихся в переулке с благородным названием Большой Каретный, к слову, тоже очень легендарном благодаря двум песням Высоцкого.

Игорь Кохановский, Владимир Акимов, Михаил Туманишвили, Анатолий Утевский, Левон Кочарян, Артур Марков, Михаил Горховер, Геннадий Ялович, Георгий Епифанцев, Аркадий Свицерский — именно они входили в круг друзей Высоцкого в пятидесятые и шестидесятые годы. В определенное время в доме на Большом Каретном бывали также Андрей Тарковский и Василий Шукшин.

Это была «компания», которая, как казалось, вела беззаботную жизнь, с розыгрышами и озорством, но в действительности так только казалось. Она была по-своему элитной. Чтобы в нее попасть, нужно было завоевать авторитет коллег, а это совсем нелегко, так как у них всегда в цене были не только сила, ловкость, дружеская верность, щедрость и доброжелательность, но еще прежде всего — талант. Спустя годы эти ребята встречались уже реже, но постоянно поддерживали связь, иногда на какое-то время их соединяла творческая работа.

Владимир Акимов стал драматургом, Игорь Кохановский — поэтом, Михаил Туманишвили — режиссером и актером, Артур Макаров — прозаиком и драматургом, Геннадий Ялович и Георгий Епифанцев — актерами, Левон Коcharян был кинорежиссером, но умер в молодые годы, успев снять только один фильм. Кем были Андрей Тарковский и Василий Шукшин — никому не нужно объяснять.

Еще одной особенностью группы друзей являлось то, что в ее состав входили представители только мужского пола. Конечно, иногда появлялись там представительницы прекрасной половины, но это было, скорее, случайностью. Правда, по прошествии времени парни из этой необычной «компании» стали приводить на дружеские встречи своих подружек, а позже и жен. После женитьбы времени для друзей оставалось значительно меньше. Зато у всех появлялись новые знакомства, новые контакты, новые дружеские отношения.

Именно так случилось и с Владимиром Высоцким. Уже в 1964 году, когда поэт начал работать в Театре на Таганке, круг его очень близких друзей несколько изменился. Прежде всего потому, что в нем появились его партнеры по сцене с Таганки, из числа которых следует выделить Валерия Золотухина, в то время, без сомнений, родственную поэту душу.

Окончательное расхождение с давней «командой» произошло в декабре 1970 года, уже после женитьбы Высоцкого на Марине Влади. Конечно, поэта, как и раньше, окружали его прежние друзья. Но они были совершенно другими. Хотя это и не означало разрыва прежних связей и контактов, но во всем этом, увы, уже не было той давней близости.

Но так или иначе Большой Каретный в жизни Высоцкого — явление почти эпохальное. Обыкновенная улица

без истории благодаря поэту стала местом настоящего паломничества поклонников его творчества. Окуджава черпал вдохновение из легенд об Арбате, Высоцкий прославил Большой Каретный и «компанию» своих старых верных друзей. Именно поэтому нельзя не вспомнить о них, когда я говорю или пишу о Высоцком. К тому же все они — настоящий источник знаний о нем. Знаний о Высоцком-юноше, а позже парне, у которого все его огромные достижения, и прежде всего рождение легенды, еще впереди. Может, именно поэтому эти знания подчас кажутся самым ценным богатством.

Аркадий Свидерский с горечью говорил мне об убегающем времени: «Мы не вечны. Люди умирают, а вместе с ними и их воспоминания. Это самая большая потеря, и ее последствия исправить невозможно. То, что пропало, пропало бесповоротно. Поэтому нужно списывать то, что осталось в памяти, говорить об этом в интервью, делиться этим, не подавлять в себе этого». Задумавшись на мгновение, он тут же добавляет: «Жаль, что пани не записывает того, что я говорю». Я уверяю его в своей отличной памяти. Впрочем, может ли быть по-другому? Да, разве могла бы забыть его быстро текущую в рассказах речь? А говорит Аркадий Свидерский живо и захватывающе. Слушаю его, сдерживаясь от того, чтобы вставить хоть единое слово, которое могло бы ненужным образом помешать его исповеди. И речь его течет нескончаемым потоком:

«Эта история произошла с Володей в перерыве между киносъемками. На большом перерыве. Дело было на море. Володя пошел с товарищами на пляж. Стояла жуткая жара, поэтому они немного поплавали, потом уселись прямо на берегу. В один прекрасный момент заметили, что к ним приближается группа мужчин — весьма элегантных:

в черных костюмах, при галстуках, с дипломатами в руках. Они выглядели, как сотрудники спецслужб. За ними появились другие. Обступили Володю тесным кольцом, достали из дипломатов и бог знает откуда еще гитары, бутылки с вином, какие-то деликатесы и расставили, как на столе. Они предложили Володе угощение. Володя только пригубил вино и отставил рюмку. И, конечно, они попросили, чтобы он спел. Но сначала они — в знак уважения к нему — красивейшими голосами стали петь свои народные песни. Это были армяне. Мужчины пели, не снимая пиджаков, галстуков, элегантных белых рубашек, хорошо на них сидящих и безупречно отутюженных. Было очень жарко, а они невозмутимо сидели и слушали Володю. Гордые, сосредоточенные. Слушали внимательно, жадно, чтобы не потерять, не упустить ни одного его слова. Володя пел, а пляж — как раскаленная сковорода. За ним было море, а перед ним — слушающие его пение армяне. Не мог он встать и уйти. Они бы не отпустили. Хотели слушать его, хотели, чтобы все время пел. Солнце жгло немилосердно. Не знаю, каким чудом Володя избежал удара. А они — в черных костюмах... как все это выдержали? К счастью, на пляж пришел Слава (Говорухин. — *Примеч. автора*), и увидел, что там происходит. Знал, что эти поклонники сами не уйдут, не позволят и Володе. Поэтому он сымпровизировал. Ускорив шаг, стал издали кричать: «Володя! Быстро иди на студию! Пришла телеграмма — ты нужен немедленно!».

Володя поблагодарил слушателей (а кроме них на пляже появилось еще огромное число зрителей, привлеченных пением Володи), встал и ушел со Славой. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не уловка Славы. Жара была неземная, нечем было дышать, а вокруг Володи — кольцо слушателей. И его пение — Володя ведь никогда себя не берег.

Потом мы узнали, что со стороны армян это было своеобразным преклонением, возданием почестей Володе. Они пели свои песни, несмотря на такой зной, и ни один из них не снял пиджак и не расстегнул даже ворот рубашки! Сидели перед Володей, как на каком-нибудь весьма важном торжестве. Для них этот концерт в жару был действительно важным событием, радостным праздником. Поэтому все нарядно одеты. Это было что-то необыкновенное!..

Иногда у Володи возникали проблемы с алкоголем. Как-то раз он проведал меня со своей подружкой Ирой. В это время у меня были и другие приглашенные. Я угостил их вином, Володя решил, что тоже выпьет. Ну и началось... Он хотел выпить немного, но потом не смог сдержаться. Попал в очередную «струю». В течение нескольких дней он находился у меня. Ира — с ним. Ей льстила его симпатия. И до того сильно, что она не хотела с ним расставаться хотя бы даже на мгновение. Она буквально вешалась ему на шею... Володя не выходил из дома, не хотел, впрочем, возвращаться и к себе, он опустошал бутылки — те, которые стояли в баре, и те, которые принесли гости. А я вынужден был ходить на работу, и тогда я вообще не мог за ним смотреть. А в это время он заказывал себе выпивку по телефону, с доставкой на дом... Это длилось долго, наверняка семья уже искала его. Я решил действовать. Когда Володя спал, я выставил Иру за дверь — не было другого выхода. Она чувствовала себя с ним так хорошо, что ни сама бы не ушла от меня и не выпустила бы Володю. Когда Володя проснулся, то осмотрелся и спросил: «А где Ира?». Я сказал ему, что она ждет его внизу, что как раз пошла за пивом и хочет, чтобы вместе они куда-нибудь поехали. На такси. Такси, конечно, стояло уже внизу. Я позаботился об этом.

Я знал и то, что вместо Иры сидит в нем мой крепкий приятель и что без его помощи не обойдется. Предварительно я позвонил Володиной маме. Сказал, что привезем Володю, и попросил, чтобы она ждала дома. Володя оделся и пошел со мной вниз, открыл дверцу такси, уселся... понял, в чем суть дела... и обратно. Но не тут-то было: с одной стороны сидел мой товарищ, с другой — я. Таксист поехал, и все на этом закончилось. Завезли его домой. К маме.

Иногда она сама просила нас о помощи. Как-то позвонила мне, умоляя: «Аркаша, обязательно приедь! Не знаю, что уж и делать, Володя несколько дней ничего не ест! Не хочет. Может, ты его убедишь. Может, что-нибудь по этому поводу посоветуешь». Я взял сумку, купил по дороге замороженные пельмени и быстро поехал к Володе. Володя был после очередного запоя, ничего не хотел есть. У него не было аппетита, он только испытывал жажду...

Вынимая из пакета пельмени, я сказал ему: «Володя, ты должен съесть эти две пачки». А он на это: «А что у тебя в сумке?». «Ничего», — отвечаю. Он крутит головой: «Не ври, ведь есть же бутылка. Доставай и открой». Он решил, что какое-то количество алкоголя ему не повредит. Я вынул бутылку вина и сказал: «Одно на другое. Ты должен съесть хотя бы одну пачку». Володя съел эти несчастные пельмени и говорит: «Давай вторую бутылку». «За вторую пачку», — заметил я. Он рассмеялся: «Ну хорошо, хорошо». Потом к нему пришел аппетит, он съел еще пельменей, яичницу и все вошло в норму, и не требовалось просить его, чтобы что-то съел».

Аркадий Свидерский вспоминает и те ситуации, которые убеждали его в том, что у Высоцкого была наркотическая зависимость. По его утверждению, он не сразу по-

нял, насколько серьезно и далеко зашедшей и небезопасной является эта зависимость для поэта. «Первый случай, который стал сигналом, произошел после того, как Володя очень плохо себя почувствовал: у него болело сердце, он ощущал нехватку воздуха, внезапную слабость. С ним было совсем плохо, и мы с товарищем завезли его на станцию скорой помощи. Там медсестра приготовила укол. Подошла к Володе со шприцем, а я посмотрел на него и увидел в его глазах что-то такое... Присмотрелся к нему. Укол не стал для него облегчением, даже после того, как боль отступила. Нет, на него нашло, скорее всего, какое-то блаженство... Как будто он попал в другую реальность. Володя упивался этим состоянием. Именно поэтому я попросил медсестру, чтобы она ни под каким предлогом не говорила ему, какое лекарство набиралось в шприц. Ведь он мог сам ее об этом спросить. Я же не мог забыть выражения его глаз после этого укола.

Позднее, спустя несколько лет после этого случая, Володя попросил меня о лекарстве для одного из своих знакомых. Он знал, что я по роду своей работы смогу его достать. Он сказал, что это очень важно и что оно нужно немедленно. Мы поехали за ним на машине. Когда возвращались, то проезжали мимо района, где жил друг Володи — Вадим Туманов, и Володя мне сказал, что ему нужно к нему зайти. Он вел себя довольно странно. «Но ведь это лекарство не для Вадима», — сказал я. «Нет, но надо к нему заглянуть» — ответил Володя и явно заспешил, выйдя из машины. Его не было несколько минут. А когда он вернулся, то был удивительно бодр, энергичен, совершенно другой... Даже слишком...

Потом я узнал о том, что Володя часто так поступал, когда не мог найти нигде места, где бы мог без свидетелей ввести очередную дозу наркотика. Естественно, он не

мог сделать этого при мне и поэтому зашел к Вадиму. Там он сказал, что ему нужно в ванну. Конечно, никого это не удивило, может, только лишь тот факт, что он закрылся в ней, а ведь туда и так бы никто не зашел, впрочем, было видно, что он пришел не купаться, мог хотя бы, как минимум, вымыть руки, но для чего тогда закрыл изнутри за собой дверь? Вадим не сразу понял, что лишь только для того, чтобы уколоть наркотик.

Прошло еще несколько лет, прежде чем последовало событие, которое окончательно убедило меня в том, что Володя стал зависеть от наркотиков. Случилось это во время съемок сериала «Место встречи изменить нельзя» Лето. Жара. На студию приехал Володя, приехал на очередные съемки! Был какой-то чудной — вялый, несобранный. Он спросил, нет ли у нас одеколона, так как очень жарко и он хотел бы немного освежиться. Кто-то из актеров вспомнил, что в гардеробе стоит большой флакон одеколона. Володя сказал, что он воспользуется им. Пошел в гардероб и тут же закрыл за собой дверь на ключ. Это было весьма удивительно — ведь переодевались там исключительно мужчины, и они могли раздеваться максимум до пояса, обычно ни у кого не было привычки закрываться. Нас удивило, что Володя хочет освежиться именно этим одеколоном. Он был довольно дешевый и у него, мягко говоря, был не совсем приятный запах. В основном его применяли, чтобы почистить или смыть что-нибудь — в общем, для обтирания... наверняка — нет. И больше всего нас удивило то, что, когда мы вернулись в гардероб, флакон оказался полным. Как будто Володя совсем не брал одеколона, а ведь он хотел освежиться и должен был вылить все на себя. Но на самом деле он только протер ваткой то место, в которое

вводил иглой наркотик. Поэтому и не использовал одеколон, разве что самую малость. Вышел из гардероба по-дозрительно веселый, от его апатии не осталось и следа. Потирая руки, заявил: «Ну так что, ребята, снимаем?».

Я размышлял после этого, как же Володе удавалось носить шприц при себе? Ходил он чаще всего в узких брюках и было бы заметно, если бы у него в кармане лежало что-то такой формы, как шприц. А у него, оказывается, имелся такой узкий футляр и... крохотный шприц, который невозможно было заметить».

Я расспрашиваю Аркадия Свидерского о том, как он относился к зависимости Высоцкого от наркотиков и алкоголя и что предпринимал, чтобы вытянуть его из этого плена (часто даже принуждая, как в том случае, когда он независимо от желания и воли Высоцкого отвез его домой), и о том, не отразилось ли это на их дружбе. Он отвечает отрицательно, утверждая, что дружба осталась. «Только один раз я услышал от Володи острый, неприятный для меня ответ, которого не ожидал от него, — вспоминает Свидерский. — У меня был товарищ, который очень хотел посмотреть спектакль Таганки с участием Володи. О том, чтобы в то время купить билет, не могло быть и речи: приходилось дежурить несколько ночей у театральной кассы. А Володя был рекордсменом по пропусканию в театр зрителей без билетов, и часто, пользуясь этим, я просил его о помощи. Я всегда знал, что могу на него рассчитывать. Потому и на этот раз сказал товарищу, что мы просто подойдем к Володе и он все устроит. Мой товарищ был очень стыдлив, робок, не соглашаясь идти со мной, он сказал: «Неудобно», но я убедил его подождать со мной Володю. Наконец-то появился его легендарный «Мерседес». Володя вышел, как всегда, его ждали поклонники... Когда он входил в театр, я подошел к

нему, чтобы сказать в чем дело. Володя даже не приостановился, повернулся в мою сторону и довольно суровым тоном, не допускающим никаких возражений, заявил: «Я не администратор. Не занимаюсь продажей билетов». И пошел дальше. Мой товарищ в полной растерянности повторял: «Видишь, я же говорил тебе, что это неудобно», а я был попросту застигнут врасплох поведением Володи, хотя и понимал, что он имел право так себя вести. Я просил его о подобной услуге, можег быть, уже тысячу раз. Впрочем, это был только лишь один единственный раз, когда Володя ответил мне сухо и неприятно».

Мой собеседник задумывается на мгновение. Но потом тут же возвращается к воспоминаниям периода ранней юности Высоцкого, к шестидесятым годам. «У меня в то время была подруга — актриса. Красивая молодая особа, обладающая именно той красотой, которой восхищались мужчины: блондинка с длинными пышными волосами. Я был ее поклонником. Проводил у нее много времени... И вот в один прекрасный день я пришел к ней — с цветами, с шоколадками. Мы сидели за столом и пили чай. Звонок в дверь. Моя подружка пошла открывать, а я смотрю, не веря собственным глазам: на пороге стоит Володя — с цветами. Увидел меня, еще один букет — в вазе на столе. «Что ты тут делаешь?» — спросил он. «А ты что здесь делаешь?» — ответил я. Он усмехнулся: «Ну, хорошо. Мы об этом позже поговорим». А мою подругу попросил включить магнитофон: написал новую песню и хочет ее записать. Это были «Корабли». Он спешил, записал песню и сказал, что должен «лететь». Песня произвела на нас огромное впечатление.

Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.

Возвращаются все, кроме тех, кто нужней.
Я не верю судьбе, а себе — еще меньше.

Но мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды
Я, конечно, вернусь — весь в друзьях и мечтах
Я, конечно, спою — не пройдет и полгода.

Володя спел песню и ушел. Мы никогда так и не «поговорили позже» о моей подруге. Да мы и так не должны были это между собой выяснять. Я понял, что Володя часто у нее бывал, что он тоже был ее поклонником. И он понял, что я делаю буквально то же самое. Он больше не возвращался к этой теме. Но и у нее больше не бывал».

«ВОЛОДЯ, ТЫ ЖЕ ВЕДЬ БЛЕФУЕШЬ...»

В воспоминаниях о Владимире Высоцком довольно часто можно встретить описания фактов и событий, свидетельствующих о его необычайном чувстве юмора. Можно было бы даже рискнуть, утверждая, что юмор в жизни Высоцкого — это еще один (сложно перечислить какой) миф, связанный с его личностью.

Известны рассказы его друзей, несказанно красочным образом описывающие комические ситуации, спровоцированные поэтом. Кое-какие из них дошли до нас благодаря некоторым воспоминаниям, появившимся на свет из разных источников, что позволяет с большой точностью воспроизвести все детали, прежде всего — их подлинность.

Чувство юмора у поэта было замечено еще в период ранней молодости, причем уже тогда оно было соединено с его актерским талантом. Например, он питал пристрастие к исполнению различного рода комических сцен и импровизации ситуаций, в которых принимали участие

(не догадываясь об этом) окружающие — лица, не входящие в круг близких друзей Высоцкого. Именно для их развлечения поэт разыгрывал эти неожиданные моноспектакли. Одна из любимых выходок поэта — перевоплощение в типаж персонажа, находящегося в состоянии алкогольного опьянения. «Номер» заключался в проведении относительно долгой беседы с ... фонарем, причем настолько длинной, что этот монолог вызывал интерес у довольно большой группы прохожих. Когда же эффект был достигнут, Высоцкий, к огромному удивлению собравшихся, моментально перевоплощался в совершенно другого человека, или попросту трезвого, говорил своим друзьям: «Ну, хорошо, ребята, пошли!», и уходил, оставляя около фонаря ошарашенных зрителей.

Еще одна излюбленная проделка Высоцкого — пробраться без билета в парк «Эрмитаж» — в то время самое лучшее место отдыха, дружеских встреч и культурных мероприятий москвичей. Но ни Высоцкий, ни его друзья не имели возможности из-за материальных соображений покупать билеты в «Эрмитаж», поэтому проникали в парк разными способами — через дыру в ограде, при помощи старых билетов или одного — настоящего, который передавался из рук в руки. Высоцкий же предпочитал входить через ворота, которые «охраняли» билетерши-контролеры. Он весьма выразительно сплетал пальцы обеих рук, выделявая ими невероятно быстрые движения, вглядываясь при этом в носки ботинок, и, подходя своим знаменитым «балетным» шагом к билетершам, говорил отдельно каждой «Здравствуйте» — заикаясь и шепелявя одновременно. Конечно же, билетерши были уверены, что имеют дело с человеком не совсем нормальным, и не хотели связываться. Чтобы не испытывать судьбу, они вообще не спрашивали билет у Высоцкого.

Еще подростком Высоцкий проявил себя замечательным рассказчиком, прекрасно преподносившим анекдоты или сочиненные им истории, в которых он умело перевоплощался в различных героев, При этом блестяще имитировал всевозможные жаргоны и сленги. Временами поэт следовал манере выражения мысли, характерной для советских вождей, — коварные формулировки Сталина (всегда окрашенные грузинским акцентом), экспансивные речи Хрущева или флегматичные — Брежнева. Слушатели хохотали над анекдотами типа: «Когда Красная Армия должна была нанести очередной удар за Сталина, Сталин вызвал к себе Рокоссовского, разложил перед ним карту и спросил: «Итак, товарищ Рокоссовский, где, по-вашему, мы нанесем очередной удар за Сталина?». Рокоссовский склонился над картой, мгновение поразмыслил, после чего, указывая пальцем место на карте, сказал: «Думаю, товарищ Сталин, что надо нанести удар с левой стороны». Выслушав это, Сталин вышел из кабинета. Его не было довольно долго. Когда он вернулся, то подошел к Рокоссовскому, пристально глянул на него и заявил: «Вы, говорите, что надо ударить с правой стороны, а я считаю, что надо ударить с левой!»».

Все истории подобного рода Высоцкий рассказывал в лицах, неустанно при этом меняя интонацию и тембр голоса. Его истории о Хрущеве и космонавтах, о собаке Рексе, о сумасшедших и многие-многие другие неизменно вызывали взрывы смеха в любой аудитории. Естественно, что ни один пересказ, ни одно книжное описание не в состоянии передать и доли того исключительного мастерства, какое демонстрировал в этой области Владимир Высоцкий. К счастью, несколько таких историй, рассказанных поэтом, сохранилось на магнитофонной ленте. Записи эти буквально можно пересчитать на пальцах од-

ной руки, но сам факт того, что они уцелели, является весьма утешительным. Сегодня многие друзья Высоцкого считают, что если бы его судьба сложилась иначе, если бы он не стал поэтом и актером, он стал бы, несомненно, артистом разговорного жанра. Кроме того, некоторые из них уверены в том, что Высоцкий добился бы значительных успехов в классическом танце. Авторы этих утверждений ссылаются на мнение одного из балетмейстеров, который наблюдал танец в исполнении Высоцкого (на съемках фильма): «Ему бы стоило поучиться год в хореографическом училище и из него получится прекрасный танцор!».

Ну что ж... существуют еще мнения о том, что Высоцкий мог бы достигнуть определенных успехов в спорте, но упустил этот шанс, посвятив себя актерской профессии, так же как когда-то восемнадцатилетним юношей бросил учебу в инженерно-строительном институте, хоть преподаватели и убеждали, чтобы он «не делал глупостей», так как сможет сделать неплохую карьеру как инженер. К счастью, он не послушал их советов и настоял на своем. Через полгода Владимир был уже студентом театрального вуза, а еще через пять лет стали «крутиться на магнитофонах» его первые песни.

Юмор Высоцкого встречается и в его письмах. Так, например, в августе 1968 года, находясь в деревне Выезжий Лог Красноярского края, где снимался фильм «Хозяин тайги», Высоцкий написал письмо своему другу, тоже актеру Таганки — Вениамину Смехову. В письме поэт писал: «Живем мы в хате, построенной на месте сгоревшей тоже хаты. Есть у нас раскладушки, стол и бардак, устроенный Золотухиным. Как истый деревенский житель, он живет себе и в ус не дует и поплевывает на грязь, неудобства, навоз и свинцовые мерзости деревенской жиз-

ни. А я умираю. Во дворе у нас живет свинья с выводком. Иногда она заходит к Золотухину на огонек и чувствует себя очень уютно. (...)

У нас утонул один шофер деревенский, и еще один утонул раньше того, который утонул сейчас.

Прости за информацию. Далее. Снимают медленно и неохотно. Меня просто совсем медленно. Золотухина несколько скорее, но все равно. (...) Я написал две хреновые песни, обе при помощи Золотухина».

Говоря о двух «хреновых» песнях, Высоцкий имел в виду свои известные и лучшие произведения: «Баня» и «Охота на волков». Он называл их «хреновыми» так же, как когда-то Михаил Булгаков, у которого один его знакомый спросил, над чем он сейчас работает, на что писатель ответил: «А так... пишу одну книжонку...». По прошествии лет этот знакомый узнал, что Булгаков писал тогда произведение всей своей жизни и впоследствии шедевр мировой литературы — роман «Мастер и Маргарита».

Юмор Высоцкого особенным был еще и с той точки зрения, что поэт мог в своих произведениях сделать комическими даже те ситуации, которые в действительности не казались смешными, по крайней мере для их участников... Временами, впрочем, это был один из способов защиты от назойливости поклонников. Ясное дело, их настойчивость и наглость при попытках завязать знакомство с Высоцким поэта не смешили, а, скорее, создавали для него одни неудобства и огорчения, но тем не менее он рассказывал о них как бы полушутя: «Как-то я вернулся домой поздно ночью. В два, а может, и в три. Был у меня спектакль, потом концерт. Вернулся уставшим, не успел еще сесть, а тут звонок в дверь. Иду открывать. Смотрю — на пороге стоит женщина в халате, но вся из себя такая при прическе, с начесом и так далее. Держит

она какую-то тарелку, прикрытую другой тарелкой. Неуверенно топчется с ноги на ногу, поэтому смотрю на нее вопросительно. А она мне: «Вы так поздно всегда домой возвращаетесь, всегда на бегу, весь в работе... А я тут наготовила, нажарила. Я подумала, может, вы бы чего съели. Наверное, у вас нет времени, чтобы спокойно поесть, поэтому я и принесла». Посмотрел я на нее — дамочка сразу к делу. «Конечно, мог бы поесть», — ответил я. Впустил ее. Я поел, спел ей для приличия парочку песен. Она посидела, потом немного задумалась и сказала: «Ну, я, пожалуй, пойду». А через несколько дней, во втором часу ночи, опять звонок в дверь. Я выскочил из постели, побежал открывать дверь. Смотрю — стоит та же самая дамочка, и опять в халате. И снова такая «учесанная». И держит опять какую-то тарелку. Я был не один и поэтому, когда она хотела открыть рот, чтобы что-то сказать, я приложил палец: «Тс-с-с...!». Я показал ей, что следует молчать. С тех пор она больше не приходила. Наверное, обиделась». Иногда серьезное поведение Высоцкого воспринималось его друзьями комически. Многие из них с усмешкой вспоминают, например, как Высоцкий смотрел телепередачи. Вот рассказ одного из друзей поэта: «У Володи почти все время работал телевизор. Он мог сидеть несколько часов подряд, глядя на экран, но при этом на самом деле не замечать, что там происходит. Просто в мыслях Володя был где-то далеко, думал о чем-то своем. Была такая передача по телевизору, которая создавалась на основе вопросов и ответов телезрителей. Проводивший ее журналист неизменно восседал за столом, раскладывал письма на две стопки, вытягивал двумя пальцами письмо из первой стопки, открывал его и читал: «Товарищ Иванов из колхоза имени 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции спраши-

вает нас, как можно...», дальше следовал вопрос. А потом вытягивал конверт из стопки противоположной, открывал его и говорил: «А на это ему отвечает товарищ Кузнецов из совхоза имени Ильича». И читал «ответ» товарища Кузнецова. Володя сидел с широко открытыми от удивления глазами. Наконец он произнес: «Где они находят этих людей! Откуда они берутся!». Он возмущался, но телевизора не выключал. Иногда это начинало раздражать Марину, тогда она говорила: «Выключи этот глупый ящик!», но Володя на это: «Не надо, пусть идет!»».

Роль телепередач в жизни и творческой работе Высоцкого наиболее точно определил Андрей Вознесенский: «Временами я удивлялся, как Володя может работать при включенном телевизоре. А он просто таким образом впитывал ритм своей эпохи — беспокойной, трудной, полной клеветы, лицемерия и фальши. Какое время, такое и телевидение. Но это было его время, в которое довелось ему жить. И Володя не убегал от него».

Вернемся, однако, к чувству юмора Высоцкого. Нельзя не заметить, что поэт позволял себе шутить с теми, с кем бы любой другой шутить никогда не решился. Один из друзей Высоцкого так вспоминает, например, его оригинальную реакцию на работу бюрократической машины: «Володя должен был оформить себе паспорт, ему надо было опять ехать к Марине. С виду обычная формальность, все ведь его знали в милиции, в паспортном бюро, делали это много раз, но в тот момент стали затягивать сроки выдачи. Володя никак не мог понять, зачем они это делают. Ему там сказали, что во время последнего выезда по возвращении он не сдал паспорт в установленные сроки. Он беспечно ответил, что был занят, но это их не удовлетворило. Они не хотели продлевать сроки действия загранпаспорта. Тогда Володя пошел к офицеру, от кото-

рого зависело это дело, разговаривал с ним, но безрезультатно. Страшно нервничая, он заявил этому служащему, что будет жаловаться на его медлительность вышестоящему по должности полковнику. Прошло еще несколько дней, у Володи оставалось мало времени, он обещал Марине, что приедет. И тогда... это было при мне... он признался, что времени больше нет, а паспорт нужен сейчас, что у полковника он не был, да и не знал вышестоящего по должности офицера, с которым говорил. Тогда он взял телефон, набрал номер паспортного бюро, попросил «своего» офицера, которому кратко заявил: «Значит, дело выглядит так: я был уже у полковника, говорил с ним, он сказал, что паспорт должен быть готов, и он, конечно, сделает выводы по поводу волокиты», — и положил трубку. От полной неожиданности я воскликнул: «Володя, что ты делаешь?! Ты же ведь блефуешь...». А Володя спокойно: «Ничего. Они тоже блефуют».

Естественно, что такая идея пришла на ум поэту не из желания развлечься, а потому что необходимо было что-то предпринять. Однако иногда Высоцкий похожими действиями разнообразил действительность, пробуя развеселить самого себя в ситуациях, вызывающих у него усталость или подавленность. Это была, скорее, защитная реакция организма, причем на подобные шутки поэт решался часто в последний период жизни, когда у него оставалось совсем мало поводов для смеха и оптимизма.

Его знакомый так описывает один случай: «Сижу у Володи. Болтаем. Звонит телефон. Володя встает, берет трубку. Хорошо слышу его ответы: «А-а-а, привет, Витя!.. У меня? Все хорошо. А что у тебя? Да! Это здорово! Ну конечно!.. А-а-а, помню, Витя, конечно, даже часто вспоминаю. Да, гулялось, а как поднималось... С ребятами... помнишь? Выпивалось... Это было время!.. Ну пока! Дер-

жись!». И положил трубку. «Какой-то приятель?!» — спросил я. «Кто?» — удивился он, как бы вообще не понимая, о ком говорю. Я тогда стал выяснять: «Ну, этот Витя, который сейчас звонил». Володя отрицательно покрутил головой: «Нет, я его не знаю». «Это как?!» — негодовал я. Володя пожал плечами: «Просто его не знаю». Приняв это за розыгрыш, я продолжал: «Но ведь ты сам говорил ему: «Витя». Говорил, что помнишь, как гулялось и поднималось». Володя, утомленный моей «речью», огрызнулся: «Не знаю этого типа, понимаешь? А говорил я ему: «Витя»... Так это он так сам назвался, сказал, что звонит Витя. А что гулялось, что проставлялось... Ну, а так гулялось, ставилось... Только не с ним, но какая разница!»».

«...ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ПРИНЦ ДАТСКИЙ...»

Супружеские союзы Высоцкого. Это еще один миф, связанный с поэтом, еще один фрагмент мозаики, которую терпеливо пробуют выложить исследователи творчества Высоцкого. И конечно же самую яркую часть в ней занимает союз Высоцкого и Марины Влади, многими неоднократно названный легендарным. Но большую роль в жизни поэта сыграли еще и другие женщины, с которыми долго иль коротко он связывал свою жизнь. Людмила Абрамова — вторая жена поэта и мать двоих его сыновей, — без сомнения, является той личностью, которой следует уделить более пристальное внимание.

Она прожила с Высоцким семь лет, последние два года состояла с ним в официальном браке, несмотря на то что решила на разрыв. Следующие десять лет она поддерживала контакт с Высоцким или, правильнее было бы сказать, поэт поддерживал связи со своей бывшей женой и детьми.

Неслучайным является то, что я в этой книге постоянно возвращаюсь к личности Людмилы Абрамовой. На публичную огласку воспоминаний о Высоцком она решилась только в конце восьмидесятых, почти через десять лет после смерти поэта. В 1991 году появилась ее книга о Владимире Высоцком, озаглавленная «Факты его биографии». Книга необычная. Прежде всего тем, что большая ее часть состоит из писем Высоцкого, опубликованных почти полностью.

Людмила Абрамова — первая, решившаяся напечатать такое количество писем Высоцкого (а точнее: тридцать), или первый человек, который в воспоминаниях о Высоцком дал слово самому Высоцкому, не ограничиваясь собственной оценкой фактов и рассуждениями третьих лиц по поводу поступков и суждений поэта. Неизвестно, почему до сих пор никому не пришла в голову подобная идея. А жаль. Разве можно оценивать жизнь и творчество Высоцкого, не давая вообще голоса ему самому? Конечно, нет. Поэтому дадим и мы голос поэту, цитируя его письмо к Людмиле Абрамовой, датированное 8.03.1962 года: «Мать сегодня жалостливое письмо прислала. Я наперед знал, что там будет, так и оказалось: что ей осталось мало, что больна, что экономит, что нечего одеть, и чтобы я ей не звонил, потому что это-де лишние расходы. Все это правильно, но скучно. (...)

Солнышко! Я знаю, — письмо совсем никакое. А ты, Лапик, все равно все понимаешь. Ты умный, и я тебя люблю. Еще ты — красивая!!! А у меня просто не очень веселое настроение. Было очень здорово, когда ты позвонила. И три дня пребывал в состоянии духа. Завтра 8 Марта. Я не забыл. Хотя не очень люблю поздравлять с этим праздником. Очень он солидарный и охватывает всех баб на земле. А среди них не так много стоящих. И мне

не хочется тебя с несостоящими отождествлять. (...) Люстик! Люблю только тебя. Целую, малыш! Вовка». Это письмо Высоцкий написал, находясь на гастролях с Московским театром миниатюр, в который тогда его приняли. Работа в этом театре, однако, его не увлекала, и, как признавал сам поэт, он не воспринимал ее всерьез. Но здесь следует, пожалуй, заметить, что именно в театре миниатюр раньше других заметили огромный талант Высоцкого. Были даже намерения поставить спектакль по его песне под названием «Татуировка» (!). А ведь шел только 1962 год, и Высоцкому едва исполнилось 24 года, он был начинающим артистом, который двумя годами раньше окончил Школу-студию МХАТа, а его первые песни слышали не многим ранее года тому назад.

Начало шестидесятых годов было для Высоцкого довольно тяжелым периодом. Работа в театре миниатюр — единственный в то время эпизод в его жизни. В театре им. Пушкина Высоцкому удалось поработать, правда, немного дольше, но, увы, администрации пришлось уволить его за злоупотребление алкоголем и всевозможные выходки. Вначале он не слишком обращал на это внимание. Данный театр не был вершиной его мечтаний. Но когда Людмила Абрамова родила ему сына, а затем ждала появления на свет второго ребенка, их сложное материальное положение стало его сильно беспокоить. К счастью, время от времени Высоцкому доставались роли в фильмах, но гонорары за них он получал также нерегулярно.

Все это не нравилось родителям Людмилы, которые были недовольны ее замужеством. А жили молодые тогда у родителей Людмилы. И не только с ними, но еще и с бабушкой, дедушкой и бабушкиной сестрой. Позже прибавилось еще двое детей. Эта многочисленная семья за-

нимала всего лишь двухкомнатную квартиру. Людмила Абрамова так вспоминает тот период: «Наш сыночек Аркаша спал мало, а плакал громко. Я боялась, что он ночью разбудит всю семью. Аркаша спал не больше часа и снова начинал плакать. Блуждала по темной комнате, баюкая его на руках. С ужасом я смотрела на гору пеленок и, как эгоистка, мечтала, чтобы проснулась мама. И мама, естественно, просыпалась и, конечно, брала Аркашу на руки и энергичными шагами ходила от двери к окну и обратно, и пела Аркаше. И я не думала о том, что утром, не успев хоть немного поспать, я пойду в институт, где преподают английский... А на узком диване около окна спал — и в то же время не спал — беспокойным, не совсем еще трезвым сном будущий автор «Охоты на волков» и «Повести о девочках», будущий Гамлет. Спал, его величество принц датский, молодой, гениальный, еще никому не известный, совершенно безработный. И все это должно было к нему еще прийти! Мои милые родители. Они не очень баловали моего безработного мужа, живущего со мной без «брачного союза», — но беспокоились обо мне, о детях. Не вмешивались, не проводили ни со мной, ни с ним разговоров «по душам». Тепло и доброжелательно они отнеслись к его родителям и тете Жене — мачехе Володи. Помогали, как могли».

Не нравились родителям Людмилы проблемы Высоцкого, связанные с выпивкой. Однако следует заметить, что Высоцкий добровольно соглашался на лечение от этой привычки, борясь с ней мужественно и героически. Так как в то время у него было вполне оптимистическое отношение к жизни, то на свои проблемы, а также на, несомненно, обременяющие и тяжелые периоды воздержания от алкоголя поэт старался смотреть тоже с оптимизмом и, может, даже с юмором. Его письма к жене изоби-

луют признаниями типа: «Мой сосед по комнате пошел куда-то пить с режиссером. Я не пью совсем, прекрасно себя чувствую»; «Пусик! Я не пью, — агнец божий, я праведник, я тебя очень люблю и жду писем»; «Я пью это поганое лекарство, у меня болит голова, спиртного мне совсем не хочется и все эти экзекуции — зря, но раз уж ты сумлеваешься, я завсегда готов»; «Снимаемся мы в жаре, в песке, голые. А у меня — хорошая фигура и я очень физически сильный, меня ставят на первый план... Я ныряю метров на пятьдесят и всех восхищаю... Это я расхвастался затем, чтобы ты меня не забывала, и скучала, и думала, что где-то в недружелюбном лагере живет у тебя муж ужасно хороший, — непьющий и необычайно физически подготовленный»¹.

Нисколько не сомневаюсь в том, что Высоцкий с болью воспринимал прохладное отношение к себе со стороны родителей Людмилы. Особенно задевали те слова, которыми они упрекали его в недостаточной заботе о детях и жене. В письмах к Людмиле Абрамовой можно найти немало волнующих строк — свидетельств того, какое важное место занимают в его жизни любимая жена и сыновья. Эти фрагменты писем читаются сегодня с огромным волнением еще и потому, что в ретроспективе претензий родителей Людмилы и ее самой кажутся довольно несправедливыми и обидными по отношению к Высоцкому, а подчас совершенно надуманными и несерьезными. Высоцкий отвечал на это без обид, с достоинством и нежностью.

«Лапа! А только что мне привезли снизу письмо от мамы. В нем она пишет много уменьшительных суффик-

¹ Здесь и далее сохранен стиль писем Высоцкого (*примеч. переводчика*).

сов, а вообще мне как-то неловко читать ее письма. И еще она пишет, что ты говорила, что по телефону я ни разу не спросил о ребенке. Неправда. А потом ты мне сама рассказала. А потом я еще как-то не умею выразить все словами и на бумаге. Конечно же, я очень беспокоюсь о нем и люблю, хоть и так мало его видел. И гулять мы с ним будем, и в 4 часа ночи я приходы отменяю».

«Сейчас посылаю твоей маме много шерсти, больше 1 кг. Все говорят — великолепной. Она обещала связать обоим. Хорошо бы и тебе. Ты попроси. Вообще я все время о вас думаю. А Аркашка наш самый лучший ребенок в мире. Он за меня цеплялся и чуть не плакал, когда я уходил, и я тоже. Люсик! Любимый! Береги себя и наше потомство!»

«Лапа! Как тебе, наверное, трудно. И, наверное, ребенку младенец не очень-то дает спать. И как Аркашка отнесся к появлению брата! Он все бегал и показывал «Уа-уа». Интересно, — кто ходит по магазинам? Потому что когда тебя не было, в доме тоже было не густо. Бывает ли моя мама, как мои вторые родители¹, в больнице были, ребенка видели! Чего все кругом говорят про ребенка, и что он делает!

Скоро это все я сам увижу. Пока все, лапа! Целую тебя крепко и очень люблю. Целуй обоих малышей!»

«Дорогая моя Люсечка! Получил сегодня сразу 2 твоих письма. Одно короткое и приличное, а другое длинное и, вначале, тоже пристойное и даже с юмором, а во второй своей части, в той, что на обрывке, — просто поток желчи и сарказма, а также масса несправедливых упреков, обвинений и напоминаний! Ты зачем это, а Лапа? Почему ты решила, что я собираюсь опаздывать на сбор труппы, под-

¹ Вторые родители — отец и мачеха (примеч. автора).

водить Любимова и т.д.! А потом — ехидство твое, относительно моего накопительства, похоже на Аллу Борисовну². Если бы я мог прислать средства сразу, то тебе не пришлось (бы) 2 раза напоминать. (...) Деньги я передал, ты их, наверное, получила. Если мало, прости, больше нет, но скоро, наверное, все встанет на место.

Ладно! Хорошо, что поговорили с тобой по телефону, а то я бы совсем расстроился. Мама прислала мне письмо, впервые за все время, за всю жизнь, не поучительное, а описательное, и там описала, что дети будто совсем не поправились. Почему? И почему Никитка ничего не говорит. Они, наверное, совсем с ним не разговаривают. Он, наверное, тихий, спокойный, никого не трогает, поэтому ему меньше внимания, чем гадким, крикливым и капризным детям. (...)

Я по тебе скучаю и никогда бы в жизни, даже под настроение, не мог бы написать тебе такую грубую приписку.

Целую тебя, Люсик! Напиши ласковое письмо».

«Как прекрасно, когда у человека (у хорошего) есть жена, и когда она пишет письма, когда у него есть дети (двое), и когда они (дети) разговаривают по-русски.

Солнышко! Люсик! Привезли мне на ледник твое письмо и телеграмму из Вильнюса. Но... телеграмма, считай, что как будто не дошла...»

Пожалуй, самый трудный период совместной жизни Высоцкого и Людмилы Абрамовой пришелся на те месяцы, когда они жили в ожидании появления на свет их второго ребенка. Высоцкий тогда не работал в театре им. Пушкина. Он даже и представить себе не мог, что в его жизни через год наступят внезапные и большие пе-

² Алла Борисовна — тетя Людмилы Абрамовой (примеч. автора).

ремены — он будет принят в Московский Театр драмы и комедии на Таганке. Не было работы. Не было ни копейки. Не было даже ботинок. Плащ одалживал его коллега Анатолий. Людмила стала тогда выносить из дома книги. Потихоньку она сдавала их в букинистический. Ценные экземпляры, с великолепными иллюстрациями, — она ставалась с ними прямо-таки со слезами на глазах. Высоцкого это очень тяготило.

Людмила Абрамова вспоминает: «Володя страдал по причине этой безнадежности еще больше, чем я. Стискивал зубы. Молчал. Пил. Писал песни. Я ждала ребенка. Володина мама знала об этом. Своим родителям еще об этом я не сказала, тянула, ждала, когда Володя найдет какую-нибудь работу, чтобы тогда сказать им...».

Свет в конце тоннеля появился зимой 1964 года — Высоцкий поехал в Сибирь, давал концерты в нескольких городах. Один раз он звонил из Иркутска, другой раз из Барнаула. С первой зарплаты прислал посылку. А когда у него родился второй сын, он получил, наконец, долгожданную работу. Так распорядилась судьба, что связала его с Театром на Таганке и режиссером театра Юрием Любимовым. А потом уже были роли — великие роли. И все вдруг неожиданно переменилось, дети перестали болеть, а 25 июля 1965 года Людмила и Владимир наконец-то вступили в законный брак. Были на спектаклях цветы, были новые песни Высоцкого. Было огромное, необыкновенное счастье. По крайней мере, так воспринимала то время Людмила Абрамова. Сейчас о нем пишет: «О счастье нельзя рассказать. У него нет сюжета и фабулы, есть только хронология, нельзя ничего рассказать, можно только перечислять: Володя, Аркаша, Никита, моя сестра Лена. Зима, весна, лето, осень. Роли: Керенский, Маяковский, Галилей, Хлопуша. Друзья Володи: Генна-

дий Шпаликов, Миша Анчаров, Веня Смехов, Валерка Золотухин... А на спектаклях я страшно плакала — как бы уже не боялась слабости, хотела выплакать все то, что нагромоздилось за весь прошедший черный период жизни. Нет, я не вспоминала об этом с болью. Слезы были легкие. И только одного жаль — счастье эгоистично. Очевидно, я уже никогда и не узнаю: был ли Володя со мной тогда счастлив?».

И наверное, в то время, в тот счастливейший период жизни закрался в сердце Людмилы Абрамовой какой-то страх. Высоцкий начал подозрительно часто исчезать на несколько дней, это означало, что пил, что когда-нибудь он не вернется. И прежде всего не потому, что может случиться с ним что-нибудь плохое, а потому, что может не захотеть вернуться к ней... Сегодня она признается, что этого боялась больше всего. «Боялась ли я, что Володя ходит к другим женщинам? Нет, абсолютно. Это мне даже никогда не приходило в голову. Боялась ли того, что он может уйти навсегда? Этого начинала бояться, когда Володя возвращался. Именно тогда боялась, что Володя через мгновение скажет: «Все кончено». А так — нет, не боялась». Еще были опасения, что с Высоцким может что-нибудь произойти, если он вовремя не возвращался: может, попал под машину или, как пел сам о том, в пьяной драке «налетел на чей-то нож...». Были опасения, что его задержит милиция. Были уговоры, просьбы, упреки, была подозрительность. Хотя наверняка претензии и обвинения Людмилы казались ему обидными, он переносил их терпеливо, даже не впадая в гнев по этому поводу: «Получил от тебя сухое письмо, смешанное с укорами и подозрительностью, испил эту чашу до дна, и стало мне плохо, а на дне — ты написала «Целую» — и стало мне хорошо».

Не гневался Высоцкий на холодное отношение родителей Людмилы к нему и к их совместной жизни. Был щедрым в словах и делах. Когда его материальное положение стало более стабильным, он купил маме Людмилы кооперативную квартиру. Он уже тогда знал Марину Влади. По отношению к ней у него были серьезные намерения. Хотя сам занимал угол у мамы, квартиру купил не для себя, а для мамы Людмилы. Скитался поэтому с Мариной Влади по снятым тесным комнатам, гостиницам, купе поездов и каютам теплоходов. За семь лет их совместной жизни у них так и не появилось своей квартиры. Только в 1975 году, за пять лет до смерти, Высоцкий вселился в собственную трехкомнатную квартиру на Малой Грузинской улице, дом № 28, в Москве. Марина Влади прилагала много усилий, чтобы сделать эту квартиру как можно более уютной и теплой, чтобы поэт не убежал из нее на край пропасти, куда гнал своих беспокойных привередливых коней... Но любил ли Высоцкий эту квартиру? Скорее всего, не очень. Пожалуй, потому, что она была слишком старательно обустроена, слишком солидна... Возможно, что-то в ней его угнетало... Вероятно, он так привык к цыганскому образу жизни, что чувствовал себя в этом уютном микромире, как в клетке. Видимо, и любил это место, но сегодня можно лишь только предполагать, как было на самом деле. По крайней мере, в одном из стихотворений он назвал свою трехкомнатную квартиру трехкомнатной камерой...

Зато мы знаем точно: Высоцкий не любил свою дачу. Дача была идеей Марины Влади. Сначала они хотели ее купить, но потом решили построить на участке, принадлежащем другу Высоцкого — драматургу и сценаристу Эдуарду Володарскому. И когда хотели туда поехать, вынуждены были всякий раз звонить Володарскому, пре-

дупреждая его об этом, чуть ли не спрашивая разрешения. Но, наверное, не только поэтому поэт не любил своей дачи. Марина Влади пишет в книге о Высоцком, что, по ее мнению, именно жизнь в деревне, в покое, в тиши, в доме, а не в квартире, унимала его отчаяние. Однако она сама себе противоречит, рассказывая в той же книге, что во Франции, в доме ее смертельно больной сестры Высоцкий выдерживал совсем недолго и что тишина, покой, природа и окрестности были для него лишь угнетающей пустотой. Не перенося этого, он говорил: «С меня хватит... Я больше не могу. Уедем отсюда». И свою подмосковную дачу Высоцкий не любил до такой степени, что как-то спросил подвозившего его куда-то коллегу Владимира Шехтмана: «У тебя с собой канистра с бензином? Давай поедем, подожжем мою дачу». Зная его темперамент, можно предположить, что он вовсе не шутил, наверняка бы так и сделал.

А первые серьезные планы, касающиеся собственного жилья, Высоцкий начал строить в 1968 году с Людмилой Абрамовой. Они могли жить отдельно в квартире на Беговой улице. Дедушка и бабушка Людмилы умерли, ее мама переехала летом 1968 года в новую квартиру, которую ей купил Высоцкий. Пожалуй, первый раз в жизни Людмила и Владимир получили шанс, чтобы по-своему усмотрению оформить и обставить квартиру. Сами. Без родителей. И Высоцкий запланировал большой ремонт: сам начертил проект разных полок и освещения — это должны были быть огромные люстры, как в метро, на девять ярко горящих лампочек. Он любил, чтобы было светло... Нанял специалистов — для ремонта квартиры и для изготовления мебели, закупил множество необходимых материалов. Он мечтал о темной мебели, темных обоях и ослепительных люстрах. Но так и не переехал в

эту квартиру, остался у своей мамы. А в квартире на Беговой стала жить Людмила с детьми. Без Высоцкого. Осенью 1968 года, с большим трудом внушив себе, что именно так ей и следует поступить, она забрала свои вещи и ушла от него. Сегодня она признается, что «ушли только ноги, а душа осталась...». Однако она спешила, подгоняя самою себя, въехать в отремонтированную, хотя еще не до конца отделанную квартиру на Беговой улице. Она знала, что если будет тянуть, сомневаться, ее решительность пройдет и она не найдет сил уйти, останется, словно тягостное бремя, вынуждая Высоцкого врать и вести двойную жизнь. Она ушла. Конечно, они виделись. Иногда чаще, иногда — реже. Зато часто, очень часто она слышала пугающие слухи о нем. О том, что он ищет смерти, гоняя на своем «Мерседесе», о том, что разбился, о том, что покончил с собой, о том, что его выгнали из театра, но чаще всего о том, что он эмигрировал... Она не хотела верить этим сплетням, но тревожные предчувствия не покидали. А слухи кружили по Москве: что пьет, что не пишет новых песен, что хочет уйти из театра... Все повторялось. Тысячи раз. 25 июля 1980 года Москву облетело известие о его смерти. На этот раз правдивое.

Спустя девять лет Людмила Абрамова решила работать в Музее Владимира Высоцкого в Москве.

«...ОТВЕТЫ ВЫ НАЙДЕТЕ В МОИХ ПЕСНЯХ»

Правда о Высоцком доходит до поклонников его творчества очень медленно. Несмотря на существующий океан публикаций о поэте, несмотря на многочисленные фильмы, сотни программ, выставок, тысячи передач, вечеров памяти и других мероприятий, посвященных ему. В первую очередь действуют своего рода внешние тормоза — родные и друзья поэта не горят желанием опубликовать свои воспоминания, в которых предварительно должно быть вычеркнуто то, что, по их мнению, не должно стать явным. Временами они заботятся прежде всего о собственном имидже, а не о Высоцком. Это тот случай, когда авторы воспоминаний, решившись писать обо всем, и оставляя в стороне моральную проблему, не очень задумываются, имеют ли они право на то, чтобы обо всем писать. Они бесстрастно тасуют многочисленные подробности из жизни поэта или выбрасывают из памяти не менее значимые важные факты только потому, что из-за них они

сами могут оказаться в весьма невыгодном свете. А этого они допустить не могут. Не следует забывать о том, что подавляющее большинство воспоминаний о Высоцком составили люди, хорошо известные широкой общественности, главным образом актеры, или люди, которые беспокоятся о своей репутации.

Поворотной в публикациях о Высоцком признана книга Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет». По мнению многих высокоцковедов, книга была переломной, так как Марина Влади первой решилась рассказать правду о жизни Высоцкого, выявила те факты, которые умалчивали, на удивление искренне поведала историю их любви и супружеской жизни. Трудно не согласиться с такой оценкой. Книга эта действительно исключительная. По многим причинам. Форма обращения к Высоцкому — «ты» и решение написать книгу от второго лица создают необыкновенный климат, особую атмосферу, которая волнует и пленяет одновременно. В книге полно блестящих характеристик, весьма метких, кратких и ярких описаний и оценок — людей, событий, фактов. Огромное впечатление производит почти импрессионистический фон. Кроме того, книга эта написана с большой симпатией, даже любовью к России и к русским друзьям, для кого песни Высоцкого стали неразрывной частью жизни. Это просто замечательно, что женщина, являющаяся самой большой любовью Высоцкого, его Музой, человеком, к которому было адресовано большое количество его стихов и песен, решила рассказать о нем именно таким способом. Их любовь была легендой. Она вызывала восхищение и удивление. И такие же чувства пробуждает книга Марины Влади.

Но было бы преувеличением или даже ложью считать, что эта книга открыла какую-то большую правду о жизни

Высоцкого. Во-первых, ничего не открыла. То, что пишет о Высоцком Марина Влади, было известно давно. Заслуга вдовы Высоцкого, пожалуй, лишь в том, что она первой решилась рассказать о его драме в полный голос. Первой отважилась открыто сказать правду о нем. Но всю ли правду? И только ли правду? Вероятно, нет. Слишком много в этой книге неточностей, натяжек, это, как минимум, вызывающая дискуссии интерпретация фактов. Книга ранит многих людей, близких Высоцкому. Прежде всего его вторую жену — Людмилу Абрамову и сыновей Высоцкого, появление на свет которых Марина Влади считает результатом хитрости Людмилы Абрамовой, каждый раз ставившей, по ее мнению, в известность Высоцкого о том, что ожидает ребенка, только тогда, когда уже было поздно решать, нужно ли ему рождаться.

Такие инсинуации обидны не только для бывшей жены и сыновей поэта, но прежде всего для самого Высоцкого, так как его письма к Людмиле Абрамовой убеждают, что на самом деле все обстояло совершенно иначе.

А различные пустяки и мелочи... Марина Влади пытается убедить нас в том, что Высоцкий только благодаря ей был одет, обут, накормлен, имел всевозможные материальные блага. Бедный русский и богатая француженка. Может, это и романтично, но правдиво ли? Те, кто помнит, сколько концертов ежедневно давал Высоцкий, чтобы собрать деньги на свои автомобили, на подарки для своей любимой жены..., никогда не согласятся с подобными уверениями. Три, четыре и более концертов в течение дня, а между ними — короткие перерывы в тесной комнате за кулисами, где невозможно было просто даже нормально сесть, — так выглядела его работа на износ. После таких выступлений поэт кашлял кровью... На своем последнем концерте он не мог петь, но его выступления

ждали несколько тысяч зрителей. Он спросил: «Могу ли я выйти к вам без гитары?». Он долго говорил о своем творчестве, о театре, о ролях в кино. Его провожали аплодисментами.

Копание в деталях личной жизни, чрезмерное акцентирование внимания на быте, попытки выделить определенные дела и поступки — все это неприятно и не настолько важно, чтобы останавливаться на этом подробно. Невозможно не спросить у нее, а кому необходимо такое толкование фактов? Почему Марина Влади показала себя этаким доброй феей, без материальной поддержки которой существование Высоцкого было бы довольно убогим... А что по этому поводу делать с воспоминаниями друзей Высоцкого: «Володя прилетел из Соединенных Штатов. Дал там несколько концертов. Заработал тридцать семь тысяч долларов, но оставил их Марине, так как ей нужно было на лечение»? Что делать с признаниями самого Высоцкого, например, на тему того же интервью: «На Западе приходит ко мне журналист и говорит, что хочет взять у меня интервью. Платит три тысячи долларов»? А ведь его концертов, интервью, телевизионных программ, грампластинок на Западе было немало.

Еще в книге Марины Влади кроме ее вполне ощутимой любви к Родине Высоцкого отображен и видимый контраст между зажиточным, высокоразвитым Западом и Россией, образ которой воссоздан и показан как своего рода антицивилизация.

К тому же поведение Марины Влади после смерти Высоцкого ничем не напоминало о ее высокой культуре, вежливости и такте. Скорее наоборот, говорило о других, малопривлекательных чертах и манере поведения — защита собственных меркантильных интересов, мелочность,

обывательщина, снобизм. Более детальное их комментирование не является целью настоящей книги и выглядело бы неэтично.

Фактом остается, однако, то, что книга Марины Влади как литературное явление достойно признания и похвальных слов, но как явление фактографическое — немногого стоит. Можно ли верить всему другому, если даже описание первого свидания Высоцкого и Марины Влади вызывает большие сомнения? А ведь этого она не должна была забыть. Хотя каждый высококовед знает и может без труда назвать фамилии, как минимум, нескольких лиц, которые подтвердят, что время, место и особенности этой встречи были совершенно иными, нежели они представлены в книге Марины Влади. Один из знакомых Высоцкого определил это кратко: «Марина Влади написала сценарий. Не описала она то, как выглядела ее жизнь с Володей, а только то, как она хотела бы это видеть. И как подобает кинозвезде, в этом сценарии главную роль отвела себе. Я сильная — ты слабый, я могу — ты нет. Я без труда бросаю курить — тебя это злит. Ты не можешь. Может, она не пишет об этом прямо, но тем не менее... Это вызывает сожаление и смех одновременно»

Что ж, эта оценка, может, слишком строгая и эмоциональная, но объективная. Возможно, правду рассказали бы письма Высоцкого к Марине Влади, но на их публикацию французская актриса не имеет пока ни малейшего желания. А что с ними станет в будущем, этого, увы, никто не знает. Уходят люди, знающие поэта, а вместе с ними уходит и правда о нем. Это весьма печально. Печально и то, что вдова Высоцкого не приезжает на его могилу. Но, может быть, когда-нибудь изменит взгляды. Может быть, однажды приедет...

Единственное, приходится радоваться тому, что многие близкие и друзья Высоцкого написали и опубликовали правдивые воспоминания о нем. Людмила Абрамова опубликовала его письма. Без собственной цензуры, «без корректуры», с теми фрагментами, которые могут сегодня, по прошествии времени, вызывать определенные сомнения в справедливости ее тогдашних оценок, претензий и жалости к Высоцкому. Не побоялась их опубликовать, и нам за это остается только быть ей безгранично благодарными.

Ну, а самым большим счастьем, безусловно, является то, что сохранились песни Высоцкого, и именно в них содержится вся правда о его жизни. Сам поэт сказал как-то по этому поводу на одном из своих концертов: «Я получаю огромное количество писем с вопросами о моем отношении к различным делам, о том, что люблю и ценю, о том, чего не переношу, что меня раздражает. Все ответы вы найдете в моих песнях».

«ЗАСТЫВШИЙ ВУЛКАН...»

Одним из знаменитых фильмов с участием Владимира Высоцкого была комедия Александра Митты «Сказ про то, как царь Петр Арапа женил». За основу в фильме взято известное произведение А.С. Пушкина, рассказывающее историю Ибрагима Ганнибала, темнокожего предка поэта, которого привез из далекой Эфиопии царь Петр I. Первоначально фильм должен был называться «Арап Петра Великого», но из-за того, что режиссер роль Ибрагима доверил Высоцкому, название пришлось изменить. Неприязнь цензуры к Высоцкому тогда приобретала временами воистину формы паранойи. Цензоры не хотели пойти на то, чтобы слово «Арап», характеризующее героя Высоцкого, было первым и главным составляющим в заголовке фильма. Старое название заменили новым — «Сказ про то, как царь Петр Арапа женил». Оно оказалось чересчур длинным, что прекрасно почувствовали на польском ТВ, сократив его при случае — во

время демонстрации фильма в Польше — на несколько слов. В России же был сделан акцент на этот громоздкий заголовок, в связи с чем Высоцкий, говоря как-то по поводу названия данного фильма, горько заметил: «Я должен был стать главным героем этой истории, но вышло так, что я оказался после сказа, после царя Петра и к тому же — после запятой».

По существу же Высоцкий остался главным героем фильма, несмотря на то, что киношное руководство навязывало мнение, что на роль Ибрагима следует пригласить чернокожего актера. Впрочем, Александр Митта не поддавался на оказанное на него давление, верно мотивируя свое решение тем, что проблема, которую он поднимает в фильме, не является проблемой жизни иностранца в России, потому что Ибрагим Ганнибал пребывал в России с раннего детства (был крестным сыном царя Петра Великого), в совершенстве владел русским языком, был прекрасно образованным, сделал в России карьеру и внес немалый вклад в развитие русской науки, главным образом в области инженерии кораблестроения. К тому же он воспринимался режиссером, как и большинством его земляков, как русский, а не как эфиоп. Основной проблемой, рассматриваемой режиссером Александром Миттой в фильме, были взаимоотношения между интеллигентом-вольнодумцем и властью — царем. Фильм иллюстрировал, какой была их настоящая любовь к Отечеству и как по-разному это проявлялось. Точно так же воспринял главную мысль и Высоцкий. Но, увы, режиссер по причинам, которые трудно объяснить, почему-то решил представить эту проблему в жанре комедии. Высоцкий не принял этой концепции, чему, впрочем, трудно удивляться, и попытался напрямую доказать, какую большую душевную драму переживает его герой, несмотря на то, что его Ибра-

гим совершенно не примкнул к окружающим его комедийным персонажам, разыгрывающим на его глазах комические ситуации, в которых, впрочем, и он активно участвовал. О, чудо, временами складывалось впечатление, что герой Высоцкого перепутал все планы фильма, так отчетливо он вырывался из общей сценографии, а его актерская игра отнюдь от этого не пострадала, скорее, даже наоборот. Созданный Высоцким образ выигрывал в результате возникшего конфликта между точкой зрения героя, показанной режиссером, и исполнением главной роли, ибо на фоне персонажей, которые вечно затевали интриги и попадали в забавные перипетии, Ибрагим казался еще более одиноким и опечаленным, его тоска была еще более доминирующей в свете разыгрывающихся на экране комедийных ситуаций, и благодаря этому его драматизм выделялся с необыкновенной экспрессией.

Высоцкий так никогда и не смирился с режиссерской трактовкой событий фильма. «Я хотел показать драму человека, — говорил он, — историю его падения после того, как Ибрагим осмелился противоречить воле власти, и его бунт, — потому что именно так я воспринял проявление им непослушания по отношению к царю, — а получилось, что меня просто втянули в какой-то жалкий водевиль».

В ходе подготовки к киносъемкам Высоцкому выделили инструктора по фехтованию, который собирался дать ему несколько уроков владения шпагой, так как именно этого умения требовали некоторые сцены фильма. Первоначально намеревались, правда, воспользоваться услугами каскадера, но быстро отказались от этой затеи, потому что Высоцкий настоял на этом.

Не секрет, что Владимир Высоцкий принадлежал к числу тех актеров, которые сами выполняют опасные трюки на съемочной площадке и никогда не пользуются помощью каскадеров. Уже в одном из своих первых фильмов, который назывался «Штрафной удар» (1963 год. — *Примеч. автора*), Высоцкий сам исполнял акробатические сальто и умел ездить верхом. Именно тогда, во время съемок «Штрафного удара», он серьезно повредил ногу, упав с лошади, в результате чего долгое время хромал. По этой причине он не служил в армии, несмотря на то что получил в призывном пункте направление на боевой корабль.

Прекрасную физическую форму Высоцкий имел благодаря не только своим юношеским увлечениям, связанным со спортом, но также подготовке к театральным ролям, во время которой обязательными были занятия гимнастикой. Так называемый крокодил на одной лапе — коронный номер Высоцкого. Это упражнение заключалось в том, чтобы удержать тело параллельно линии земли, опираться при этом только на одну руку. В спектакле «Жизнь Галилея» по Бертольту Брехту Высоцкий произносил целый монолог, стоя на голове...

Главный режиссер Таганки Юрий Любимов придавал огромное значение физическим занятиям актеров своего театра. Это был режиссер, заполнявший все сцены спектаклей непрерывными движениями актеров или, по крайней мере, их видимостью. Но по отношению к Высоцкому ему случалось отступать от этого правила, ибо он быстро понял, что кроме прекрасной физической формы самым эффективным оружием Высоцкого является голос. В своей последней театральной роли (это роль Свидригайлова из «Преступления и наказания») Высоцкий был так статичен, что некоторых критиков подобный рисунок роли понача-

лу просто шокировал. Актер практически не двигался с места, на сцене царил полумрак, поэтому и мимики зрители почти не видели. Только голос был единственной доминантой этой роли. Только при помощи голоса Высоцкий мог сказать многое — начав с очень бурных, стремительных, полных экзальтации, почти агрессивных интонаций и закончив тихими, нежными, даже утонченными, едва привлекающими внимание менее искушенных зрителей. Все же замысел удачный, а критики потом согласились с тем, что не было, пожалуй, чувства, настроения, состояния души, которых бы Высоцкий не смог передать и сыграть при помощи одной только интонации.

Игра в большинстве спектаклей Таганки и в некоторых фильмах требовала от Высоцкого постоянной физической подготовки. Он с удовольствием исполнял сложнейшие и часто небезопасные трюки, неоднократно демонстрируя полное самопожертвование и не теряя при этом хладнокровия даже в самых тяжелых и непредвиденных ситуациях. Когда во время съемок одной из сцен фильма «Интервенция» он неожиданно стал падать с балюстрады высотой в несколько метров, то не потерял самообладания и, уже падая, крикнул оператору: «Снимай!», понимая, что настоящего случайного падения не заменит даже прекрасно сыгранная и смонтированная сцена.

В фильме «Сказ про то, как царь Петр Арапа женил» Высоцкому пришлось несколько раз действовать шпагой, поэтому для него выделили опытного инструктора-тренера по фехтованию, который сегодня восторженно рассказывает об этих занятиях: «Когда Владимир Высоцкий снимался в фильме Александра Митты, он уже был очень знаменитым актером. Я, конечно, много о нем слышал, но возможность встретиться лично впервые появилась только сейчас. Это было неожиданно не только для меня,

но и многих других, не скрывающих своего удивления при первой встрече с Высоцким. Меня представили худому, невысокому, скромному мужчине. Он был совершенно не таким, каким я его представлял. Сила и экспрессия его голоса, в который была влюблена тогда вся страна, герои его песен, от имени которых он обращался к слушателям, миф, образовавшийся вокруг его личности, настроили меня на то, что я увижу высокого, атлетически сложенного человека. Допускал я и то, что он будет уверен в себе, сохраняя при этом дружелюбность и открытость. А между тем человек, с которым меня познакомили, показался мне скорее замкнутым, малоразговорчивым и даже удрученным. И только при более близком знакомстве с ним оказалось, что за поверхностным спокойствием, грустью серых глаз прячется застывший вулкан...

Когда он взял в руку шпагу, то сделал это с таким достоинством, как будто его ждап смертельный бой и как будто это был для него не обычный урок фехтования на съемочной площадке, а настоящая дуэль, решающая его судьбу. Если говорить о шпаге, то у него уже тогда было какое-то понятие, потому что он справлялся с ней совсем недурно, хоть и были, конечно, необычайные амбиции и темперамент. Однако все зашло, пожалуй, слишком далеко — он очень серьезно, слишком серьезно воспринял нашу тренировку. Его целиком захватил дух борьбы. Он с такой энергией и удивительным натиском напирал на меня, что я понял: если только отвечу на его атаки, то мы можем ранить друг друга... Поэтому решил использовать свое профессиональное преимущество и сделать такой маневр, который дал бы ему возможность понять, какие весьма неравные у нас шансы в этой конфронтации. Одна уловка, подъем ладони — и Володя не попадает в мою

шпагу. Снова стремительная атака Володи, снова его наступление, снова увертка с моей стороны и его промах. Шаг вперед, вытянутая рука — и теперь моя шпага застывает около его лица. В третий раз то же самое. Я ухожу от удара — Володя промахивается. Потом финт, атака — и еще раз я демонстративно держу шпагу на расстоянии всего лишь нескольких сантиметров от его лица. То же самое еще несколько раз. Наконец Володя смотрит на меня вопросительно. «Хочешь это повторить? — спрашиваю я у него. — Тогда не спеши, следи за моими действиями...». Он молча кивает головой в знак согласия. Потом мы уже спокойно тренируемся, я ввожу его в тайны этого весьма интересного искусства борьбы.

Переодевшись и сложив инвентарь, после тренировки выхожу из студии и дохожу до легендарного «Мерседеса» Высоцкого, незаметного в полумраке улицы. Его дверца открыта, мотор включен. «Ну, да, — думаю я, — сейчас придет режиссер или кто-нибудь из актеров, или еще кто-то, любой из них, кто хочет побыть в его обществе хотя бы несколько мгновений. У меня тоже было это счастье, но ничего хорошего из этого не вышло, Высоцкий наверняка на меня обиделся...».

Я неслышно прохожу около него, чтобы случайно не потревожить. Но пройдя несколько метров, замечаю, что «Мерседес» тихонько, очень медленно сдвинулся с места. Когда он поравнялся со мной, через все еще открытую дверцу я услышал знакомый хриплый голос Володи: «Долго вас еще ждать, учитель?»».

«ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК»

В последние месяцы жизни Высоцкого жизнь его друзей, родных и знакомых была исполнена предчувствием беды. В любую минуту все могло кончиться.

В этом не было ничего метафизического, состояние здоровья поэта ухудшалось буквально с каждым днем, а за год перед кончиной — день в день — 25 июля 1979 года он пережил клиническую смерть. После этого при нем постоянно дежурили врачи.

Врачи находились за кулисами в театре, дежурили в его квартире. Именно поэтому, хоть и звучит несколько парадоксально, но до сегодняшнего дня некоторые поклонники поэта считают, что его смерть была спланирована кем-то из верхних эшелонов власти, что ему помогли умереть. Странно, что, по существу, без всяких попыток реанимации умирает человек, при котором постоянно находится врач. Удивительно и то, что умирает не потому, что нельзя уже ничего сделать, чтобы его спасти (вопрос «Мож-

но ли было спасти Высоцкого?» до сих пор остается без ответа), а только потому, что дежурящий при нем врач засыпает!!! Было ли это специально подстроено или только лишь говорило об отсутствии чувства долга и ответственности со стороны эскулапов? Сам же Высоцкий когда-то довольно горько оценил оказанные ему врачебные услуги: «Они не лечат меня, не заинтересованы в том, чтобы помочь мне, а только чтобы потом похвастаться, что они лечили Высоцкого!».

В последний период жизни Высоцкий находился в страшно подавленном состоянии. Этому способствовали многие обстоятельства. Маразм времени, в котором пришлось ему жить, становился невыносимым. Страну покидали артисты, художники, писатели, музыканты. Игорь Шевцов, который познакомился с Высоцким за семь месяцев до его смерти, вспоминает: «Мы сидели у меня дома. Наш разговор был удивительно тосклив, с чувством безнадежности или чего-то в таком духе... Я рассказал Володе, что Аксенов (писатель. — *Примеч. переводчика*) уезжает на Запад. Навсегда. Володя задумался. «Жаль», — прошептал он. Я хотел его утешить: «Но ты и так сможешь видеться с ним там». Володя покрутил головой: «Речь не об этом. Жаль, что он уезжает отсюда, что не остается».

Запад, который когда-то мог быть воспринят поэтом, как какой-то символ свободы, стал действовать на него угнетающе. Летом Париж его раздражал. В конце жизни он писал:

Уже в Париже — неуют,
Уже и там витрины бьют,
Уже и там — давно не рай,
А, как везде, — передний край.

Запад уже не был спасительным лекарством на его русские недомогания. Тем более, что после многолетнего

знакомства с прелестями жизни там, оказалось, что Россия не превзошла Запад в бюрократии и развитии аппарата власти. Игорь Шевцов подытоживает: «Володя рассказывал мне о том, что недавно он просил в Париже открыть себе визу в Новую Зеландию. Ему ответили, что он должен еще подождать, так как, чтобы ее получить, нужно прожить в Париже, как минимум, два месяца. Володя сделал вывод: «Это бессмысленно». И тут же смирившись, он махнул рукой: «А что там! Чем меньше страна, тем больше бюрократия». Потом он рассказал мне о том, как Панов ставил в Париже балет по книге «Идиот» Достоевского. На премьере были толпы. Овации стоя. А на другой день пришло несколько человек. Володя грустно вздохнул: «Не потому, что спектакль был слабый. Просто не было знатоков».

Высоцкий знал, что такого числа любителей, такого интереса к поэзии, какое характеризует Россию, больше нет нигде. Но не только поэтому он не хотел покидать Отчизну. Он был, как написала Марина Влади, просто неисправимым патриотом. Но Россия, его любимая Россия была погружена во мглу. И во мрак. Над ней как бы висела вечная полярная ночь. Как в его песне «Белое безмолвие»: снег, лед, холод и пустота. Впрочем, эти образы появлялись во многих песнях Высоцкого, от горько-задумчивой песни «Гололед» и до последнего стихотворения, посвященного Марине Влади:

Лед надо мною — надломись и тресни!
Я весь в поту, хотя не от сохи..

Это чувство еще более усиливало постоянно ухудшающееся состояние его здоровья. К проблемам — с сердцем, с зависимостью от алкоголя и наркотиков, с не-

однократно сорванным голосом добавились еще проблемы с ногой.

Фотограф Юрий Кадобнов, который за четыре месяца до смерти актера по просьбе своих друзей фотографировал его на концерте 27.03.1980 г., вспоминает: «Думаю, что фотографирование мешало Владимиру Высоцкому. Я много снимал, и постоянные блики от вспышки и щелканье фотоаппаратом, должно быть, его раздражали и выбивали из колеи, когда он пел. Но что мне оставалось делать? Я хотел, чтобы у меня были эти снимки. Владимир Высоцкий вначале спокойно реагировал на мои действия, терпеливо их переносил. Но где-то после часа пения он улучил момент между песнями и та-а-ак на меня посмотрел! Никогда этого не забуду! Я храню фотографию с тем его гневным взглядом. Потом был короткий перерыв. Высоцкий отвечал на вопросы из зала и пел еще больше часа. Только когда уходил со сцены, я заметил, что он довольно сильно хромает. А ведь весь концерт пел стоя...».

Даже на знаменитые шутки, чтобы поднять себе настроение, в последние месяцы жизни у поэта не осталось сил. Был угнетен. Хотел уйти из театра. Отношения с Любимовым и актерами становились все хуже. Одна из знакомых Высоцкого вспоминает разговор с ним, который она не может забыть: «Володя где-то подвозил меня. У него были проблемы, состоялся какой-то бурный разговор с Любимовым... Говорил мне об этом с обидой — об их конфликте. Я пробовала его успокоить, а он все говорил и говорил, нервничал. Наконец успокоился. Я не знала, что ему сказать. Молчала. Видела, что он подавлен. Володя посмотрел на меня с удивлением: «Почему молчишь? Марина в таких случаях кричит».

Радостных событий в жизни Высоцкого было все меньше. И все меньше оставалось того, что могло бы его утешить. Он находился в каком-то странном состоянии — не то апатии, не то надлома, не то отрешенности. Вот что вспоминает друг поэта Владимир Шехтман: «Последний день рождения Володи был очень грустным. Мы сидели втроем: Володя, его импресарио Валерий Янкович и я. Не было ни одного проблеска радости. Было ужасно тоскливо».

Владимир Шехтман считает, что в последние месяцы жизни у Высоцкого все его проблемы завязались в своеобразный гордиев узел: «Из театра Володя практически ушел, играл только Гамлета, разбил спортивный «Мерседес», о чем сильно сокрушался, потом разбил еще один «Мерседес»... К Марине в Париж, как мне кажется, в последний раз он не хотел лететь. К тому же опоздал на самолет! Но, правда, таможенники, диспетчеры полетов, обслуживающий персонал аэропорта — все его знали. Когда он собирался уходить, сказали: «Подожди, Володя», взяли телефонную трубку: «Диспетчер? Просим поддержать рейс на Париж», ну и Володя тогда улетел».

Могло ли хоть что-то изменить его состояние? Могло ли хоть что-либо вытянуть поэта из депрессии? Сегодня трудно ответить на эти вопросы. Незадолго до смерти он сам говорил друзьям: «Ничто не поддерживает мой дух, ничто не радует. Вокруг мрак. Вдохновляюсь, только когда пишу новую песню... ночью...».

Высоцкий чувствовал неотступно приближающуюся смерть. Старался вернуть знакомым взятые у них в долг вещи (например, драгоценную брошь, которую хотел оценить у ювелира и потом выкупить для Марины Влади). Хотел отдать долги, однако всех не вернул, их было слишком много... Другие тоже знали о том, что приближается

его смерть. Они предчувствовали... Некоторые друзья поэта делали все, чтобы сохранить для потомков его творчество. Вспоминает Игорь Шевцов: «Я сказал ему как-то: «Володя, ты должен отредактировать и записать свои произведения на профессиональном оборудовании. Тебе это необходимо, так как я, например, совершенно не могу тебя представить шестидесятилетним». Володя тогда посмотрел на меня печально и ничего не ответил».

Высоцкий неоднократно соприкасался со смертью в течение своей короткой, длившейся без малого 42 года жизни. Пережил клиническую смерть, несколько раз попадал в больницу в почти критическом состоянии. Впрочем, попадал поэт в клиники часто. И так же часто убегал оттуда. Так, сбежал в мае 1980 года, чтобы прилететь в Варшаву и сыграть для польских зрителей Гамлета. Через два месяца поэт умер.

Со смертью Высоцкого русская и европейская литература понесла огромную потерю. Ибо не было в России другого такого творца, который мог столь блестяще отразить специфику времени, творца, который так чувствовал человеческие драмы, который так горячо и активно упоминал об элементарных правах человека, так отважно выступал против системы, поработавшей людей.

Андрей Дравич как-то сказал о том, что в русской литературе его восхищает более нигде, ни в какой другой литературе не встречающееся человековедение. Человековедение Высоцкого было феноменально. Феноменальным был и его лингвистический слух, феноменальным было представленное им знание и умение обращаться с живым русским языком, тем, которым говорила улица, тем, которым говорили в каждом русском доме. Рифмы в поэзии Высоцкого — это еще один связанный с ним феномен. Так же, как весьма интеллигентные и зачастую

очень двусмысленные метафоры. И юмор — тонкий, рафинированный, изысканный.

Его поэзия, достигая вершин художественного мастерства, вместе с тем была обращена к делам и проблемам, на первый взгляд, приземленным, мелким, повседневным. Была адресована маленькому человеку, о правах которого он постоянно и неустанно напоминал. Высоцкий отважился вознести прозу человеческого существования в ранг поэзии. Он не надеялся на похвалы, награды и почести.

И хотя во все светлое верил,
Например, в наш советский народ,—
Не поставят мне памятник в сквере,
Где-нибудь у Петровских ворот,
 . Но я не жалею!

Так писал Высоцкий, хоть, впрочем, наверное, несколько лукавил. Но он был не прав. В пятнадцатую годовщину смерти — 25.07.1995 года — состоялось открытие памятника поэту на Страстном бульваре в Москве. Страстной бульвар находится между улицей Тверской, Петровским бульваром и улицей Петровка. Именно там воздвигнут памятник Высоцкому. У Петровских ворот... А еще есть корабли, носящие имя поэта, есть горные перевалы, названные его именем альпинистами, покорившими их первыми. Есть планета «Владвысоцкий». Есть улицы Высоцкого... Есть огромная, ни с чем не сравнимая слава. Слава и официальное признание, которое, увы, пришло слишком поздно... Хотя... поздно ли на самом деле? Чиновники редко успевают за художниками и вообще людьми искусства. Усложняя и укорачивая им жизнь, они занимают для себя место в истории. Кто помнил бы о них, если бы не тот факт, что «благодаря» им многие люди искусства вынуждены были покинуть этот мир преждевременно.

Высоцкий же снискал себе невероятную славу. Он завоевал славу, признание и любовь миллионов поклонников не только в России, но и во многих других уголках мира. Наверное, только потому, что он остался в глубине своей души романтиком, не взирая на окружавшую его жестокую и маразматическую реальность. Высоцкий был романтиком. Вероятно, последним в русской поэзии. Смерть Высоцкого стала шоком для почитателей его таланта, но сам он к ней, несомненно, был готов. Он провоцировал приход смерти не раз. Он хотел заглянуть за горизонт человеческого предназначения. Один из его друзей — Борис Диодоров — недавно признался: «Как-то Володя подвозил меня на своей машине домой. И тогда он сказал мне такое, что меня потрясло до глубины души. Во время разговора он неожиданно оборвал предложение и замолчал. А потом крепко сжал руль и, глядя куда-то вдаль перед собой, сказал: «Хотел бы сейчас гнать по шоссе. Быстро, очень быстро. Почти лететь. И хотел, чтобы навстречу ехала другая машина. И чтобы тоже неслась. Прямо на меня. Лоб в лоб. Лицом к лицу. Интересно, свернул бы этот кто-то или нет?».

Именно об этом размышлял поэт. Думал, что сделал бы едущий прямо на него шофер. Над собственным выбором не задумывался.

«...БИ-БИ-СИ ДО УТРА ПЕРЕДАВАЛА ЕГО ПЕСНИ»

Весть о смерти Высоцкого, почти незамеченная советскими средствами массовой информации, разнеслась молниеносно по всей России (и не только, по всему тогда Советскому Союзу — *Примеч. переводчика*). Это стало возможным благодаря западным медиа и московским телефонисткам.

Когда о смерти Высоцкого узнали его наиболее близкие друзья, тотчас возник вопрос: кто сообщит эту прискорбную весть семье поэта? Валерий Янклович вспоминает: «Я сказал тогда, что отцу еще смогу позвонить, но маме Володи — нет... Потом приехал Вадим (Туманов. — *Прим. автора*), я позвонил отцу, а Вадим — маме. Затем появилась новая проблема: кто позвонит Марине? Наш выбор окончательно пал на Севу (Всеволода Абдулова. — *Примеч. автора*), это он сказал Марине, что Володи нет. Но когда я звонил в Париж, то телефонистки слышали, что я говорил... От них об этом узнала вся Москва». Конечно, не только

благодаря телефонисткам жители Москвы узнали о смерти Высоцкого. Сохранилось много воспоминаний, свидетельствующих о том, что они были не единственными. Один из знакомых поэта рассказывает, как, мчась с недоуменной скоростью по московской улице, он был задержан милиционером. Это было 25 июля. Нарушитель умоляющим голосом стал объяснять: «Товарищ сержант, простите, но я еду на Малую Грузинскую (на этой улице стоит дом, в котором жил поэт. — *Примеч. автора*), Высоцкий умер». И охранник общественного порядка тут же включил рацию: «Ребята, Высоцкий умер!», одновременно при этом делая отмашку на проезд.

Кто-то другой вспоминает, как, будучи журналистом, аккредитованным на проходивших тогда в Москве Олимпийских играх, получил по рации от литовского коллеги сообщение о смерти поэта: «Мы все были застигнуты врасплох этим и не могли выдать из себя ни слова. Юрис — наш коллега, решил, что техника барахлит, и поэтому еще раз повторил (а на этот раз прокричал): «Высоцкий умер!!! Как поняли?! Прием!».

Друзья поэта в своих воспоминаниях о нем многократно говорят, что утверждения Марины Влади, содержащиеся в книге «Владимир, или Прерванный полет», подлежат сомнению. Например, Всеволода Абдулова, который был очень хорошим другом не только Высоцкого, но и самой Марины Влади, по известной ей одной причине она преподносит как «незнакомого», так как констатирует, что о смерти поэта ей сообщил по телефону какой-то чужой голос.

Таких погрешностей в книге французской актрисы довольно много. Каждая из них заставляет задуматься над правдивостью и ценностью ее произведения. Увы, искажение фактов хода реальных событий в книге Марины

Влади замечают только специалисты, только знатоки, только высококоведы. Остальные читатели воспринимают это произведение фантазии как реальность. Выпустив книгу «Владимир, или Прерванный полет», Марина Влади тем самым оставила под знаком вопроса правдивость всех остальных своих воспоминаний, рассказов и высказываний о Высоцком. А посему, если воспользоваться мудростью Библии, «тому, кто раз солгал, кто-то да уверит».

Узнав о смерти Владимира Высоцкого, Марина Влади прилетела в Москву. Ей пришлось решать серьезные нотариальные вопросы, связанные с правом собственности на квартиру, дачу и две машины поэта, с долгами Высоцкого, составляющими немалую по тем временам сумму в 28 тысяч рублей, с оплатой за церемонию погребения. В конечном итоге в квартире сына стала жить мама, дачу снесли, а два автомобиля Высоцкого Марина Влади решила продать, чтобы рассчитаться с долгами и оплатить похороны. Как видно, и за эту последнюю церемонию поэт вынужден был заплатить сам...

Смерть Высоцкого погрузила Россию в общенародную скорбь. Конечно, наяву выразить свое безграничное горе могли только жители Москвы. Остальные граждане великой империи у себя дома тоже переживали преждевременный уход из жизни своего кумира. Для одних и для других это было большим ударом...

Относительно недавно журналист газеты «Вечерняя Москва» донельзя лаконично и убедительно описал реакцию молодого поколения россиян на смерть Высоцкого. Напомнил, что студенты находились тогда (это было во время каникул) на дачах, дома у родителей, в летних походах, в студенческих стройотрядах. Многие скрашивали жаркие и душные июльские вечера прослушиванием западных радиостанций. Одной из первых о безвремен-

ной кончине Высоцкого сообщила редакция Би-Би-Си. Корреспондент упомянутой газеты так описал это событие: «Студент где-то витал в облаках под льющуюся из динамика музыку. Ее неожиданно прервал голос диктора: «В Москве преждевременно скончался известный актер (студент попытался сконцентрироваться), поэт (студент слушал с растущим напряжением), исполнитель собственных песен (его сердце учащенно забилось) Владимир (еще не верил, что это возможно) Высоцкий»» (без комментария).

А потом Би-Би-Си до утра передавала его песни. Одну за другой, не мороча никому головы сводками новостей».

Похороны Высоцкого состоялись 28 июля. Накануне вечером перед Театром на Таганке начали собираться люди. Но ближе к часу ночи их стали разгонять при помощи бронетранспортеров — так называемых водометов. Рано утром 28 июля перед театром вновь собирались толпы. Где-то около 10.00 они сформировали многокилометровый ряд, напирая на расставленные милицией охранные ограждения. В нескольких местах барьеры протаранили. Были слышны крики, ситуация становилась все более напряженной.

А в это время на сцене Таганки стоял гроб с телом того, кому в последний раз пришли поклониться бесчисленные почитатели. Никто тогда точно не сосчитал, сколько их было. Сегодня говорится, что около ста тысяч, но некоторые участники тех событий называют цифру в триста-четырееста тысяч. Чтобы не дошло до беспорядков, территорию охраняли многочисленные отряды милиции, была мобилизована конная милиция. Время от времени происходили мелкие стычки. Когда с фасада театра убрали портрет Высоцкого, к которому все время приносили цветы, толпа начала скандировать: «Позор! Позор! Фашисты!

Фашисты!», грозно вздымая вверх стиснутые кулаки. Портрет вывесили вновь.

Люди толпились на балконах, крышах, окрестных киосках. В театре около гроба возвышались горы цветов. Вениамин Смехов рассказывает: «В какой-то момент Юрий Любимов попросил, чтобы часть венков унесли — их было слишком много. Я запомнил такую картину: все происходило как бы в замедленном темпе. Венки уносили и уносили, но их все время было столько же, как будто они постоянно вырастали где-то из-под земли и продолжали множиться над сценой».

На Ваганьковском кладбище похоронную церемонию тоже караулили толпы. Там установили охранные ограждения... Боль утраты по поэту принимала все более экзальтированные формы.

Юрий Любимов по прошествии нескольких лет в разговоре с Валерием Перевозчиковым признался: «Это ужасно, но Володе выкопали очень глубокую яму для погребения. Очень глубокую. Гробовщики специально копали так глубоко, говорили, что благодаря этому гроб сохранится...».

Конечно, такое истерическое поклонение фанатов Высоцкого может удивлять и даже шокировать. Но гораздо более шокирующим является одно откровение Марины Влади, рассказанное Валерию Перевозчикову Баранчиковым: «Я поехал на Малую Грузинскую 27 июля. Вечером мы с Мариной сидели на кухне и пили вино. Марина сказала: «Володя...?! Я ведь уже и так его похоронила. Для меня он умер полгода назад». Я прервал ее: «Марина, что ты говоришь!». А она мне: «Ах, перестаньте вы носиться с этой вашей русской сентиментальностью! А кем бы он вообще был без меня... Это ведь я показала ему весь мир».

Таков был рассказ господина Баранчикова. А Валерий Янклович заявил: «Марина просто поразила меня, твердя о том, что она хочет забрать с собой сердце Володи. Я спросил ее: «А как ты себе это представляешь?». Она ответила: «Нормально. Пусть хирург его вырежет и отдаст в мои руки. И вообще мне нет дела до того, что у вас подумают по этому поводу».

Кстати говоря, Валерий Янклович был одним из тех друзей Высоцкого, которые поддерживали его до самой последней минуты, даже тогда, когда он становился невыносимым. Валерий Янклович отличался еще и завидным хладнокровием в наиболее кризисных ситуациях, наблюдавшихся после смерти поэта. Предчувствуя обыск в квартире Высоцкого, он успел убрать из плафонов люстры ампулы из-под наркотиков (поэт их всегда там прятал).

Множество дел, не терпящих отлагательства, помогли друзьям поэта пережить самые тяжелые мгновения. Всеволод Абдулов говорит, что смерть Высоцкого была для него таким страшным ударом, что если бы не множество обязанностей, то он бы просто сошел с ума. Однако позже и ему пришлось смириться с мыслью о том, что Высоцкий больше никогда не постучит в его дверь, не позволит, не пожмет руки.

А для Высоцкого с 25 июля наступила своеобразная жизнь после жизни, появились тысячи публикаций, сотни кассет, грампластинок, компактдисков, книг. Появились шведские, немецкие, итальянские (и польские. — *Примеч. переводчика*), английские, финские, французские, еврейские и другие исполнения его произведений, появились фестивали, дни, слеты и обзоры, посвященные ему, балетные спектакли по мотивам его песен.

Но это уже материал для другой книги...

«...ЕГО ПРИВЯЗАЛИ ПРОСТЫНЯМИ К ТАХТЕ» (ВМЕСТО ЭПИЛОГА)

Почти сразу же после смерти Высоцкого в Москве зародились слухи о предполагаемых причинах его преждевременного ухода. Слухи эти, впрочем, быстро долетели и до заграничных поклонников поэта. Но все время они казались нелепыми, и аргументы тех, кто с завидным упорством их распространял, не выдерживали даже самой слабой критики. Несмотря на то, что зачастую повторяли их известные люди. Поэт Владимир Солоухин в своем стихотворении, посвященном великому поэту, допустил ошибку, относящуюся к месту смерти Высоцкого. Он утверждал, что Высоцкий умер в больнице, что было нонсенсом, так как никому не составляло большого труда установить место кончины артиста. А умер он, как известно, в своей московской квартире.

В потоке слухов и домыслов были, однако, и такие, которые не только специалистам казались весьма правдоподобными. И как вы-

яснилось позже, не без оснований. Кое-где говорилось о том, что Высоцкого в периоды его алкогольных безумств часто связывали веревкой и что в последнюю ночь его попросту не развязали, несмотря на настойчивые просьбы. Говорили даже, что Высоцкий не умер, а был убит (!). Эти предположения тоже не были лишены смысла.

Официальная же версия гласила: причиной смерти Высоцкого стал инфаркт сердца, который наступил во сне. Близкие люди, окружавшие поэта, не разрешили везти его тело на вскрытие в морг. Сделали это единственно с заботой о том, чтобы сохранить тайну о его зависимости от наркотиков.

Высоцковед Валерий Перевозчиков недавно нашел информацию от анонимного источника из Министерства Внутренних Дел Российской Федерации, который сообщал, что в последние годы жизни Высоцкого КГБ и МВД знали о том, что поэт употреблял наркотики. Конечно, друзья Высоцкого могли предположить, что службы эти не располагали информацией на эту тему. Хотя могли препятствовать вскрытию тела и по другим причинам...

В последние дни жизни актера в его квартире находилось много людей. Сын Высоцкого — Аркадий по прошествии времени так оценивает этот факт: «После неудачной встречи с отцом (Высоцкий был в плохом состоянии. — *Примеч. автора*) я решил встретиться с ним вновь. Дверь мне открыл Валерий Янклович. Были там еще Нисанов, кажется, был и Игорь Годяев (Годяев работал санитаром. — *Примеч. автора*), но Янклович стал деликатно выталкивать меня за дверь. Я видел, как за его плечами прошел отец и спросил: «Кто пришел?». Я сразу сориентировался, что папа чувствовал себя еще хуже, чем накануне... Я хотел войти и хоть как-то ему помочь, но Валерий Янклович довольно категорично, хоть и вежливо выпроводил меня

на лестничную площадку... Он закрыл дверь в квартиру и начал меня убеждать, что сейчас они повезут отца в больницу, что все это довольно тяжело... Мы стояли так минут десять. Янклович настаивал, чтобы я вернулся домой, не нервничал, а утром позвонил... Конечно, я понимаю, что все совершенно по-разному в те дни относились к отцу. Одно их, пожалуй, сближало: все они были им слишком утомлены. При этом некоторые хладнокровно выманивали у него деньги... А некоторые действительно переживали за него...».

Валерий Янклович позже скажет: «Володя на самом деле был тогда невыносим. А мы были всего лишь людьми...». Оксана Ярмольник обратит внимание: «Больше всего меня потрясло и самым обидным для меня было то, что никто не хотел с ним остаться! Приехали, посидели, поели, попили чаю — и пошли домой. Ни у кого не было охоты сидеть с Володей и не спать по ночам...».

Упомянутое выше наведывание к отцу Аркадия Высоцкого имело место 24 июля. Друзья Высоцкого не сдержали слова и не увезли поэта в больницу. С одной стороны, их поведение можно понять. Валерий Янклович многократно слышал от Высоцкого слова: «Валера! Запомни: не дай Бог, чтобы ты завез меня в больницу! Это будет конец! Конец нашей дружбе!». Однако, с другой стороны, благополучие поэта разве не было для него высшей ценностью? Рождается риторический вопрос: не только ведь Янклович мог отвезти поэта в больницу? Были в его окружении санитар — Игорь Годяев и врач — Анатолий Федотов. Последний — даже большой специалист, доктор медицинских наук.

24 июля Высоцкого навестил Всеволод Абдулов: «Я вернулся в Москву и сразу поехал к Володе. Володя все время держался за сердце». Оксана Ярмольник подтверждает

это: «Володя знал, что умрет... У него болело сердце. Я сказала Федотову: «Толя, у Володи болит сердце». А он на это: «С чего это пришло тебе в голову?» Я возмутилась: «Но ведь он все время держится рукой за сердце. Я ведь вижу, что оно у него действительно болит». Но Федотов возразил: «Сейчас же успокойся, у него такое здоровье, что он еще нас с тобой переживет». Тут стоит вспомнить упоминаемые в этой книге слова Высоцкого, адресованные одной из его партнерш по сцене: «Я плохо себя чувствую. Мне очень плохо. Но никто не верит, что мне на самом деле плохо».

В последние недели жизни поэт не мог рассчитывать и на помощь Марины Влади. В июле он звонил ей трижды. О последнем разговоре, который состоялся 17 июля, Марина Влади написала в своей книге. По ее рассказу, Высоцкий обещал ей тогда, что приедет в Париж. Спрашивал у нее, хочет ли она еще видеть его. У него были билеты и виза на 29 июля. 27 июля он должен был играть Гамлета...

Однако ни одним словом не вспомнила французская актриса о других разговорах с Высоцким. Известно, что они также имели место три дня подряд: 1, 2 и 3 июля. О чем? Валерий Перевозчиков, который восстановил даты, но не привел продолжительности по времени разговоров, допускает, что они могли касаться похорон Тани — сестры Марины Влади (на которые, как известно, Высоцкий не поехал). Напомним, что поэт на этот счет объяснял друзьям: «Марина никогда не простит мне того, что я не прилетел на похороны Татьяны». Может быть, поэтому разговоров по-хорошему просто не было. Марина Влади бросала трубку. Отсюда трехкратная, предпринятая день за днем попытка уговорить Марину выслушать его... Как было на самом деле — об этом знает только Марина Влади.

Ночь с 24 на 25 июля была последней в жизни Высоцкого. Остались при нем Оксана Ярмольник и врач Анатолий Федотов. То, что Оксана находилась в квартире поэта, было еще одним свидетельством катастрофического состояния, в каком он находился. Она хотела быть при нем. Оставалась в его квартире и ночью накануне, чего не делала никогда ранее в присутствии матери поэта. Но на этот раз Нина Максимовна Высоцкая не только застала Оксану Ярмольник в квартире своего сына, но еще узнала, что она останется ночевать и что провела здесь предыдущую ночь. Вопреки предположениям, высказанным друзьями поэта, это не вызвало у его матери негодования или возмущения, что было для Высоцкого крайне важно. Несмотря на свое тяжелое состояние, он обратил внимание на реакцию матери и сказал тогда Валерию Янкловичу: «Видишь, а ты говорил мне, что мама никогда ее не примет...».

Оксана Ярмольник старалась всякими способами облегчить страдания Высоцкого. Однако ее возможности были ограничены, она могла сделать немного, ибо не была медиком. Несмотря на это, ее моральную поддержку можно смело назвать бесценной. Она признает, что состояние, в каком находился поэт, было фатальным: «Через каждый час Володя просыпался, ходил по квартире. Я тоже ходила вместе с ним, готовила ему теплые ванны. А сама я не знала, что можно сделать и как ему помочь. Утром (24 июля. — *Примеч. автора*) я пошла на рынок, купила клубники и накормила Володю клубникой со сметаной».

Оксана Ярмольник довольно мягко говорит о тяжелом состоянии Высоцкого. На самом деле он беспокойно шагал по квартире и, по мнению свидетелей, прошел в таком состоянии десятки километров. Когда он ходил, был,

по сути, в полусознании. Однако не всегда ходил. Часто метался по комнатам, пробовал выбегать на лестничную площадку... И прежде всего он не мог перевозмозгать нарастающую боль, громко причитал. Но и это еще не было самым страшным. Страшными были доносящиеся из его квартиры крики. В свою последнюю ночь Высоцкий тоже страшно кричал. Этажом ниже жил известный хирург, уролог профессор Мазо. На следующий день он должен был проводить важную хирургическую операцию. Так по крайней мере он утверждал. От него несколько раз звонили и просили, чтобы Высоцкий прекратил кричать. Оксана Ярмольник рассказывает: «Самым важным было для них, чтобы Володя не кричал... Люди уже ошалели от этого крика. А операция? Может быть, у Мазо не было никакой операции. Все было прекрасно, когда Володя был здоров, можно было пригласить его к себе... Похвастаться знакомством с ним: пожалуйста, это сам Высоцкий. Но когда Володя умирал... Тогда говорили: пусть замолкнет или заведи его к себе». Терпения и понимания не хватило не только профессору Мазо (кстати говоря, нельзя не подчеркнуть, что это был очередной врач из окружения Высоцкого, который, зная о его страданиях, не предложил ему соответствующей помощи). Не хватило его и тем, кто до сегодняшнего дня считает себя одним из самых близких друзей поэта. Благодаря признаниям Оксаны Ярмольник и исследованиям Валерия Перевозчикова мы знаем, что разговоры о жуткой ситуации, в которой оказался Высоцкий из-за некоторых людей, окружавших его, отнюдь не высосаны из пальца. Это очень горькое открытие. Нельзя, однако, узнать правду о жизни поэта, не приподняв завесу тайны в этом исключительно неприятном деле. Факты безжалостны и бескомпромиссны. Вечером 24 июля Высоцкий опять был связан, а точнее, его

привязали к тахте, на которой лежал. Оксана Ярмольник вспоминает: «На самом деле он уже всем надоел. Тогда взяли и привязали его простынями... к узкой тахте, чтобы не смог вырваться. Я сидела около него и плакала. Володя успокоился, и я стала его развязывать... И вдруг он открыл глаза — совершенно ясные, спокойные... И сказал: «Оксана, перестань плакать. К черту их всех...». А потом добавил: «Когда умру, что тогда будет с тобой?». Я ответила, что тогда тоже умру...».

Врач Анатолий Федотов пытался вывести Высоцкого из этого беспокойного состояния. Прибегал к разным способам. Может быть, той ночью, в кульминационный момент трагедии Высоцкого, в калейдоскопе событий и спешных решений методы, применяемые доктором Федотовым, казались ему правильными. Сегодня, однако, их можно признать, в лучшем случае, вызывающими массу сомнений.

Анатолий Федотов признался по прошествии нескольких лет: «После часа ночи Валерий Янклович поехал домой, а Володя, как всегда, кричал: «А-а-а... О-о-о...». Я думал, что он успокоится. Должен был отвезти его в больницу... Почти всю ночь он не спал... Потом попросил у меня спиртного, откровенно говоря, я тоже с ним выпил ... стакан... Я устал, не было сил, измотался. Два часа... Володя все время был беспокоен...».

Около двух часов ночи Федотов к водке, которой накануне угостил Высоцкого, добавил еще шампанского. Попросил Валерия Нисанова, чтобы тот принес. Нисанов не отказал.

Выпив, Федотов уколол поэту успокоительное лекарство, после чего уснул, хоть и обещал Оксана Ярмольник, что будет дежурить около Высоцкого. Во всяком случае, позднее он утверждал, что уснул. Оксана Ярмольник не

может сегодня ни подтвердить, ни опровергнуть эту информацию. Она заснула тоже той ночью, будучи убежденной в том, что Федотов сдержит слово и будет все время около Высоцкого. Однако ошиблась: «Не знаю почему, но Толя перенес постель Володи из маленькой комнаты в большую. И Володю тоже перенес — и положил там... По всей видимости, он колот ему что-то, какое-то успокоительное... или давал алкоголь. Не знаю. Но Володя все время стонал и кричал. А потом вскоре вдруг оттуда неожиданно перестал доноситься шум. И когда это наступило, к Володе вернулся совершенно чистый, ясный, ничем не омраченный рассудок. Он сказал мне: «Ну чего ты плачешь? Не плачь, все будет хорошо...». Я ответила: «Володя, пойду немножко посплю». Он поддакнул: «Хорошо, иди поспи...». И уходя, я спросила Толю, не будет ли он спать. Он ответил, что посидит около Володи... Казалось, что я только заснула, как в комнату вбежал Толя с криком: «Оксана! Володя умер!». Ничего не понимая, я встала и побежала к Володе. Володя лежал. Я кричала: «Толя! Толя! Давай сделаем искусственное дыхание». Толя ответил: «Это конец! Слишком поздно!». Тело Володи было уже холодное. Возможно, прошло около двух часов».

Другой знакомый врач Высоцкого — Станислав Щербачков, узнав об обстоятельствах смерти поэта, впал в страшный гнев: «Я жутко разозлился, когда на работе 25 июля мне сообщили, что Володя умер. Ведь он уже 23 был в состоянии отравления успокоительными лекарствами. Полная потеря сознания, нарушение кровообращения, дыхания, отсутствие реакции на внешние раздражители. И если 25 июля ситуация была аналогичной той, которая была 23, а скорее всего, была полностью аналогичной, то Высоцкий умер в результате удушья. Имело место так называемое западание языка, он попросту не

смог дышать. Был полностью расслабленный, обессиленный — благодаря огромным дозам психотропных, успокаивающих препаратов...

Федотов ведь «лечил» его таким образом не день, не два, а как минимум две недели...».

После смерти Высоцкого Анатолий Федотов признал: «Нужно было забрать его в больницу 23 июля...».

В свою очередь знакомый поэта Олег Емельяненко вспоминает: «Толя Федотов пил по-черному — и в день похорон Володи, и на поминках, как через девять, так и через сорок дней после его смерти. Он считал себя виноватым в смерти Володи, так как заснул... Хотя никто из нас в этом его не винил...».

Однако предположения о том, что смерть Высоцкого наступила в результате действий третьих лиц, подтверждаются также реакцией тех советских органов, которые ошибались крайне редко и были всегда полностью проинформированы обо всем. С августа по октябрь 1980 года в МВД России проводилось следствие по делу, затем было дано заключение о неумышленном убийстве Высоцкого. И, как сообщил недавно Валерию Перевозчикову один из сотрудников аппарата МВД Российской Федерации, в этом следствии представлена совершенно другая, нежели рассказанная Федотовым, версия событий, приведших Владимира Высоцкого к смерти...

«ОДИНОКИЙ ДО КОНЦА»

Вероника Долина

Лик печальный, голос дальний,
До небес подать рукой.
До свидания, до свидания.
До свидания, дорогой.

А кто-то Гамлета играет,
Над кем не каплет,
И новый Гамлет умирает,
Прощайте, Гамлет.

Но вот публика стихает,
Как будто чует:
Пусть помолчит, не выдыхает,
Его минует.

По таганским венам узким
Наливается Москва.
И вдова с лицом французским
Будет много лет жива.

Вон газетчик иностранный
Дико крутит головой.
Кто-то странный, кто-то пьяный,
Кто-то сам полуживой.

Усни спокойно, мой сыночек,
Никто не плачет.
О, этот мир для одиночек
Так много значит.

Переулочек глубокий,
Нету близкого лица.
Одинокий, одинокий.
Одинокий до конца.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Фрагменты поэтических текстов, прозы и писем В.С. Высоцкого приводятся по «Собранию сочинений в пяти томах». Тула: Тулица, 1993–1998 гг.
2. Отрывки из дневника В. Золотухина цитируются по книге: *В. Золотухин. Секрет Высоцкого. Дневниковая повесть*. Москва: Алгоритм, 2002 г.
3. Фрагмент текста песни Вероники Долиной «Поль Мориа, уймите скрипки...» расшифровывается по фонограмме грампластинки Всесоюзной фирмы звукозаписи «Мелодия» (Москва). Авторский альбом «Мой дом летает» (СМ 01651), 1987 г.
4. Фрагмент стихотворения Б. Ахмадулиной «Москва: дом на Беговой улице», посвященного В.С. Высоцкому, приводится по книге: *Белла Ахмадулина. Избранное*. Москва: «Советский писатель», 1988 г.

Другие использованные автором тексты интервью, высказываний, воспоминаний даются в переводе с польского в соответствии с приводимыми в книге.

О МАРЛЕНЕ ЗИМНА

Марлена Зимна — известный в Польше высококовед, литератор, переводчик и журналист. Ее перу принадлежат многочисленные статьи, переводы, радиосценарии, пьесы, книги.

А начиналось все в 1987 году, когда М. Зимна — ученица гимназии участвовала в общепольской олимпиаде по русскому языку и победила. Ее как лучшую решили отправить на международную олимпиаду по русскому языку в Москву. Победила и в Москве, поэтому имела возможность выбрать для учебы в России любой вуз по филологии. Конечно же, выбрала город Высоцкого и Московский госуниверситет им. Ломоносова.

— Интерес к Высоцкому, его песням, стихотворениям появился у меня после прослушивания в ночном эфире радиопередачи о нем, — рассказывает Марлена Зимна. — Мне было тогда 11 лет. Поразили его голос, драматизм песен, ломка канонов популярной музыки. О полном понимании текста тогда, конечно, не могло быть и речи! Через какое-то время я уже искала его произведения и записи.

Приехав в Москву с твердым намерением заняться учебой и параллельно исследованием творчества В.С. Высоцкого, Марлена Зимна осталась верна своему слову. Хотя очень многие ее убеждали, говорили, что ей

как иностранке будет это довольно тяжело. Но ... была «горбачевская перестройка» и «ускорение» — словом, другая ситуация. Да и профессора, которые обучали Марлену Зимна, отнеслись к ее увлечению с пониманием...

После окончания МГУ им. Ломоносова Марлене предложили продолжить учебу в аспирантуре, где она блестяще защитила кандидатскую диссертацию.

— Находясь в Москве, — продолжает Марлена Зимна, — мне удалось встретиться со многими людьми, которые хорошо знали Высоцкого: его мамой, женой, друзьями, коллегами по сцене, знакомыми... и собрать материал для своих книг. Кроме того, в Москве у меня появилась мысль создать собственный музей поэта и актера в Польше. Общеизвестно, что Высоцкий не раз бывал в нашей стране, в том числе с концертами или спектаклями.

С 1994 года в городе Кошалин, где живет М. Зимна, работает единственный, получивший официальное признание в Польше музей В.С. Высоцкого. Его организатором и директором является Марлена Зимна. О высоком уровне музея свидетельствуют не только собранные в нем уникальные экспонаты, но и сотрудничество с высококоведами многих стран мира: Англии, Австрии, Болгарии, Германии, Италии, Израиля, Канады, Норвегии, России, Румынии, США, Японии и т.д. Ежегодно музей организует и проводит выставки, конференции, фестивали, в том числе и международного уровня.

Среди книг, написанных Марленой Зимна, хочется выделить два ее сборника переводов на польский язык стихов и песен Высоцкого — «Кони привередливые» и «Охота на волков», которые получили высокую оценку специалистов и критиков как в Москве, так и в Польше. Большой интерес представляют также вышедшие в Польше

книги о жизни поэта и актера «Высоцкий между жизнью и смертью» и «Кто убил Высоцкого?».

Предлагаем вниманию читателя книгу этого автора «Высоцкий — две или три вещи, которые я о нем знаю». Она впервые переведена на русский язык.

Геннадий Осадчий

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
В начале шестидесятых годов... ..	8
«Большому поэту...»	12
«В меня влюблялся вся улица...»	20
«...Все женщины были его!»	29
«...Чтобы знала, что это серьезно»	34
«Ничего удивительного, что заметила Володю...» ...	47
«...видеть, как ты умираешь, не могу»	54
«Уйду я в это лето...»	64
«...у него были забинтованы обе руки»	73
«...От моего еврейства не осталось и следа...»	78
«Володя был такой тихий»	85

«Я клоню свою голову шалую перед Варшавою, пред Варшавою»	92
«...наконец-то в него вчитываемся»	102
«Мне есть что спеть, представ перед Всевышним...»	106
«Я встал горой за горцев...»	109
«Не везло нам с тобой и в наслышках...»	117
«Как будто хотели проверить, жив ли...»	121
«...делал все, чтобы предложить ему ничью»	125
Сева с огромным усилием отобрал у Высоцкого кинжал	129
«...ассистент режиссера сходил с ума, а Высоцкого все не было»	136
«Когда умру, Валера напишет обо мне книгу...» ...	144
«Нездешне одинок...»	154
«Я должен первым быть на горизонте!»	158
«И он несет наши чемоданы?!»	170
«Я, конечно, вернусь...»	174
«Володя, ты же ведь блефуешь...»	186
«...его величество принц датский...»	195
«...ответы вы найдете в моих песнях»	207
«Застывший вулкан...»	213
«Последний романтик»	220

«...Би-Би-Си до утра передавала его песни»	228
«...его привязали простынями к тахте» (вместо эпилога)	234
«Одинокий до конца»	243
Использованные материалы	245
О Марлене Зимна	246